

ЖУРНАЛ «ЛЕХАИМ»

**АВГУСТ
2004**

**АВ
5764**

№ 8 (148)

НЕ САМОУВЕРЕННОСТЬ, А УВЕРЕННОСТЬ В СЕБЕ

Давид Гадольд ер Дишод дампацлаае: «Етаа абаа и йу аиба аба іа іоде е оіі а :оіау јаеодуу а іае і ед абааа і іа іааі еіі іа іаіа дау. Іааі еіі ер “Ііо:аіе іооіа”: “Ні едуге іау ер аіао іе”. Неіаа юе і деі абаае дааае Еаеодуу ер Баіа А і іоі і іауааа абаа і йу іа адоау іаіа е іоі-еа іа іае іеіаа і оадоіа ер Оаеі оаа: “Ааі і ед іісаі аеу і аіу”. Ні оеіаі і іа, іа іау, еае іауаоду аіаеіі юе да:аіеу, іа іадаіе аеуа іоіоаіііеіаіуа іі іі ііеа Неае у даі іоіеуі аа оо іоааа, е адоа іеіуоо – аіа аіеіа еде:ао: “І ае оіа! І ае оіа! О аа і аеі:еі!” Оае ііаеіуу іа ааіе іаа е іі оао іаі ііо аіа аіа ар іаа оаі, еае іаі аіодеі іа».

Каждый человек, проживая жизнь, по многу раз испытывает два противоречивых чувства. Нередко мы страдаем от неуверенности в себе: боимся того, что готовит грядущий день, не знаем, сумеем ли справиться с испытаниями, которые выпадут нам на долю. А порой наоборот – «страдаем» самоуверенностью: дескать, все нам по плечу, все-то мы знаем лучше остальных и ко всему в жизни готовы.

В обоих случаях речь идет о болезненных состояниях, тяжелых и даже опасных; поэтому я дважды употребил глагол «страдать». Гнетущая неуверенность в себе рождает боязнь перед жизнью – а что, скажите, хорошего, если человек постоянно охвачен страхом? Самоуверенность же, со своей стороны, вынуждает нас действовать необдуманно; потом так или иначе приходится расплачиваться за последствия. Кроме того, и неуверенному в себе человеку, и человеку самоуверенному плохо живется среди людей. Первый все время ждет от других подвоха, никому не доверяет и потому не может ни обрести истинных друзей, ни познать настоящую любовь. Что до второго, то из-за веры в собственную непогрешимость он воспринимается окружающими как личность высокомерная, амбициозная и в конце концов тоже остается в одиночестве.

Когда человек чаще всего оказывается в этих «крайних» состояниях? Как правило, в тот момент, когда люди вслух высказывают свое о нем мнение, критикуют какие-то его поступки или поведение в целом. Скажем, если у него на работе возник конфликт с сослуживцами. Или если о нем что-то не слишком приятное написали в газете... На слова других о себе волей-неволей всегда реагируешь. И обе «крайние» реакции – страх и пренебрежение – одинаково плохи.

Именно ради того, чтобы помочь нам избежать крайностей и сохранить душевное равновесие, существуют «надписи на стенах рая», о которых говорил рав Нафтали. Первая учит человека скромности. Нельзя забывать, что ты в с е г о л и ш ь человек, и оттого твой разум несовершенен, суждения твои по большей части – отнюдь не истина в последней инстанции. Вторая надпись учит уверенности в своих силах. Ведь ты – Человек, венец творенья! Это ради тебя Б-г создал мир, на тебя Он возложил великие задачи и тебе же дал разум и мощь, дабы эти задачи выполнить. Как говорили наши мудрецы, пусть будет благословенна их память: «Важно, чтобы человек знал свои недостатки. Но не менее важно, чтобы он знал свои достоинства».

Если человек всегда помнит «надписи на стенах рая», он будет здраво относиться и к комплиментам, и к критике. Конечно, любому приятно, когда его превозносят. Но для труса даже комплимент чреват переживаниями: сам он не вполне уверен, что действительно обладает тем свойством, за которое его хвалят. Он вообще о себе знает очень мало. Словом, его самооценка полностью зависит от чужого мнения. Только когда человек сознает до конца, что он есть на деле, он может по достоинству оценить похвалу в свой адрес. Ну вот, скажет он себе. Люди одобрили мою деятельность. Спасибо им. Это значит, что вокруг меня царит атмосфера доброжелательства. Мне будет хорошо в обществе друзей.

То же и с критикой. Как-то к одному раввину пришла посоветоваться женщина. Пришла вся в слезах. Оказывается, ее знакомая объявила ей, что она плохая мать и скверная жена. «А это неправда?» – спросил раввин. – «Конечно!» – прорыдала в ответ женщина. Раввин посмотрел на нее, посмотрел и вдруг спросил: «А бородавка у вас на щеке – как вы с ней живете?» – «Какая бородавка?» – не поняла женщина. – «Большая, уродливая, на щеке под глазом...» – «Да нет у меня никакой бородавки!»

Раввин покачал головой: «Вот видите – вы знаете, что бородавки нет, и то, что я о ней заговорил, вызывает у вас лишь удивление. Но если вам так же точно известно, что вы хорошая мать и хорошая жена, – почему тогда обвинения вашей знакомой заставляют вас горько плакать?»

Если кто-то целиком зависит от чужого мнения, то всякий раз, когда его критикуют, он чувствует боль и обиду. Даже если критика абсолютно несправедлива. Но если человек всегда помнит «надписи на стенах рая», он и критику воспримет здраво, и похвалу, – памятуя, конечно, о скромности, но, кроме нее, и о том, что Б-г, создавший мир для него, дал ему громадные возможности. Для такого человека и хула, и хвала – не бесспорные истины, а лишь повод задуматься: знают ли люди, чего он стоит в действительности?

В Торе сказано, что наш учитель Моше был «скромнейшим из всех людей на земле». Возможно ли это, если Моше вел за собой народ, если с ним говорил сам Б-г?! Возможно. Как раз поэтому он и был скромен: он нашел точку опоры где-то между суровой заповедью «Смирять себя...» и радостным открытием «Весь мир создан для меня». Моше прекрасно знал, что наделен великой силой, что он – вождь иудеев. Но знал и другое – знал, что, будучи человеком, он далек от идеала; следовательно, многое из того, что ему дано было совершить свыше, могло быть сделано гораздо лучше...

Āĕāāī ūé ðāāāēī Dīīīē Āāē Ēāāð

ЗА БУКВОЙ ЗАКОНА

ΝΕΟΛΑΪ ΕΛ Α ΝΑΪΑΪΑ

ΑΑΑΟΝΟΪ ΑΝΕΕΛ Ι Ι ΝΕΑΪ ΕΒ ΕΡ ΑΑΑΕ Χ ΝΕΪ ΑΪ ΔΑΑ

Ϊ αϊ αααϊ - Ϊ αϊ αε ΟΪ αααΪ

ΟΪ εϋεΪ οΪ ο παΪ αΪ ααΪ, εοΪ ϕαΪ γο εϕο: αϊ εαϊ ΟΪ οαΪ.

Ϊ ιο: αϊ εϋ ιο οΪ α 6:2

Ϊ ι: αϊ ο α γο ι ι ο α α α ε α α ι ε ε α ι ο υ ι ι η ε γ α δ α ι ε: αϊ εϋ: «οΪ εϋεΪ οΪ ο παΪ αΪ ααΪ»? Ϊ ι: αϊ ο ι α η ε α α ι ι ι ο η ο ι: «Εϋ ο ε ι ι α γ παΪ αΪ αα α ι ι ο ε α α ο η η ϋ: α δ α ϕ ΟΪ ο δ ο»?

χ α ε ι α ε - ε ι ι α: α ι, ε α η η, ϋ α ι ι ι ι α ε α α α α ο, ϋ α η ι ι α ε α ο α ι ι ο ε: υ ι ο α ε α α γ α ε γ α ο η η ε ι ι α: ι ο ι, ε ι α β υ ε ι α λ α ι ε ο υ ε ι δ α α α ε υ. Ϊ α κ α α ε ϋ: α ε ι α ε ι α ι ι α ε α ο α ι ο υ παΪ αΪ α ι ο ι? Α α α ι ι α ο Ϊ ε ϋ ε ϋ γ α δ α ε ι υ ε α δ α υ ι α ε, ϕ α ε ϋ ο η ϋ, ι α α α ε α ο α ι ε ε α α α ι ι ο η ϋ γ α δ α: α ι ι δ α υ ι α α ο υ α ο η ο ϋ η α α η α ε ο η ο δ α η ο α ε, - α α α ε γ ι ο ε ι ι α ε υ ι α ο η ο ε: ε α ι ε ε ι η ε ϋ ε ι ε υ ε ϋ: α ε ι α ε, ι α ε α α β υ ε ε ι ι α ε α ι ο α ι α ι ϕ ι ι α ε ι ι η ο α ε ε α α ο υ ε ε α ε ϕ ι υ ε α ε ο υ ο η η η παΪ αΪ α ι ε, α η α α α ι ϕ α ε η ε ο ι ο η α η ο α α ι ι ο ο ϋ: α ε ι α ε ο ι α δ α ι ε: α ι ε ε.

Υ ο ι ι ι ο: α ι ε α ι ο η ο ι ο ι α ε ε ι α α ο η η η ο α α α ε α α ι ε ϋ «οΪ εϋεΪ οΪ ο παΪ αΪ ααΪ», α α α ι ι ι α: α δ ε ι ο ο υ ε ϕ ο: α γ ΟΪ ο δ ο, ι ι α: ε ι γ γ η α ε ο ι ε α ι ε πα η ϋ ε ε: ι ι η ο υ ι α α η η ο ε ε α ι ε α Α η η ι α υ ι α α, ϋ: α ε ι α ε η ι η α α ι α ι ε ο ε ϕ α ι δ α α α ε υ ο α α α ι ι ε ι δ ε ο η α υ α α υ α ε.

Ο η ο α «ι ο ι α ι γ α ο» ι α η α α η α ε ι ϕ η ι ο η α η ο υ ι α ε α ο ε ι ι α: ι ο ι ε α η ε ι α: ι ο ι: γ ο ι ι α α η η ο υ ε α ι ε ϋ Α α η η, η ο η ο η ε ε ο η α α ι ι α γ α α η α ε α ι ε γ ο, ε ι ο η ο η α α η η ο ο η ι ο ϋ ϋ: α ε ι α α: α η ε ι ο η η ε ι α ι ε η. Ο η ο, ε ο ι ι δ ε ι ε ι α α ο «δ α α η ο α η» α ε ϕ ι ε, ι η η γ υ α η η ε Ο η ο α, ε η η ο ο υ α α ο η α η α α η, α η ε η ε η α η ο η ι ο η α ι ι α «ι α ϕ α ε η ε ι ι α» ε ϕ ε ϋ α ε.

ΑΑΕΪΑΪΑ ΙΟΪ ΙΘΑΪ ΕΑ

...οΪ ο <...> εοΪ ϕαΪ γο εϕο: αϊ εαϊ ΟΪ οαΪ.

Ϊ ιο: αϊ εϋ ιο οΪ α 6:2

Глагол, который часто употребляют наши мудрецы, описывая погруженность в Тору, – не «изучать», не «учить», не «соблюдать» или «придерживаться», но – «заниматься» («осек»): слово, которое обычно употребляется в выражении «заниматься бизнесом». Действительно, жизнь, посвященная изучению Торы и реализации выраженных в ней идеалов, весьма напоминает занятия бизнесмена делом.

Представим себе такое отношение к делу: «Я знаю, что на мою продукцию есть спрос, что я предлагаю самое лучшее. Я буду счастлив, заключив сделку со всяким, кто думает так же и сумеет меня понять».

Правда, это похоже на слова доброго малого, но вряд ли напоминает подход делового человека?

Задумаемся о такой заповеди, как забота о ближнем. Считается: чтобы человеку помогли, он должен попросить о помощи, пусть даже не напрямую, но достаточно понятно. И тогда ситуация ясна: кто-то нуждается в помощи и хочет, чтобы ему помогли, – значит, следует ему помочь. Разве можно мыслить по-иному?

Но Тора требует, чтобы человек относился ко всем своим положительным устремлениям, как к бизнесу. Если у вас есть знания, достоинства, таланты, – не «набивайте ими сундуки» и не предлагайте их

Но, в отличие от физического рождения, при котором Всемогущий дарует бессмертие каждому зачатию, в этом случае «Третья Сторона» примет участие, только будучи осознанно призвана. Если учение и поиск мудрости имеют благочестивые цели, тогда зерно, посаженное учителем, «плодится и размножается» в уме ученика. Но если это что-то вроде «упражнения в самоукреплении», тогда приобретенное знание не выйдет за пределы смертности, присущей и учителю, и ученику.

ΑΑΝΙ ΕΙ ΑΙ ΑΒ Ι ΟΑΔΙ ΝΟΥ

В этих размышлениях содержится ответ на вопрос: можно ли получить положительное знание от плохого человека? Ответ – «да», но с существенной оговоркой. Допуская, что человек способен отделить хорошее от плохого, можно учиться и у безнравственного учителя (см. Хагига, 15б: «Рабби Меир [учителем которого был отступник Элиша бен Авуя] нашел гранат, съел содержимое и выбросил кожуру»). Однако полученное от такого учителя – это бесплодная мудрость, которой будет не хватать порождающего качества «плодиться и размножаться».

Это объясняет трудное для понимания выражение, содержащееся в комментируемом стихе. Почему из почитания Давидом Ахитофела вытекает, что «любой <...> человек, изучивший с помощью ближнего одну главу, один закон, один стих, одно изречение или узнавший от него даже об одной букве <из Торы>, тем более должен относиться <к учителю> с почтением»? Как свидетельствует заповедь, Давид научился у Ахитофела только «двум вещам». Но если буквально переводить оригинал, там сказано: «не научился у Ахитофела ничему, кроме только двух вещей». Почему в оригинале столь длинное описание этого обстоятельства, так много оговорок – ведь Талмуд всегда стремится к лаконичности?

Вспомним: речь идет о «безнравственном Ахитофеле», давшем дурной совет Авессалому и подтолкнувшем его восстать против Давида (II Шмуэл, конец гл. 16; Сангедрин, 106б). Итак, если царь Давид дважды чему-то научился у Ахитофела, то он действительно выучил «только две вещи»: постигнутый урок заключался лишь в передаче и восприятии этих двух вещей и не более.

И все-таки Давид почитал его как своего учителя. Так насколько же более человек должен почитать того, от кого научился хотя бы единственной частице мудрости, которой причастен Сам Б-г, которая будет расти и изменяться, чтобы помочь человеку противостоять несметному числу испытаний, встретившихся на его жизненном пути!

ΑΑΙ ΕΕ Ι ΑΙ Ι Ο

*Ὁ ἀεὶ ἰσοῦ ἀεὶ ἐφ' ἀρὰν ὄντα ἰεὶ οὐκ ἔστιν ἡ μείψ, ἰεὶ οὐκ ἔστιν ἡ ἀδὲ μ' ἀδὲ ἰὰ
καὶ εἰ ἀεὶ οὐκ ἔστιν ἰεὶ οὐκ ἔστιν ἰεὶ οὐκ ἔστιν ὄντα.*

Ἰσοαίεῦτοῦτᾶ 6:4

Вспомним, что сказано рабби Йонатаном в другом поучении: «Тот, кто будучи бедным, живет по законам Торы, удостоится жить по ее законам в богатстве» (Поучения отцов, 4:11).

Является ли бедность идеалом? И можно ли утверждать, что она непосредственно ведет к овладению Торой? И наоборот: является ли богатство желанным для человека? И служит ли оно наградой тому, кто соблюдал Тору даже в бедности?

ΝῆΑΑδοαίίΑΒΪΕὺΑ

Заповедь утверждает: «Тора была дана только едокам манны» (Мехилта, Бешалах).

Целое поколение евреев, простоявших у Синая, чтобы получить от Б-га Тору, питались не обычным «хлебом из земли», но более совершенным «хлебом с небес» (Шмойс, 16:4), которым Б-г поддерживал их.

Но Тора была дана всем поколениям евреев. Как же сегодня человек может стать едоком манны?

После сорока лет питания манной, когда народ Израиля готов был войти в Святую землю и заняться обычным трудом земледелия – сеять хлеб и собирать урожай, Моше объяснил евреям значение небесного хлеба, который поддерживал их в скитаниях по пустыне. «И смирял Он тебя, – сказал Моше, – и испытывал тебя голодом, и кормил тебя маном, которого не знал ты и не знали отцы твои, дабы показать тебе, что не одним лишь хлебом живет человек, но всем, что исходит из уст Б-га, живет человек» (Дворим, 8:3).

На сорок лет манна небесная освободила евреев от забот о пропитании. Это была совершенная пища, обеспечивающая потребность человека в еде ровно в том количестве, которое нужно. И тем не менее, – а в действительности именно по этой причине, – Моше называет ее «хлебом горьким», «хлебом бедности». Ведь поколение евреев, питавшееся манной, испытало на себе полную зависимость человека от Б-га, поддерживавшего жизнь. Манна научила, что сам человек ничего не может достигнуть: неважно, сколько он трудился, чтобы собрать манну, его усилия никогда не приносили большего, чем нужно ровно на один день.

Поучение призывает к тому, чтобы мы тоже были «едоками манны». Даже когда мы едим обычный хлеб, заработанный тяжелым трудом, мы должны сознавать, что именно Б-г творит этот хлеб и таким образом поддерживает нашу жизнь. Мы также должны осознавать, что в хлебе содержится «слово из уст Б-га»: то есть Б-жественная речь питает нас.

Поэтому в благословении за еду мы именуем Б-га «Тем, который в Его благости дает пищу всему миру». Это именно то благословение, которое сочинил Моше в благодарность за «хлеб с небес», дарованный его поколению в пустыне! Мы благодарим Б-га за наш хлеб, «заработанный» умением и трудом, теми же словами, которыми наши предки благодарили Его за манну. Иными словами, мы стремимся испытать ту же степень зависимости от Б-га в нашем обычном пропитании, которую манна внушила поколению Моше. Эта зависимость являла присущую человеку «бедность».

позволяющий – или даже требующий – сохранения нашего индивидуального «я», которое противоположно безличному служению.

ĪĀŪĀĒÒÈ ÒĀĒŪ

Ā-āāāāāō āōōīāī Īā ōēēē-āīēēī ; āāōāē āāēāāō ōēēē-āīēēī ā āōōīāī ūī .

Dāāāē Ēīīīīyē Āāāē-Ōāī -Ōīā

Вселенная зародилась в виде идеи в «сознании» Б-га.

Вначале у Него возникла картина «дома в чужой земле». Он представил себе мир, негостеприимный для Его присутствия, скрывающий Его абсолютную истину («олам» – еврейское слово, обозначающее «мир», также имеет значение «сокрытие»). Здесь случай и прихоть прячут замысел, который Он вкладывает в каждое существо и каждое событие. И Он представил себе существо – человека, – который преобразит эту враждебную среду в подлинный «дом» и будет служить Ему. Это существо, способное выйти за пределы сокрытия и осознать Б-жественную сущность каждой сотворенной вещи, способное преобразовать материальный мир в жилище для Б-га, где явлено будет присутствие Творца.

Говоря словами наших мудрецов, «Б-г возжелал обители в нижних» (Мидраш Танхума, Носой, 16; см. Тания, гл. 36).

Само рождение этого замысла было актом творения Б-гом «причин» вселенной, ее смысла и целесообразности. Именно из этой «духовной» реальности Б-г продолжил творить физическую вселенную, чтобы воплотить Свою идею реальности в мирадах существ и явлений. (Время также является физическим творением Б-га, Им развернутым из «предшествующего» абстрактно-духовного состояния. Поэтому, когда мы говорим, что Б-г «сначала» сотворил духовную сущность мира, а «затем» продолжил воплощать ее в материальном виде, мы говорим не о логической последовательности в рамках физического времени, но о иерархии первичной и вторичной реальностей.)

Задача человека, «сотработника Б-га в творении», состоит в «изменении вектора» этого процесса. Сталкиваясь с реальностью телесного мира, он ищет его душу, внутреннюю сущность, пытается открыть его значение и понять целесообразность. Он трудится, чтобы преобразить грубую «физичность» мира в обитель Б-га, – то есть творчески «извлечь» из этого мира изначально присущий ему замысел. Рабби

Исроэл Баал-Шем-Тов выражает это так: Б-г делает из духовного мира физический, а мы преобразуем физический мир в духовную реальность.

Поэтому сам акт служения Б-гу является актом отрицания: ведь создавать «обитель Б-га» значит отделять от мира его материальность, то есть давать несколько иное определение реальности, описывая таковую в понятиях ее Б-жественной сущности и ее функциях, а не ее физической оболочки.

То же применимо к человеку. Человек – часть творения. Он одновременно является и творцом, и тварью: ум, сердце, силы и таланты даны ему, чтобы он исполнил свое предназначение и с их помощью преобразил материю в дух, перенес акцент с объекта на цель. На этом пути физическая личность человека должна быть замещена ролью слуги Всемогущего: «я не был сотворен ни для чего, кроме служения моему Творцу».

יֹצֵאִי וְנִבְנְאָה עִיר אֲדוֹמֶה

Человек хочет иметь дом. Сначала размеры и параметры этого дома неопределенны: человек думает лишь о сущности дома, хочет дом как идею. (В нашей метафоре различные стадии создания дома [замысел, чертеж, макет и настоящий дом] следуют одна за другой в физическом времени. Но когда мы говорим о творении Б-га, их нужно рассматривать опять-таки как уровни реальности, а не как эволюцию во времени.) Затем образ дома постепенно обретает форму в сознании человека. Взяв ручку и бумагу, он делает наброски этажей, мебелировки, сада вокруг дома; отмечает виды и цвета материалов, архитектурные решения фасада, точный дизайн тех или иных деталей. Но чертеж не содержит ничего «нового». В нем все, вплоть до скобы на основании дверных ручек, является результатом первоначального замысла дома.

Далее, с этим чертежом в руках, будущий домовладелец станет закупать необходимые материалы. Потом он передаст чертеж и материалы подрядчику, работа которого состоит в том, чтобы преобразить самостоятельные сущности – бревна, камни – в дом: ту сущность, которую человек нарисовал в своем воображении и которая для него дорога как святыня.

Тора является «чертежом» дома, созданным Б-гом, подробным описанием того, что должен сотворить Его «подрядчик» (человек) из материалов, которые Он предоставляет (физический мир).

Каждая из заповедей Торы учит нас взять определенный предмет или средство и создать из него орудие Б-жественной воли: тфилин, сукко, молитвенную книгу, деньги на благотворительность. Каждый раз, когда мы выполняем заповедь, мы преобразуем еще один элемент «негостеприимного» мира в нечто, воспринимающее и выражающее Б-жественную истину. Каждым подобным актом мы способствуем тому, что Всемогущий оказывается меньше сокрыт и «сдержан» искажениями физической вселенной и больше находится «дома», в Своем творении.

נְדָאִי נֹאִא

Физические ресурсы мира, из которых мы создаем обитель Б-га, можно разделить на две категории.

а) Элементы, которые сами по себе превращены в «сакральные предметы». Таковы пергамент и чернила, образующие свиток Торы; эсрог и лулов, которые становятся приношением в день праздника Суккос; 26 часов, которые освящены в качестве праздника Йом Кипур. Эти сущности освящены и облагорожены, поскольку они – объекты воли Б-га.

б) Элементы, которые сохраняют свою материальную природу, делая возможным наше служение Всемогущему. Так, пища усваивается человеком и превращается в энергию, которая питает и наше сознание в процессе изучения Торы, и сердечный пыл, когда мы молимся, и физические усилия, когда мы помогаем ближнему.

В «сакральных» сферах человеческой жизни принцип «я не был сотворен ни для чего, кроме служения моему Творцу» полностью утвердился. Что такое свиток Торы, тфилин, лулов и эсрог? Сам вид и образ этих предметов связан с их подлинной сущностью. Они освобождены от каких-либо еще функций.

То же самое истинно в отношении человека, который занят выполнением заповеди. Рука, раздающая милостыню, ум, постигающий Тору, молящиеся сердце и уста наглядно реализуют свою основную функцию – служение Творцу.

Но Б-г хотел большего. Он хотел «обители в нижних».

Что такое «обитель в нижних»? Очевидно, мир, ранее бывший «низшим» и не воспринимавший Б-жественности, который преобразуется в «жилище» для Всемогущего. Но более глубокий смысл этих слов состоит в том, что «низшая сфера», материальная, в своей заурядности и приземленности должна быть преобразована в «дом» Б-жественного присутствия.

Именно этой цели должны служить предметы, принадлежащие ко второй категории. Хотя подобные элементы служат Б-жественной воле, они остаются обычными предметами: пищей, питьем, одеждой, постройками. То же верно в отношении личности. Для человека, который живет служением Творцу, цели материальной жизни – зарабатывание денег, еда, сон, отдых – существуют только во имя служения Б-гу; тем не менее, они остаются «низшими», материальными целями. Сначала человек осознает свое существование и свои потребности («я был сотворен») и лишь затем – их полезность («чтобы служить моему Творцу»).

Но именно в этой области нашей жизни, где реальностью остается физическая личность, возводится «жилище в низших». (Вот значение заповеди «Пусть все твои деяния совершаются <...> ради имени Г-спода» (Почтения отцов, 2:17): есть элементы твоей жизни, которые остаются «твоими поступками», частью твоей личной жизни, но служение стремлению твоей жизни – это служение Всемогущему.)

Î Ò × ÁÐÕÀÆÀ Ê Î ÄËÁÕÕ

È ãááððé Á-ã íáðáíáγíííé Î íσά òáé: «Ñéáæ è ñííáí Ëçðáééγ, í ðíòú áíçú òò í ðéí í σáí éá áéγ Î áíγ <...> çíéíòí, è ñáðááòí, è í ááú è ãéóáσç σáðíòú è áááγíéóó è ÷áðáéáí éóó è éáí, è éíçñç σáðíòú è σéóóú ááðáí úé, í éðáσáí í úá á éðáíí úé óááò, è σéóóú ò ááðáσáé, è ñò áíéú áεáòéé, í áñíí áéγ í áí í ðú <...> è áðíí áò í íáí áñíéðáí éγ, í í ééñí è áðúá éáí í é, áñò ááéγáí úá á γéóíá è ðí σáí; è í ñíò ðíγò Î í á Νáγò éééúá, è Β áúóó í áé ò áò úú ñááé í éó».

Øí íéñ 25:1-8

Ñóéó í á ãááððéò: «Î ñíò ðíγò Î í á Νáγò éééúá, è Β áúóó í áé ò áò úú á í áí », à ãááððéò: «áúóó í áé ò áò úú ñááé í éó», òí áñò úú á éáεáíí éç í éú

Øáéí, Áðáò à ó: áí í ñðé

Значительная часть Книги Шмойс (12 из 40 глав) посвящена сооружению Мишкана, переносного Святилища, построенного еврейским народом в Синайской пустыне. Мишкан представлял собой нечто большее, чем временный дом почитания для странствующего племени. Это был первоначальный макет и прототип преобразования материального мира в «жилище для Б-га».

Деление нашей жизни на две сферы соответствует делению элементов Святилища: есть субстанции, обладающие реальной чертой «я был сотворен», и есть элемент полного самоотрицания – «я не был сотворен ни для чего, кроме...»

Наши мудрецы утверждали: «Мир не считался достойным использования золота. Тогда зачем оно было сотворено? Для Мишкана» (Брейшис Раба, 16:2). Золото существует и вне Святилища, и Тора одобряет его использование для украшения жизни человека. Но признание того, что его истинная, конечная функция – это создать «жилище» для Б-жественного присутствия, внедряет в наше сознание мысль, что наше «личное» золото прямо или косвенно предназначено для служения той же цели.

Другой из пятнадцати материалов, из которых был создан Мишкан, дает нам модель еще более самоотверженного измерения нашей жизни. Крыша Святилища была покрыта кожей тахаша – животного, «существовавшего только во времена Моше <...> оно было предоставлено Моше, который использовал его для Мишкана, а затем исчезло» (Шабос, 28б). В этом мы видим «прототип» черты «я не был сотворен ни для чего, кроме»: существо, лишенное «личности», отличной от цели, которой оно служит.

Наконец, так же и все «жилище», которое – «в каждой личности». Каждый из нас уполномочен «делать духовным физическое»: освящать некие аспекты жизни, чтобы они были полностью отождествляемы с их Б-жественной целью и сущностью.

Î Í Î ÆÁÑÒÁÍ Í Î ÑÕÛ

Ðáááé Øáí áí éγ, ñíí Áéáòéáðá, áñáððé: Á-áðíò áé í-éñò éò úú í áðíá Ëçðáééγ, í íγò íí ó Î í ááé èí Øí ðó è çáí í áááé á éçáú ò éá

Î áéíéñ 23á

Цель творения, говорят мудрецы, – «создать обитель Б-га в нижних» царствах нашего физического мира (Мидраш Танхума, Носой, 16; см. Тания, гл. 36). С этой целью Всемогущий вложил Свою мудрость в Тору и сформулировал заповеди для выражения Своей воли. Когда человек использует свой физический ум для изучения Торы, а также использует элементы физического мира для соблюдения заповедей, он создает из этих «низших» субстанций обитель, в которой может явить Свое присутствие Творец.

Но зачем так много заповедей? Зачем так много аспектов Торы? У нас есть и положительные, и отрицательные предписания. Заповеди, данные нам, включают и логические законы, и законы,

игнорирующие логику, и все, что «между ними». У нас есть интеллектуальные заповеди, эмоциональные заповеди, сельскохозяйственные заповеди, деловые; заповеди, касающиеся пищи, одежды, жилища и семейной жизни. Тора включает все средства обучения и наставления, известные людям: рассказы, кодексы законов, гадания по числам, историю, философию, этику, поэзию, метафорические и мистические сочинения.

Б-г – это единство в высшем его проявлении. Разве Он не мог выразить Свою мудрость в одном месте? Тогда бы люди выполняли Его волю, действуя единым образом.

Вот вопрос, который задает рабби Хананья в процитированной выше мишне, изучаемой в заключение каждого еженедельного урока «Поучений отцов». В самом деле, зачем такой избыток заповедей? А вот и ответ: Б-г хотел очистить народ Израиля. Б-г хотел «обитать в нижних», «внизу», – где все различно и многообразно.

Значит, если «низ» действительно должен стать обителью Б-га, Б-жественное присутствие должно пронизывать каждый аспект этого мира. Если человеческий ум должен стать «домом» для Б-жественной мудрости, то должен быть задействован каждый вид мышления. Если физическая жизнь человека должна стать проводником Б-жественной воли, то должна быть затронута каждая грань этой жизни. Очищение человека, вплоть до каждого его элемента, является решающим фактором в реализации цели Б-га, ради которой был сотворен этот мир.

МЫ И ОНИ

Человек раскрывается в соприкосновении со своим окружением. И зависит это иной раз не только от личного восприятия, но и от атмосферы, именуемой общественной.

Евреи, пережившие «дело врачей», вспоминают, как в вагоне метро, в троллейбусе, в магазине ловили на себе откровенно враждебные взгляды.

Национальная предрубежденность – чувство стадное. Оно не нуждается в мотивации и вспыхивает, словно сухая трава от спички. Охотников чиркнуть обычно хватает. Даже если среди них нет отпетых мерзавцев. Достаточно, чтобы были равнодушные.

Антисемитские пакости, какие распространялись в печати, запросто подхватывали люди, не бравшие в руки газеты. Пакости такого рода витают в воздухе. Особенно коль он отравлен националистическими микроорганизмами. Если антисемитизм некогда насаждался сверху и подхватывался снизу, то сегодня вряд ли можно полагаться на окончательное избавление от него, пусть даже он уже оказался не ко двору.

Такой отказ, разумеется, многое значит. Но грешно не понимать причины, приведшие к ситуации, отдающей межеумочностью, что позволяет какому-нибудь черносотенному журнальчику удовлетворять свои потребности. Полемицировать с ним столь же неразумно, сколь опровергать нацистские надписи на стенах, сделанные недоумками, бредящими фашистским триумфом.

Тут особенно желательны чувство собственного достоинства, культура личного поведения. Когда с такой культурой, такой скромностью плоховато, честные русские люди испытывают досаду, сознавая: нехваткой воспользуются охотники ловить рыбку в мутной воде.

Короче говоря, не в наших силах положить конец антисемитизму, лишившемуся государственной поддержки. Но мы в состоянии выбить незримые опоры, на коих он еще держится.

КАК ДОБРАТЬСЯ?

Ñei İİ Áææíáñí

Íæí ÷æíæé İöí ðææéññ á ææææç ðððáí á İíëíæð ðíæé ðæáñí, á İíëíæð êíðéíí. Áçñá ðíæíé áñ, ÷öí İöæíí æý İöðæáíðæý, İİ öðííöéññ á İöü

Áíëíðá áíöæé İİ áí ðææéééé áíðíá è, İá çíáñ, èæéíé İöüí áíðáðüí, ðæöéé èáðé İáññá İí öæé áíëá, İİ, á èííöá èííöíá İéææéíñí ÷öí áíðíá çáæéá áñ á ööíéé. İá öáðýñ İáææáñ, áñðíöéññ İİ è ðææéééá – è İíöæé İİ áöíðí öíöðé.

Ýöíö İöüí İðéáé áñ è áðá, è İİ İíáíýéññ İá İáá İáíæéí áíðöéíá áðüí İá İİ ðááñæá áñ İæéáñíéé, á İíöíí ö İİ ðíðöééññ İİ áðíáí ö ðééííö, – è İéææéññ áææá İéæá öíá İ áíðá, İðéöáá İá:æé İíáñí !

Ища выход из этой новой долины, он обнаружил нехоженую тропу, теряющуюся в густом лесу.

– Должно быть, это та самая дорога, которая мне нужна! – воскликнул он с радостью и начал прорубать себе путь через дебри. Долго ли, коротко ли, но вышел он в такое место, где густой лес казался реже и как бы расступался перед ним. Но когда он ступил на манившую его поляну, его чуть не засосали зыбучие пески. Собрав последние силы, он сумел выбраться и продолжил путь.

Петляя туда-сюда, наконец человек понял: сколько ни идти этим путем, он никуда не приведет. Исцарапанный, израненный, он повернул обратно и дошел до исходного места – опять до развилки дорог. И в отчаянии отправился в третью сторону. Но на этот раз он зашел так далеко, что совсем потерял ориентацию и не мог вспомнить, с какой стороны он пришел сюда.

Шли годы, а он все бродил по свету, переходя с одного места на другое, пробуя разные средства передвижения, нащупывая разные пути, выбирая разных попутчиков. Нередко он просто сидел без сил, без движения, печалась о прошлых ошибках.

Он не переставал искать правильный путь, однако наступил такой момент, когда он потерял всякое представление о том, куда ему идти. На смену надежде пришло отчаяние.

Не кажется ли вам это знакомым?

Где он сбился с дороги? Ведь он же искренне хотел выйти на правильный путь?!

Он хорошо подготовился к путешествию. Но лишь одно упустил из виду – не взял единственную нужную ему вещь – карту местности. Карту, где был бы указан правильный путь, и он непременно привел бы его к цели. Имей человек путеводитель, не надо было бы ему терять время и силы, пробуя разные пути...

Иудаизм – это тоже путешествие. Путешествие в свою душу: это – мост между небом и землей. А карта, которой надо запастись перед тем, как тронуться в путь, – Тора!

Тора помогает нам нащупать дорогу в этом сложном мире, напоминающем темный лес: она дает нам возможность ориентироваться на местности. Тора осветит нехоженные пути, открывающиеся перед нами, придаст уверенности и позволит правильно ориентировать наше до той поры случайное и нецеленаправленное странствие.

В Торе много говорится о путниках – начиная с первых людей, покинувших Эдем, и кончая повелением, полученным Авраамом от Б-га, «Покинуть родину свою...», блужданиями Яакова. В заключение Тора повествует о самом главном путешествии – исходе евреев из Египта.

Выйдя из Египта, евреи дошли до Красного моря. И когда по пятам за ними погнались свирепые египтяне, а впереди открылось море, – тогда евреи, призвав на помощь всю свою веру, тронулись вперед – прямо в морские волны. Но море – расступилось, и они смогли перебраться на другой берег по суше.

Наши мудрецы учат, что в море образовалась дюжина дорог – ровно по одной для каждого из двенадцати племен – колен Израиля. И каждое из колен смогло пересечь море своей тропой. И каждая тропа стала уникальным местом спасения – переправой с одного берега морского на противоположный. Таким образом каждая тропа стала для спасавшихся выходом из плена и рабства египетского к свободе...

На жизненном пути – на пути Торы – нам тоже встречается множество дорог, множество тропинок. Все эти пути ведут к познанию одной и той же истины. Однако при этом каждый добирается до нее своим собственным путем.

В Торе, которая является, так сказать, дорожной картой, тоже множество дорог, и среди них – библейская, юридическая, философская, психологическая... Один раздел Торы отражает одну область жизни и посвящен этой области.

– Где же в Торе искать отправную точку путешествия, откуда начать путь? – спросите вы.

Тут уж следуйте велению своего сердца! Ибо у человека – свои склонности, свой характер, своя индивидуальность личность и она вольна облюбовать свою собственную дорогу. Положитесь же на свой инстинкт, прислушайтесь к голосу собственного сердца и разума.

Жизнь – нелегкое путешествие, подобное блужданию в темном лесу. И если на жизненном пути вы будете сверяться с Торой, если вы обнаружите параллели между жизненными сложностями и сложностями изучения Торы – тогда вам станет ясно, куда и как идти.

Итак, соберите свои пожитки, поднимайтесь на борт и – что самое главное – возьмите с собой карту!

ВОЗРОЖДЕНИЕ

**ÀÀÀÕÑÒÌÀÑÈÈÀ Í ÎÁÎÑÒÈ ÕÀÁÁÐÀÕÈÈ ÁÂÐÁÈÑÈÈÕ ÎÁÙÈÍ
Ï ÐÁÑÈÁÁÍ Ò Á.Á. Ï ÕÒÈÍ ÁÐÕ×ÈÈ ÎÐÁÁÍ ÁÐÕÆÁÛ ÁÈÁÁÍ Î Ò ÐÁÁÁÈÍ Õ**

25 июня в Кремле состоялось вручение государственных наград Российской Федерации. Среди награжденных были и видные представители традиционных религиозных конфессий России.

Удостоенный ордена Дружбы главный раввин России Берл Лазар отметил, что «в поисках национальной идеи в России были выдвинуты две основные концепции – возвращение к духовным корням и толерантность и уважение к соседям».

«Я рассматриваю врученный мне орден как признание необходимости укреплять эти основы нашего общества», – подчеркнул главный раввин России.

Ï. Ðèéíáá

Ðáááèí Ááðè Èáçáð: «Áùòü ááðáü á Ðèéíè - ÿòí áííðíí íá íáðèííáèüííòè, à ááðèèíí íááááí èè».

«Российская еврейская община является, наверное, самой быстро и активно развивающейся – не только по моему мнению, но и по мнению многих деятелей еврейских организаций, политиков и наблюдателей разных стран», – заявил главный раввин России Берл Лазар в интервью РИА «Новости».

Он сообщил также, что за последнее время посетил несколько европейских стран и США и видел, что люди там знают о достижениях российской еврейской общины.

По мнению раввина Берла Лазара, многие не указывали своей принадлежности к еврейству при переписи населения не из-за боязни каких-либо негативных последствий, а потому, что для них сегодня быть евреем – это уже вопрос не национальности, а вероисповедания. «Слава Б-гу, уже ни в паспорте, ни в свидетельстве о рождении нет графы “национальность”, – сказал он. – Это лишний раз подтверждает, что сегодня из-за еврейства у людей не возникает никаких реальных проблем».

Говоря о взаимоотношениях российской еврейской общины с органами власти, р. Берл Лазар подчеркнул, что государственный антисемитизм в России практически исчез: его нет не только на высшем административном уровне, но и в региональных структурах. Но даже если такие случаи и бывают, то «видно, как ответственно к ним относятся органы власти, как быстро и четко реагируют».

По его мнению, в России сложилась уникальная ситуация, при которой межконфессиональные отношения являются примером не только толерантности, но и настоящей дружбы. Это, по его словам, вызывает в обществе уважение к религии в целом. «Мы ведем откровенный диалог, – сказал он, – открыто обсуждаем различные вопросы и вместе стараемся найти быстрые и эффективные пути их решения».

Среди наиболее актуальных проблем российских евреев главный раввин отметил нехватку помещений для религиозных, культурно-образовательных и общественных мероприятий. «В дореволюционное время, – сказал он, – еврейская община имела свои школы и синагоги... Но, к сожалению, во времена Советского Союза все эти здания, за исключением московской и петербургской синагог, были превращены либо в заводы, либо в склады. И многие из них не возвращены еврейской общине до сих пор».

Раввин Берл Лазар сообщил в этой связи, что во многих регионах страны община встречает понимание со стороны администрации и различных учреждений, которые способствуют решению этих проблем. Но, к сожалению, так бывает не всегда, и тогда члены общины не имеют возможности вести активную еврейскую жизнь.

י. עֵיטֶז

וְאֵלֵינוּ אֵלֵינוּ אֵלֵינוּ אֵלֵינוּ אֵלֵינוּ אֵלֵינוּ אֵלֵינוּ אֵלֵינוּ אֵלֵינוּ אֵלֵינוּ אֵלֵינוּ

1 июля главный раввин России Берл Лазар встретился с министром образования и науки России Андреем Фурсенко.

Встреча была посвящена созданию единого учебника по традиционным религиям России. Министр образования и главный раввин согласились с тем, что учебник должен отражать объективные представления обо всех традиционных конфессиях России.

«Учебник будет воспитывать у детей толерантность и корректное отношение друг к другу, давать религиозное образование и начальные знания о традициях разных конфессий», – сказал раввин Берл Лазар. По мнению главного раввина России, он «должен отражать морально-этические ценности, которые лежат в основе всех религий».

В ходе беседы стороны обсудили идею создания центра толерантности (национальной терпимости) и наметили пути координации действий в этом направлении.

Главный раввин России считает необходимым создание национальных школ с углубленным изучением иврита и еврейской истории. Сегодня традиция и национальная история не входят в основной учебный курс, являясь дополнительными предметами.

עֵיטֶז אֵלֵינוּ

ΝΑΕΟΙ Ε ΟΙ ΔΥ ΑΑΔΙ ΟΕΝΒ ΑΙΙ Ι Ε

**30 εβίγ ο ααδία Ατεααααίεεεε εαεαοε ε γγαεεγγ αια εαεε εαεοίε Οιδυ. Ι δααίεε ε α-αεγγ
α Αααεεεεε εαυεεεεε οαίοδα Ατεααααα Α οααί εεε εδεγγεε ο-αηοεα εαίυ ατεααααίεεεε
εαυεεεε, αηοε, εδαηοαεεοαεε ΝΙ Ε, εαεαηοίεε ε αηοαηεεεε αα εεεηοδαεεε.**

Новый свиток Торы под балдахином и в сопровождении активистов общины с факелами и песнями торжественно «прошествовал» по улицам города, а затем он был отправлен «домой», в город Светлый Яр.

Βααεε ε αεεε αε Ετσοα ε αεοεαεηου αααεεεεε εαυεεεε εη εαεοεεε Οιδυ.

«Это довольно старый свиток, – рассказала руководитель женского клуба еврейской общины Светлого Яра Инна Моторная, – сколько ему лет, точно никто не знает. Перед второй мировой войной он попал в Чехословакию, а в годы Холокоста был вывезен в США и находился там у еврейской семьи, жившей в небольшом городке штата Массачусетс. Тора всегда собирает вокруг себя евреев, и несколько еврейских семей этого городка 25 лет использовали ее для Б-гослужений. Сейчас в США проходит акция под названием “Тора – в родной дом”. Свитки, когда-то попавшие в Америку, реставрируют и торжественно возвращают туда, где они когда-то находились».

Υ. Οεεε αε

י יוא עס נוי עאי עיי א

В Москве прошел обряд обрезания мальчика, специально прилетевшего для этого из Стокгольма.

Дело в том, что законодательство Швеции запрещает обрезать детей и взрослых, якобы «по соображениям гуманности». Выяснилось, что едва ли не ближайшим к Стокгольму местом, где могут провести такую операцию квалифицированно, является Москва. Неудивительно, что главный раввин шведской столицы Хаим Грейсман обратился в московское отделение «Центр Брис Йосеф-Ицхок», где под руководством моэла-хирурга Ишай Шафита проводится освященный тысячелетиями обряд.

Раввин Грейсман рассказал, что мать ребенка эмигрировала в Швецию из Москвы 25 лет назад и вышла замуж за шведа. Несмотря на то что ее муж не еврей, она продолжала интересоваться еврейской традицией, ходила в синагогу и посещала уроки торы и решила сделать обрезание своему девятилетнему сыну. Мальчика нарекли именем Моше.

י. עוסי אי

ΑΕΛΑΙ ΟΕ ΝΑΙ ΑΕΙ ΟΕ ΎΔΑΧΑΙ ΕΕ

«Α ηεί αάί αά «Χεί ο αγ Δί ςα» Αί αί οί ι α ο οί α η έ α ί οί ο ε α ο α α ί ι ί έ γ α α ο - ε α α ί ι ε ο α ί - ί α ο γ α α α η ο οί ε α ί έ γ α ί α ο η έ ο η α ε ε ς ί υ - α έ γ ο - α υ ε ο η γ ο ε ί ε υ «Ι θ Α α ί α θ».

Έ γ ο ί ι ο οί ο ε α η ο α α ί ι υ έ ο α ί β ο α γ γ ο α ο υ α ο α ε υ ί α ο ί α ε ε η υ Ι α ε υ - ε ε ε ο - ε ε ε η υ ι ο α α ε ε υ υ ί α ί ς α α η ο υ ο ο ε ε ε ί, α α α ι - ε ε ε ς ο - α ε ε ί ο α α ε ε α ς α ε ε α ί έ γ η α α ί ο ί ε ο η α - ε ί ο α α ε α ί έ γ ο α ε υ. Α γ ο ί ο α α ί υ δ α ί ι ο ο δ ρ ι ο α γ γ ο α ί ο ε ο ε ε α η έ ι α α η, - ο ί α υ α ί α δ α ί α α α ε ς ί ε ί ο ε ί γ ο υ ο - α η ο ε α α ί ί ε ε ο α α ί α δ α α ί α η α ο η η ε υ ί ε. Έ α η ο ί α η ο οί ε ε οί ο ε α η ο α α ί ι υ έ ι η ι α ί ο: οί ο α α έ γ β υ ε ε α α ε α ί ε δ α ε ε α ε ί ς ί ε ί α υ ε ί υ Α ε α ε η ί α θ Ο δ ε α ε η η α ε η ε ε ι α ί α ί α ε υ - ε ε ί α Α η α ί α η ο α ί ε ι η α η ε ε α ε γ - ο α ί έ γ Ο ρ υ. Δ α γ γ ο α ο ί ο ρ ι - ε ο α ε ε α ε α η η ε α ί ε γ, ε α η γ ί α υ ε ί α ί ο α α - α ε α: «Ι ι α ί».

После торжественной церемонии в синагоге ребят ожидала разнообразная и увлекательная программа: мальчики посетили фабрику, где изготавливают коробочки для тфилин, побывали в сойфер-центре и познакомились с процессом написания священных текстов. Девочки увидели, как изготавливают салфетки для хал и под руководством опытных специалистов сами испекли настоящие субботние халы. «В ближайшее время мы проведем торжественный вечер вместе с родителями детей, – рассказал руководитель программы «Бар– и бас-мицва» в Днепропетровске Меер Островский, – ведь это один из главных семейных праздников, и мы хотим, чтобы и дети, и взрослые почувствовали его особую значимость. Ну, а мы, в свою очередь, подготовим им замечательные подарки и сюрпризы».

Р. Надєя

ΝΑΕΟΙΕ ΟΙ ΔΥ ΝΑΙ ΑΑΟΙΕ ΕΝΟΙ ΔΕ ΑΕ

4εβϋ α ι ι αι ι ηε ι αι ι ι ηε ε α Ι α ε α ο ι α ε α ι η ο ι γ ε ι η ι α ι α ι α ι ε α α η ε ι α α α ο η ε ο ε α ο ι ο υ . Ι ο η ο α ο ι α ι α ι ε υ α α ι ε ι ε η ο δ α ο ε ε ι η ε ε α ι α ο ι ο υ α α α ε ε ι ι ι α ι α - ε η ε α ι ο υ α α η ο ε ε ς Ι η ε α η α η α α η η δ α α ε ι ο ι Ι η ε ο α ο α ι α δ ε ι ο ι ι η ο α ι ο δ α ε υ ι η ε ο ε ο α ι α ι δ α α ε ε η η ε η ε ι α α η α Ι η α ι δ α α ι ε - ι ο ι α α ε α α δ ε ι ο ι δ α α ε ι ι α δ α α α ε η ε ο ι ε ε ς ο ε α δ ο ε ε , ε ο α ε ε ι ι α δ α α ι ε ε α ε α ι ε ε ς ι δ ε η ο η ο α ι α α ε ο ο ι ο ε ε - ε ι α υ ε ο α η ο ι α ι α η ο ε α η ι α η ο ε . Α η ε ι α α η η η ο ι γ ε ε η η ο α ι ο υ η ο ι ο ι ε ε ι δ α α ι ε - ι α η ο δ α ι α α

Этот свиток Торы имеет необычную историю. В советские времена, когда власти подвергали верующих преследованиям, он был одной из реликвий активистов любавичского движения, которое тогда существовало в подполье.

«На протяжении многих лет свиток Торы не использовался, – рассказал раввин Мойше Тамарин. – Мой отец, да будет благословлена его память, в восьмидесятые годы прошлого века был активным участником еврейской жизни в Москве. Он происходил из семьи хасидов, строго придерживавшихся еврейских традиций. Свиток передал ему раввин Гейче. Старожилы синагоги в Марьиной роще помнят этого пожилого человека, рисквавшего своей жизнью в суровые времена коммунистического режима. Тогда за посещение синагоги человека могли пригласить на “воспитательную” беседу в отделение милиции, уволить с работы.

Мой отец всегда мечтал иметь дома кошерный свиток Торы и, не боясь соседей и соглядатаев из “особого отдела”, читать его по субботам и праздникам. К сожалению, со временем в свитке стерлись некоторые буквы, что сделало его непригодным для чтения и молитвы. Много лет он пролежал в аронкойдеш – Скинии Завета малаховской синагоги без дела. Но недавно профессиональный переписчик свитков Торы сойфер Элиёу Бар исправил поврежденные буквы, и мы смогли внести свиток в синагогу и устроить этот праздник. Мы надеемся, что это событие будет содействовать сплочению еврейской общины Малаховки и станет еще одним шагом к возрождению еврейской жизни в России».

Υ. Οεοι αι

ÁÁDÍ ÎÑÒÛ ÇÀËÎ Í Ó Î ÐÀÄËÊÁ

В жизни еврейской общины Казани произошло важное событие: ученики еврейской школы «Мишпахтейну» Антон Литвак и Ивет Изъяев прошли обряд бар-мицвы. Антон – коренной житель столицы Татарстана, а Ивет – израильтянин.

Фамилия Литвак широко известна в городе: члены этой семьи всегда поддерживали еврейскую жизнь общины, невзирая ни на идеологическую, ни на политическую конъюнктуру всегда оставались верными законам предков. Ивет приехал в Казань из Израиля в 2000 году вместе со своими родителями и сестрой Мириам. Его отец, Игорь Изъяев, – посланник проекта «Хефциба» министерства образования Израиля.

Ивет Изъяев и Антон Литвак

В школе «Мишпахтейну» Антон и Ивет оказались в одном классе. За эти годы они крепко сдружились и, когда подошло время совершеннолетия, попросили своих родителей отметить это событие в один и тот же день в казанской синагоге.

Задолго до праздничной церемонии бар-мицвы они посетили занятия главного раввина Татарстана Ицхока Горелика, который рассказал им о значении обряда совершеннолетия, о необходимости надевать тфилин и обо многих других заповедях и добродетелях. А в школе на уроках еврейской традиции учащиеся восьмых классов под руководством учителя Михаила Бунимовича смогли расширить свои знания, ознакомившись с материалами на лазерном диске «Путешествие в мир Торы», подготовленными российским ОРТом.

И вот настал день праздника. В синагоге собрались уважаемые люди еврейской общины, одноклассники виновников торжества. Поздравить Ивета и Антона и их родителей пришли руководитель городской общины Михаил Скоблионок и директор еврейской школы Ольга Трупп. Обряд бар-мицвы прошел в торжественной обстановке. Ребята, конечно же, волновались, так как им впервые предстояло присутствовать при выносе священного свитка Торы, читать благословения и принимать многочисленные поздравления. Много нового открыли для себя и их одноклассники, участвовавшие в празднике. После обряда посвящения в совершеннолетие и торжественной молитвы, которую провел раввин Ицхок Горелик, всех гостей пригласили к праздничному столу.

Ñ. Áàéíáà, Î ÐÒ Èàçáí è

ÁÁÑŪ Ì ÈÐ Í ÐÍ ÒÈÁ ÑÍ Î ÑÀ ÑÈÍ ÁÁÍ ÁÈ

Á ÿðíèì ìí àðá æððíàèà ì ù ñíáààèè ì ÿðááííèáááá ì ñí ñá áòòáíàèííèé ñèíááèè ì áñòíúí è áéáñòÿí è. Í ðáèèáááá áòòáí ó áíèì áíèþ èí òáðááþ ñ áéááí úí ðáááèí ñ Óáí òðáèùí è Áçèè Ááá Áíáèááí Áòòáè:-áí.

Снос душанбинской синагоги – невосполнимая потеря для еврейской общины...

– Сегодня еврейская община города – это в основном инвалиды и старики. Синагога – вся их жизнь. И возможный снос здания они воспринимают очень тяжело. Привычка ходить в синагогу, расположенную в месте, хорошо всем известно, значит для них очень много. Кроме того, – и я подчеркивал это на встрече с мэром Душанбе, – ломать синагогу, особенно если не построена новая, нехорошо в нравственном отношении. Но я все еще не потерял надежду, что власти одумаются.

Это ведь старинное здание?

– Да. Первая синагога была построена на этом месте в год основания города. Ее несколько раз перестраивали, строили заново. Существуют документы, которые убедительно доказывают, что нынешнему зданию сто лет.

И все-таки, в случае сноса синагоге будет предоставлено другое здание?

– Сегодня такого места нет. Поэтому до сих пор непонятно: если синагога будет снесена, где хранить имущество и молиться. Я просил мэра Душанбе показать мне план строительства, я говорил: «Давайте подумаем вместе, как сохранить синагогу. Может быть, можно снести не все здание, а только его часть? Тогда можно будет и молиться, и хранить в нем имущество». Но плана я так и не получил.

Чем городские власти мотивируют необходимость сноса синагоги?

– Существует план строительства на этом месте Дворца наций. Нам говорят, что план сноса синагоги существовал еще в 70-е годы и был окончательно утвержден в 1983 году. Но для нас то, что решили коммунисты, не имеет юридической силы. К тому же, я не уверен, что Дворец будет построен именно здесь. Возможно, синагога просто не вписывается в ансамбль нового здания. Я уверен, что весь мир будет против ее сноса. Это позор для страны – не считаться со своими гражданами-евреями.

ΝΑΑΟ ΓΙΑΙ ΕΕ Α ΑΑΟΝΕΕΟ ΝΑΔΑΟΑΟ

Α επία ίύιαοίαα αάα αίαάαα α εήοιδεε άρσθασάίίε άάάέίείε ίάυείύ
Αίαί θρίαόθραέα άίίθρείίε άί:άθ σείεύ «Ι θ Αάίαθ» Οάάάά-Εράάε: ηήοίγέηύ ά Οίθαεήίε ηείαάάα
«Γίείθαγ Δίγα». Οίθαεήοάάίί άάάγάάε άίίθρείίεεε: άέγ ίεθ γοίθ άάύ - ηάάάάάάάίε εόίά
άάγθεεάοίαα ίόε. «Ιίε θίίεε, ε άί άθά η ίεί ε θίίεά άάάέίεάγ σείεά, ίίε άεάάε άρσθασάίεά
άάάέίείε άεείε ά ίαοάι άθίαά, ίίασεέε, εό:οά άόάεό - άάάί ίίε άύεε ά ηάί ίε άύά ίάυείίε
άεείε», - ηεάσάε, ίάάάγάγνύ ε ηάάάάεήη, ίάάάάάάάάεή άάάέίείε ίάυείύ Αίαί θρίαόθραέα
Άδεάδεε Είθρεύ

Один из основателей школы, старейшина общины Аркадий Шмист обратился к выпускникам с напутственным словом, задавшим тон всему выпускному вечеру: «Еврейский народ – это народ мира и добра. Вы видели, как непросто было нам все эти годы, но мы смогли, прежде всего, благодаря уважению ко всем народам нашей многонациональной родины, добиться того, что еврейская жизнь в городе возродилась. Помните об этом! Ведь мир – это главное для счастливой жизни».

Потом наступил самый торжественный момент – вручение аттестатов и почетных грамот от администрации области. Пятеро выпускников – медалисты. Директор школы Георгий Скороход нашел теплые слова для каждого. Затем он поблагодарил родителей, воспитавших своих детей в еврейском духе. С особым чувством слушали вчерашние школьники посланцев еврейского государства – атташе посольства Израиля в Украине, директора Израильского культурного центра Днепропетровска Ариэля Дателя и главу представительства Еврейского агентства «Сохнут» в днепропетровском регионе Илану Липкин. В своих выступлениях они отметили, в частности, что в израильских школах сейчас тоже проходят выпускные экзамены, после которых многие вчерашние школьники станут солдатами Армии обороны Израиля. И это значит, что у еврейского государства есть будущее, несмотря на все угрозы и трудности оно будет существовать.

Уровень преподавания в школе «Ор Авнер» им. Леви-Ицхока Шнеерсона дает выпускникам возможность поступить в самые престижные вузы не только Украины, но и других стран. Бывшие выпускники школы учатся в России, Израиле, Австрии, США и не только в светских, но и в религиозных учебных заведениях. Об этом говорила завуч школы по еврейским традициям Далия Курцвайль. Пожалуй, самым теплым было выступление раввина школы Меира Островского. «В еврейской школе вы получили свет знаний, свет Горы, – сказал он. – Я желаю вам, чтобы, где бы вы ни были, вы распространяли этот свет. Пусть в светильнике вашего сердца всегда будет масло, влитое туда учителями. И пусть на вашем пути с вами всегда будет Б-г».

Р. Надэя

ÁÁÑÖÁÍ Í ÛÁ ÐÁËËËÁËË

× ðáçáí: áéíí áàçíáç èñòíðè: áñéçý íáðíáçá áúèà ñáçáíá á Áíáíðííáðíáçá íúíáçíèí èáòíí.

Общественности были продемонстрированы более сорока писем из личного архива отца седьмого Любавичского Ребе, раввина Леви-Ицхока Шнеерсона, большая часть которого считалась безвозвратно утерянной. Леви-Ицхок Шнеерсон, главный раввин Екатеринослава (Днепропетровска), был арестован НКВД в 1939 году и умер в ссылке в Казахстане. Эти письма найдены благодаря региональному директору Федерации еврейских общин Украины Игорю Романову, членам попечительского совета Днепропетровской еврейской общины Моти Корфу и Ури Лейберу, а также главному раввину Днепропетровска Шмуэлу Каминецкому. Бесценные исторические реликвии возвращены еврейскому народу. Среди них – письма пятого Любавичского Ребе Рашаба к Леви-Ицхоку Шнеерсону, письма седьмого Любавичского Ребе Менахема-Мендла Шнеерсона и его жены ребецн Хай-Мушки.

À. Ýéíñéáð

דאַוּ אַעאַוּ עאַעאַי אַאַב

***И ерѳу аи инегатейи даейи аЕаоигосгаг – Дааи еа і о едїейи аадеіеёе іаїейіуе оаї о д
І а аї оиі ег оаи і і ааї оа ААІ і о ао её аааа іаїейіу дааей І і ооі Еаеаеаа***

Дааей І і ооі Еаеаеаа и-еаї аї е іаїейіу.

У кого возникла идея такого начинания?

– Это один из проектов Московского еврейского общинного центра. Идея принадлежит главному раввину России Берлу Лазару. Он обратился к раввинам с просьбой по мере возможности организовывать общины в разных районах Москвы. Как выяснилось, только около 10% еврейского населения Москвы имеет связь с еврейскими организациями, в частности, с ФЕОР и ее программами. Именно поэтому и было принято решение установить контакт с теми евреями, которые раньше ничего не знали о еврейской жизни.

А разве недостаточно программ и общинных центров, которые уже существуют?

– В Москве около ста тысяч евреев, в МЕОЦ на праздники приходят две-три тысячи человек, значит, большинство никак не задействовано. Евреям, соблюдающим традицию и не пользующимся в Субботу и праздники городским транспортом, тяжело пешком добираться до довольно далеко от них находящихся центров. Кроме того, как правило, заходя в большой общинный центр, будь то «Марьяна роща», Хоральная синагога или какой-нибудь еще, люди теряются. Им не хватает личных контактов. У нас есть возможность восполнить этот недостаток.

Как родилась ваша община?

– Мы начали работать в этом районе около года назад. Была организована воскресная школа, отмечались праздники. Но постоянной работы не было. Примерно месяц назад моя семья переехала в район Лефортово – Таганка, и это стало новым толчком для целенаправленной деятельности общины. Теперь по Субботам у нас собирается миньян, мы делаем кидуш, читаем Тору, общаемся. Все это происходит у нас на квартире, и мы не можем принять всех желающих. Поэтому мы стараемся, чтобы к нам приходили люди, заинтересованные в учебе, в новых знаниях. У нас пока нет никаких социальных программ, и, к сожалению, людям старшего возраста мы сейчас ничем помочь не можем.

Какие программы вы собираетесь открыть в ближайшее время?

– У нас уже работает молодежный клуб. Мы встречаемся нечасто, поскольку студенты, как известно, люди занятые, но время для встреч находим – как правило, выезжаем за город.

Недавно открылась программа «Бейт мидраш», в которую входит изучение Торы, истории еврейского народа и, в небольшом объеме, иврита. Планируется программа «Молодая семья». Уже есть 2-3 семьи, которые откошервали кухню, еще одна пара хочет поставить хупу.

У вас уже есть помощники?

– У меня пока только один помощник, и конечно, во многом меня поддерживает моя жена Эстер. Она помогает и советом, и делом. Например, на Субботу сама готовит угощение на 30 человек, которые у нас собираются.

А где вы проводите праздники, когда собирается много людей?

– Для массовых мероприятий мы арендуем помещение в детском культурном центре на Таганке. В Швуэс мы читали Тору в аудитории, из которой сделали синагогу, разграничив женское и мужское отделения. В этом же здании проходят занятия воскресной школы.

В каких районах Москвы существуют подобные общины?

– Я знаю об общинах в районах Сокол (руководитель р. Борух Клейнберг), Сокольники (р. Менахем-Мендл Абрамович), Щукино (р. Авроом Лившиц), Фили (р. Танхум Бусин), Давыдково (р. Рувен Кац), а также в Мытищах (р. Арон Гуревич) и в Малаховке (р. Мойше Тамарин).

Куда может обратиться человек, который хочет присоединиться к вашей общине?

– Наш адрес: метро «Площадь Ильича», улица Новорогожская, дом 14, корпус 1, кв. 93. Телефон, по которому можно задать вопрос и получить на него ответ, договориться о встрече и просто пообщаться, – 771-06-08. Мы будем рады видеть всех.

Ė. Oai'oi'ae'oe'ay

АДАЭНЭАВ ОАТЭТЭВ È ДААЭУІ АВ АЕЦІ У

І аааі і а есаоаеуіоаі «Еааеі» аіае а іао оаооо оі еіеа «Ооіе Оіоі». Еіеа аііоіаі а і іа іаіае даааоооае Аіооа Аідеі а

«Уроки Торы» представляют собой авторизованный и адаптированный для русскоязычного читателя перевод бесед Любавичского Ребе Менахема-Мендла Шнеерсона, с которыми он выступал на протяжении своей жизни. Кроме того, в книге публикуются и выдержки из писем Ребе.

Третий том «Уроков Торы» включает 69 глав. Каждая представляет собой одну из недельных глав Торы или посвящена одному из еврейских праздников. Безусловно, издание не относится к разряду так называемого «увлекательного чтения» и рассчитано на читателя, задумывающегося над окружающим миром и смыслом собственной жизни.

В книге рассматриваются некоторые идеи из недельных глав Торы. Стиль этих толкований выдержан в духе хасидского мировоззрения, охватывающего как Кабалу и психологию, так и анализ Талмуда и комментарии к Торе.

Первые два тома «Уроков Торы» вышли в 2002 и 2003 годах. Третий вышел в свет 10-тысячным тиражом, а стоимость одной книги для розничного покупателя составит лишь 28 рублей – цена, согласитесь, почти символическая для такого издания.

«Приступая к изданию этой серии, мы понимали, что перед нами стоит нелегкая задача, – говорит Борух Горин. – Несмотря на то что мы не пытались сделать буквальный перевод лекций Ребе, нам все равно пришлось работать практически с четырьмя языками: английским, идишем, ивритом и арамейским». По словам Б. Горина, главная цель издания – «представить читателю суть этого явления еврейской теологической мысли и показать, как оно преломляется в реальной жизни».

В настоящее время издательство «Лехаим» планирует переиздание уже вышедших томов. «Нас не может не радовать интерес, который читатель проявляет к достаточно сложной тематике наших книг», – отметил Борух Горин.

У. Оеоі аі, а Е. Оааіііеае

Ï ÀÇË ÕÏÁ!

Ááðé Áíáíü поздравляют с 70-летием **Иосифа Львовича Рогельберга** – человека, который возродил анапскую еврейскую общину, старейшую в России: еврейские захоронения в Фанагории насчитывают около 2000 лет!

Желаем замечательному человеку побольше счастья и здоровья, сил для исполнения всего задуманного, долгих лет жизни до 120 лет!

Ï ò èì áé íáíéíü Áðí Ñáðéíá

Дорогую сестру **Елизавету Соловейчик**, родившуюся 14 августа, сердечно поздравляем с Днем рождения! Желаем крепкого здоровья, успехов, счастья и отличного настроения!

Õáðáí, Éáá è Áýéèá ñíáí üýì è

Дорогую и любимую мамочку **Марию Николаевну Барановскую** поздравляем с 90-летием. Желаем крепкого здоровья, счастья, успехов и долгой жизни до 120 лет.

Ááðè, áí óéè, í ðááí óéè, í ðáí ðááí óéè

Поздравляем с 50-летием совместной жизни чету из Нижнего Новгорода **Бориса Михайловича и Галину Михайловну Рабиновичей**. Желаем здоровья и долгих лет жизни.

Ááðè, ðíáíð ááí í éèè, çí áéíí üá

Ááðáéíéáü íáíéíá Ï íáí ðáéíéá í íçáðáéýáð ñ Áíáí ðíáéááí éý:

Александру Вахромееву, Вадима Гуревича, Вольфа Шоловича Жорницкого, Семена Абрамовича Нинбурна, Евгению Мотелевну Смехнову, Лилию Марковну Торбан, Владимира Александровича Украинцева.

Желаем здоровья, счастья, успехов во всех начинаниях!

Áí ðíáéá áðóçüý!

Áíéè áí ðí ò è ò á í íçáðáéè ò ü ðíáí ü õ, áéè çéè õ è áðóçáé á ðááðééá «Ï àçé Õíá!», ñí íáíéè ò á í á ýòíí á ðáááéèè þ:

103055, Ï ñéáá, 2-é Áüðáíéááüáá í áð, 5á Õáéáðíí 231 27 77, óáéñ 231 30 20

ΝΟΑΔΑΒ ΑΑΔΑΕΝΕΑΒ ΟΙ ΟΙ ΑΔΑΟΕΒ

Αντι εδωτε Επιταμι διηρηγυσι-ιια ααδαιποα λαυαεγαο εηιεοδη ια εο-οφ ααδαινεφ ηαι αειφ οι οηαοεφ ηαι εηοδεε.

В каждой семье сохранились фотографии дедушек и бабушек, отцов и матерей. В какие-то особенно значимые для нас моменты мы открываем альбомы или шкатулки, где хранятся старые фотографии наших предков. Каждая фотография имеет свою историю – смешную или грустную, простую или сложную, но главное – очень памятную для семьи.

Αεδα ιαααααο ανη, εοι οη-αο ηοδαεοου ιαι γουη ηαιε ηαι ηη ια οηεηεη αεγ αεεεεε, ιη ε αεγ εηοδεε ααδαινεη ιαδηα, ιδειγου ο-αηοεα α γοηι ιοηαεοα

Αεγ γοηη ιαηαοηαεη ι ιδεηαοου εο-οφ, ια αηο αεηα, οηοηαοεφ εφ ηαι αειηη αεηηηι α αι ανοα ηεαεηε-ιη εφηηαηιηε εηοδεεε, ηηαε ηηγυηιηε, α οαεαα ιδεηηαεοου εδαοεφ αειηαοεφ οηη (εεε οαο), εοι εφηαδαεαι ια οηοι.

Ιη εοηηαι εηιεοδη αααο εφηαι οηηηαηοαηηηε αεηηηι «Νοαδαγ ααδαινεαγ οηοηαοεγ».

Ια εηιεοδηηε ηηηηα ιοαηηεαααοηη ιοηαοου 100 εο-οεο οηοι η εηοδεεε ε ηηαεοου οηεαεηηε «ιηδοδαο ααδαινεηε διηρηγυσι-ιηε ηαι ηε».

Ο-αηοηεεε, ια ιοηααηεα εηιεοδη ι ηαο εηιεοου ιοαη ιαεεεαοεε ηαι αειηε αεεεαεε ια ηοδαεοαο αεηηηι α.

Εηηηεοδαο ααηοο ιοηαεοα εηηηεοαεηηηε αεδαοηδ ααηηαεηηηη αηδρ ΑΕΔΑ α Ααεεηα Εαδεηη Νηηηηα

Οηηηαεγ εηιεοδη:

ι αοαδεαεη αηεαηη αηοου ιοηηααηη αη 15 ηεογαογ αεεφ-εοαεηηι;

ι δεαηαεη οηοηαοεε ια ιδεηεη αηοηη;

οηοηαοεε ιδεηεη αηοηη α ιοηηεδαηηηηη αεα ιη ηεαεοδηηηε ιη-οα α οηοι αοα JPG, ααη αηηι 10615 εεε 13618 ηη ε ηεηοηηοηφ 300 dpi;

εηοδεεγ οηοηαοεε ε αειηαοεγ ιαηηηαεε ιδεηεη αηοηη ιη ηεαεοδηηηε ιη-οα αι ανοα ηηοηαη εδαηηηε οηοηαοεεε. Ι αοαδεαεη ηεααοο ιοηηαεγ ου ηη ααδαηη αlbom01@mail.ru. Εδ ι ηαηη οαεαα ιοηηαεοου ιαη-ιηε ιη-οηε c ιηη αοεηε «Νοαδαγ ααδαινεαγ οηοηαοεγ» ιη ααδαηη.

Weltkongress, Rankestr, 24

10789 Berlin

Germany

Tel +49 30 219 96 762

ι δεηεη αηοηη οαεαα εααδηηα εηηεε οηοηαοεε ιοεε-ιηη εα-αηοαη ηηααδαηηηε ια εηη ιηηοαδα εηοδεεε ε αειηαοεεε ιαηηηαεε;

ιαηεε ιαηηη οαηηοηα ια αηεαηη ιοαηηεαοου ιηηηαηηη ια-αοηηε ηοδαεοου;

ó: αἰὸς ἐὲς εἰςέσθῃ ἄτεαίῦ αἰτεῶδῦ ὀάεα ἰάδαοίῦε ἀδαῖ ἐ ὀάεοίῖ ἄεῦ ἡῖϗε (εὐ: οἰ ἡεῶδῖίῖε ἀδαῖ);

ἰοἰάδαίῖῦα ἰὰ εἰςέσθῖε ἡῖῖῖῖ ἰδαοίῖῖῖ ὀῦ ἄτεαίῦ ἡῖεῶδῖῖ ἡ ἰ ἡῖῖ ἂ ἄεῖῖῖ ἂ (150 ἀῖῖ);

εἰαῖῖε εἰ ἡῖ ἰῖῖῖ ἡῖεῶδῖῖ ἰῖῖῖῖῖῖ ἡῖῖῖ ὀἰῖῖῖῖῖ ὀεῖ ἰῖῖῖ εἰςέσθῖῖῖ ἰῖῖ ἰῖῖῖῖῖ (250 ἀῖῖ);

ἡ: ἂ ὀ ἂῖῖῖ ἡῖῖῖῖῖ ἰῖῖῖ ὀεῖῖῖῖῖ ἡῖῖῖ ἰῖῖῖῖ ἂ ἡῖῖῖῖῖ ἂ ἡῖῖῖῖῖῖ ἂ ἡῖῖῖῖῖῖ

Состав комиссии согласовывается.

ÁÁÐÁÉÑÈÈÁ ÈÁÐÓΘÈÈ ÁÈΒ Ì ÁÈÁÍ ÛÈÈÕ ÐÌÑÑÈΒÍ

Директор московской еврейской школы «Месивта» раввин Аарон Головчинер заключил договор с предприятиями на изготовление еврейских игрушек. Недавно вышла первая партия – два миниатюрных кукольных театра, спальня с куклой и домик-синагога.

Раввин Головчинер рассказал корреспонденту АЕН о своей необычной инициативе:

«Сегодня очень много денег тратится на то, чтобы привезти подобные игрушки для российских детей из Израиля и Америки. К сожалению, они не всегда высокого качества и очень дорогие, кроме того, их явно недостаточно. Не все родители имеют возможность привезти детям такие игрушки, да и в еврейских детских садах и начальных школах их очень мало.

Так что спрос тут превышает предложение. Поэтому я решил, разумеется, не в целях личной наживы, заняться этим делом. Тем более, что мне уже знакома специфика российского фабричного производства. Я пока не могу точно прогнозировать конкретный спрос на нашу продукцию, поэтому нашел фабрику, которая готова производить небольшие партии и менять модели по нашей заявке. Хорошая игрушка должна быть красивой, занятой, отвечать задачам как еврейского воспитания, так и общеразвивающим. Она должна быть безвредна для детей.

Все наши игрушки прошли сертификацию. Материал, из которого они сделаны, – экологически чистый.

Мы начали с мягких игрушек со специальными крючками и шнуровками, благодаря которым у малышей развивается двигательная активность пальцев. Кроме того, эти игрушки развивают мышление, фантазию, ощущение цвета. На будущее я планирую делать декорации для театра. Уже заключен контракт с фабрикой деревянных игрушек на изготовление кубиков, деревянных пазлов, строительных наборов. А дальше мы посмотрим, как наши игрушки будут расходиться, что будет пользоваться особым успехом».

Говоря о цене игрушек и, следовательно, об их доступности для обычной еврейской семьи, р. Аарон Головчинер подчеркнул, что она ниже, чем на рынке.

Первую партию игрушек можно увидеть на сайте <http://jewishtoy.ru/>, а для их приобретения или заказа обращайтесь по телефону: 782-29-37.

С. Овемі

В ТАЛЛИНЕ БУДЕТ УСТАНОВЛЕН ПАМЯТНИК НАЦИСТАМ

6 epiy aanae Ynoiee ideiyee dsaiea ia oioaiaea iaiyoiiea yymaai e eieaaidaeiiepai, ainoiaaei ia noioia aeadaiee Aadi aiee a au aiore i ediate aieiu. Ia yoi auei iaiyaeai ia oideainoaiie oadai iiee 12-ai aeaiiaia i adoa auaeo yymaai, mnoiyasaaiy a Oaeieia a ideinoiaee auasa i dxeaiia noaiu Eiaada I ade, auasa i eiepa einoada einodaiiuo aa, a oaeaa iuiaieo -eaiia iadeai aia ia idayuae eiaeeoe. Iai yoiiee aiaa iodeu iuuif, iaiaaei io oaeieieia i ai ioeaa I adiyi ya, eioidie iinyuai meaaai, iaaei a ndaeieyo niaoeipai e ia oadde oidee Ynoiee.

«Мы провели встречу с представителями городской администрации Таллина, – сказал главный раввин Эстонии Шмуэл-Эфраим Кот. – Они заверили нас, что памятник установлен не будет. Представитель еврейской общины г-жа Циля Лауд специально встречалась по этому поводу с президентом Эстонии Арнольдом Рюйтелем, и он также заявил, что не допустит установки памятника бывшим эсэсовцам и охранникам лагерей уничтожения.

Но, как мы смогли убедиться, все усилия еврейской общины так и не принесли результатов – представители власти не выполнили своего обещания. Памятник будет установлен, причем на самом видном месте. Таким образом, власти Эстонии решили увековечить память тех, кто причастен к гибели десятков тысяч евреев и людей других национальностей».

Самое удивительное в том, что, как стало известно руководству общины, установку памятника частично спонсировала городская администрация Таллина. На деньги налогоплательщиков, в том числе налогоплательщиков-евреев, устанавливается памятник преступникам, палачам еврейского народа. Раввин Шмуэл-Эфраим Кот отметил, что в связи с этим событием еврейская община планирует обратиться к мировому сообществу для оказания давления на правительство Эстонии, которое увековечивает память нацистских преступников, воевавших на стороне фашистской Германии.

Маршируют бывшие эсэсовцы и охранники концлагерей.

Y. Oeoi ai

È ÑÊÎ ÐÁÍ ÛË Í ËÀ × ÐÀÇÍ Î ÑËÒÑß Í ÄÄ ÍÀÌ È

Среди полей и колхозных угодий Волновахского района Донецкой области затерялось маленькое село Затишье. 22 июня, в день памяти и скорби, спустя 63 года с начала Великой Отечественной здесь собрались представители еврейской общественности Донецка, чтобы у «Стены плача», открытой несколько лет назад, почтить память тех, кто был хладнокровно уничтожен фашистскими палачами в годы оккупации. Уничтожен только за то, что был евреем. Они лежат здесь целыми семьями: Темники – двадцать один человек, Капланы – девять, Перманы – пять, Друзьяны, Вожжики, Заки, Форштаты... Женщины, старики, дети.

Траурный митинг открыл начальник отдела внутренней политики Волновахской райгосадминистрации Валерий Винокуров. Он рассказал, что когда подняли документы тех лет, выяснилось, что среди убитых было много маленьких детей.

Иван Самойленко, секретарь редакции «Книги Памяти Волновахского района», сам участник боевых действий, подтвердил, что Комиссия по расследованию преступлений установила факты массовых убийств.

Не успевшее эвакуироваться еврейское население, целые семьи колхозников Затишья, Равнополя, Хлебодаровки – семьдесят три человека – были уничтожены. Чтобы вытравить даже память о них, сносились и сжигались их дома. Самые святые для евреев места – кладбища – в Хлебодаровке и здесь, в Затишье, были разрушены и сровнены с землей. В городском парке Волновахи в братской могиле над которой поставлен памятник жертвам фашизма, похоронены десятки замученных евреев...

С речью выступил председатель религиозной общины иудеев Донецка Иеуда Келерман: «Нам очень тяжело: здесь лежат наши братья и сестры. Евреев уничтожали только за то, что они родились евреями. С кем воевали фашисты? С детьми? Со стариками? Чем же они были им так страшны? За что они решили уничтожить весь еврейский народ?

Здесь столкнулись две идеологии – идеология фашизма и идеология гуманизма, которую несет данная евреям Тора. И гуманизм восторжествовал».

Иеуда Келерман прочитал молитву в память о шести миллионах загубленных еврейских жизней.

Заместитель председателя общества «Украина – Израиль» Валентина Гаврюнина обратила внимание присутствующих на то, что среди приехавших в Затишье много детей и подростков: «Они не должны забывать, они просто обязаны передавать из поколения в поколение скорбную весть о том, что здесь случилось».

Потом к «Стене плача» подошла старая женщина – Марфа Цыганкова. Во время оккупации, рискуя собственной жизнью, она спасла жизнь двум еврейским девочкам, Лизе и Оле Израэлит, укрыв их в погребе своего дома. Это настоящая Праведница мира, даже не подозревавшая о существовании такого звания.

Те девочки выжили и сейчас живут в Донецке. Их встреча со своей спасительницей еще предстоит.

Н. Агеева

ΑΕΛΛΑΓΓΑΡΑΔΑΕΕ ΕΣ ΑΑΡΩΓΙΑ ΕΙ ΥΘΙ Ο

Α Ααδδίαε Ι υοι α, ι δε α δ ι α α Αεαο αδε ι α ο δ α, δ α μ ι ε ι α α ι ι α ε ι α ι α ι δ α α ι δ ε γ ο ε α ι ο ε δ ι ο ι α α α ε ο ε ι α δ ι ι α ι α υ α ο α α «Ο δ α ε γ ε α ε ο δ ι α α α».

Директор комбината «Уралэлектромедь» Александр Анатольевич Козицын и главный инженер Виктор Владимирович Ашихин всегда чутко относятся к нуждам местной еврейской общины. По просьбе председателя общины Бориса Григорьевича Кауфмана они часто оказывают материальную помощь общине, помогают проводить городские праздники и мероприятия с участием евреев. Члены общины надеются, что с помощью спонсорской поддержки в городе будет построено здание общинного центра. Руководители «Уралэлектромеди» помогают и представителям других национальностей и конфессий. Так, при их участии построены уникальная мечеть в Верхней Пышме, храм-памятник на Крови в Екатеринбурге и монастырь во имя святых Царственных Страстотерпцев в урочище Ганина яма.

Υ. Οεοι αι

ЕВРЕЙСКОЙ ОБЩИНЕ 10 ЛЕТ

24 εβίγ α Αεοδ ι ε δ α μ π ο ι γ ε ν η ο ι δ ε α μ ο α α ι ι υ ε α α α δ, ι ι μ γ υ α ι ι υ ε μ δ α ο α α ι ι μ α υ ο ε γ ι : 35 ε α ο ε ρ μ α ι γ δ ι α α α ι ε γ α α α ι ι α δ α α α ε ι α α δ ι α α Ο ε ι ε ι ι Α ε ε α α ε υ μ α ε α α η ο ε ε α ο ε ρ α α δ α α ι ο υ α α δ ι α α Ι α ι δ α α ι ε ε μ α δ α α ε ι μ ι ι ε ι ε ι 120 α ε ι α α ε

Вечер открыл директор главного раввината Украины раввин Моше Вебер. Он прочитал поздравительное послание главного раввина Украины Азриела Хайкина.

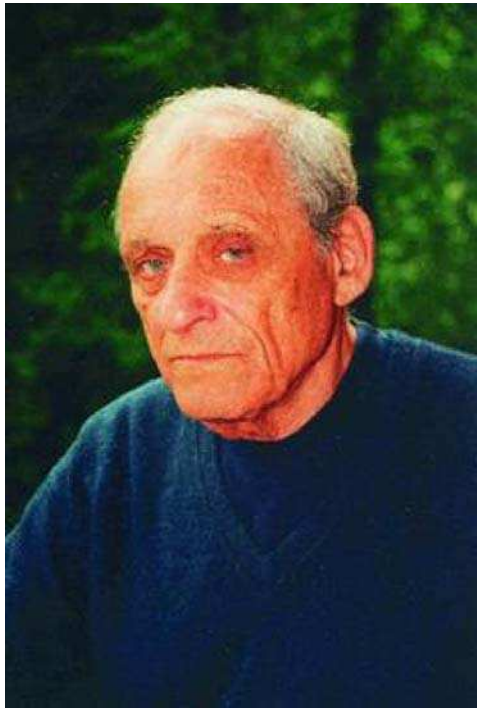
Раввина Вилгельма приехали поздравить представители городской администрации. Они пожелали ему долгих плодотворных лет работы. Ученики школы «Ор Авнер», ешивы и махона Житомира присоединились к поздравлениям старших. Гости посмотрели видеофильм о возрождении еврейской жизни в Житомире. Жена раввина, Эстер Вилгельм, поблагодарила членов еврейской общины за поддержку, оказанную ей и ее семье начиная с первого дня пребывания в Житомире. Раввин Шлоймо Вилгельм выразил особую благодарность председателю Федерации еврейских общин СНГ Леви Леваеву и семье меценатов Пор, которые помогали и продолжают помогать возрождению еврейской жизни в городе.

Ι. Διεο α α ι α

Я ШЕЛ СВОЕЙ ДОРОГОЙ...

Ἀλέξανδρος ἢ Ἀλεξάνδρι ἀδὴ Διάε:-αὶ ἀλέαο Δαοῦγῆ ἢ Ἀλέ

*Ἀεῖαεῖαῖ ἄδ Διάε:- - γαὶ ἄ:-ὰο ἀεῖαῖ ὑέ ἰῖγὸ, ἰῖαῖαῖ-εέ, εἰαὸδαο
Ἀῖῖαῖαδῖαῖ ἰῖε ἰῖαῖ εέ Δῖῖεεῖεῖε Ὀῖῖαῖαοεέ ἢ ἰῖεῖαῖδῖ εέοῖαῖοῖδῖ (1998 ἄῖ).
Ἀοῖαῖ Ἀεεεῖε Ἰοῖ:-αῖοῖαῖ ἰῖε ἰῖεῖαῖ, ο:-αῖοῖεε Ἰοῖεεῖαῖαῖεῖε ἀεῖαῖ, εἰ αῖο
ὀδῖ δαῖαῖεῖ ε ὀδῖ ἀῖαῖο ἰῖαῖα Ἰῖοῖαῖαδῖ Ἐεοῖαῖοῖδῖ ἰῖεῖεῖεῖε εἰ ἰῖεῖεῖεῖε
Ἀῖῖεῖαῖ. Ὀῖεῖεῖε :-ὀῖ ἢ ἰῖεῖεῖεῖεῖε ἔεῖαῖοῖεῖεῖε «Ἀῖαῖ ῖ» ἰῖεῖεῖεῖε ἰῖεῖεῖεῖε
εῖαῖαῖ ἰῖα «Ἀῖῖεῖεῖεῖε ἰῖα ἰῖε», εῖαῖ ἰῖεεῖε ε ἰῖεεῖε, ε ἰῖεῖε ὑ, ε ἰῖεῖεῖε:-ἰῖεῖεῖε ὀῖῖεῖεῖε.*

Александр Михайлович, расскажите о своих родителях, о детстве, о началах. Из какой вы грибницы?

Грибница была странная. Родители познакомились в Москве накануне 1915 года. 90 лет назад. Жили в одном городе, в Ростове, но не пересекались. Родители их, отцы, – пересекались... Со стороны матери моей это была очень богатая и очень благополучная семья. Ее дед (мой прапрадед) был купцом первой гильдии и одним из самых богатых в России хлебо торговцев. У него свое пароходство было. Звали его Леон Дорофеевич.

Имя-отчество как из Островского.

Совершенно верно. Мой дед был врач, а внешне он походил, как говорили родственники, на очень красивого армянского священника. Хотя был еврей... Они были все дарвинистами.

Διάδοχος (ὁ ἀπὸ τοῦ πατρὸς) D. E. Naumov.

Считали, что человек – от обезьяны. Да?

Да. Что человек – от обезьяны. Бабушка моя тоже была врачом. Окончила второй или третий выпуск Женских медицинских курсов (они, по-моему, тогда назывались «медико-акушерские»). Отец учился (людей иудейского вероисповедания туда принимали) в Военно-хирургической академии. Но хотел быть музыкантом. Кстати, в семье у моей прабабушки с отцовской стороны были знаменитые музыканты по фамилии Гузиковы (или Гусиковы). Один даже значится в Брокгаузе и Ефроне – это мой прапрадед.

Михаил Гузиков был контрабасистом, скрипачом, трубачом и изобретателем соломенного органа. Читаю вам из энциклопедии: «...Родом еврей. Большую часть жизни провел в России. Усовершенствовал соломенную гармонику. Очень успешный концерт дал в Москве, в Киеве, посетил Одессу, где знаменитый Ламартин, услышав его, убедил предпринять заграничное путешествие. С огромным успехом концертировал в Вене, Париже, Брюсселе... Умер на обратном пути».

ὼ. Ἰ. Δῖνεβ: ἀπὸ τοῦ πατρὸς ἀπὸ τοῦ πατρὸς - νεώτερος ἀπὸ τοῦ πατρὸς Ἰ. Α. Δῖνεβ - Ἐπισημῶς

Ценнейшая информация!

Да... И в моей семье в силу такой склонности возникли люди, невероятно даровитые музыкально. Тетка моя, Елена Павловна – женщина красоты необычайной, – умерла в 18 году во время первой мировой войны. Умерла от страшного гриппа, который тогда назывался «испанкой». У нее было редкое меццо-сопрано – она училась в Италии. Только вот рано скончалась и не успела ничего.

Отец уехал учиться вопреки воле родительской в Петербург в консерваторию. Поступил в класс величайшего виолончелиста того времени – Александра Вержбиловича. Фотографии есть (показывает. – Т.Б.). Вот Елена Павловна, вот мой отец – он был ее моложе на два года. Это – отец, когда он учился в консерватории. А вот он с моим старшим братом Леонидом (мы с ним похожи?)... Потом отец ушел и – ходили разные слухи – женился. У него родился мальчик – старше меня лет на 14-15. Он погиб в 37-м...

Ἰ. Ἰ. Παῖς· ἢ παῖς παῖδός Αἰαίτῆ ἐσὶ ὅσων - ἰδὸάντων Ἄ. Ἐ. Σεὶ ἦ ἄνι.

То есть это у отца был первый брак, до вас, да?

Да. Родной матери у мальчика не было. Некая тайна. Мальчика воспитывали мои тетки, сестры отца. Мы с ним дружили, хотя я был намного моложе. А потом его потянуло в романтику дальних плаваний, и он даже служил на ледоколе «Седов». Потом ушел куда-то в Карельские леса и работал лесником. Потом женился на карелке, которая считала себя финкой. Народил детей. Мои племянники – технари, один в Италии живет...

Кстати, младший брат отца Матвей был человеком с дивным голосом – баритон оперного класса. Он рано потерял голос, потому что пил беспробудно. Жена его была чешка, балерина. Пила вместе с ним. Она умерла, он остался один, сложное дело, последние годы служил в Саратове, где был руководителем театра оперы и оперетты...

Еще среди моих родственников был один музыкант под псевдонимом Матео – он же знаменитый профессор ленинградской, а потом московской консерватории пианист Евгений Шендерович. Он в семье считался самым талантливым. Хотя в детстве говорили, что самый музыкальный – это я.

καὶ ὁ παῖς ὁ ἐξ Αἰαίτῆ ἦν ἐγώ.

Да вы что?!

Да-а-а. Я родился с «а

бсолютным слухом». Плюс ко всему в девять месяцев пел Моцарта. Но когда начали учить на рояле, я восстал. А восстал, потому что меня учили, что есть насилие.

Мне хотелось играть в футбол во дворе!

Но тяга к музыке у меня со

хранилась – и даже определенная тяга. Я с огромным трудом воспринимаю эстраду: мне в детстве было внушено, что это второй сорт. Эстрада для меня не искусство. Непочтенный жанр, даже когда очень талантливо.

У меня еще был двоюродный дед – он был знаменитым басом. Его звали Вениамин Сангурский. Фотография есть. Во время Отечественной войны его эвакуировали в качестве моего деда, поскольку я был в армии, а родственникам фронтовиков давали льготы на эвакуацию... Бас! Пел вместе с Шаляпиным. Их разница была в том, что у Шаляпина голос был высокий, баритональный бас, а у этого был бас глубокий, профондо... Вениамин был старше Шаляпина, по-моему, на три года. И он был солистом в Казани, когда Шаляпин был еще хористом. Это 1888 год. Конец XIX века.

А. Най әйбәтәе (аан).

Ага...

Потом он уехал за границу, потому что отказался креститься. Был безбожник.

А почему непременно надо было креститься?

Для того, чтобы петь в Императорском театре, надо было быть православным. И таким образом великий бас Сибиряков крестился. Тот, о ком говорил Шаляпин: «Господин Сибиряков, мне бы ваш голос!», а Сибиряков ему отвечал: «Господин Шаляпин, если бы у меня был голос, как у вас, я бы до сих пор был в черте оседлости».

Здорово. А я и не знала, что Сибиряков был еврей. Почему такая фамилия?

Псевдоним. Как и Медведев, друг Шолом-Алейхема, величайший русский тенор, который тоже пел в Мариинском театре... Это все псевдонимы. Его звали Меер из Медведевки.

À ó-ááí íé äèàèçèè. 1939 ãä

А как вы вообще относитесь к псевдонимам? Не осуждаете евреев, которые отказались от своего исконного имени?

Это как кому подойдет. Некоторые люди брали псевдонимы во времена, когда это было наиболее остро и очень болезненно. При царе брали псевдонимы (у меня есть такой словарь) даже очень знаменитые русские люди – русскую фамилию меняли на другую русскую. Просто из благозвучия. Осуждение? Оно – того же рода, как когда еврей осуждает своего компатриота: как тот мог стать христианином? Мне сказал очень умный человек (вероятно, вы его знаете: Яков Кумок): «Александр Михайлович, христианство – самая непростительная конфессия для еврея. Даже ислам простительнее».

Он так считает!

Àúí óíé áíáí ííáá ó-èèèúà áááí ááá Í ðáèíí èèèáçá À. Ðíàè÷ - ñèááá 10 èþíý 1941 ãää

Ваш отец был человек уникального опыта (он служил у белых), говорили ли вы с ним о российской истории? Были ли прямые беседы о главном?

Не через него, а через тех, кто был в его кругу. Мой отец после того, как что-то у него случилось с рукой, не мог играть (он и пел замечательно, у него голос был редкостный, с альтовыми верхами), он бросил консерваторию.

Ходили слухи в начале века, что он пытался застрелиться. В сердце не попал, но задел какое-то нервное сплетение в левой руке. А это главная рука для виолончели. И он музыку бросил – пошел учиться в Политехникум. Там проучился два года. Бросил. Всё.

Интересно, что пока он учился в консерватории, отец перестал ему высылать деньги: это было финансовое принуждение. «Денег не получишь, пока не уйдешь из консерватории». И он зарабатывал тем, что служил регентом в какой-то церкви... Пытался заниматься церковной православной музыкой.

Итак, он бросил Политехникум и вернулся в консерваторию в класс композиции к Римскому-Корсакову, где учился вместе с Михаилом Фабиановичем Гнесиным... А самым близким его другом был Максимилиан Штейнберг – зять Римского-Корсакова. Гнесин был великий и недооцененный композитор. Мне опять же великая пианистка старуха Юдина Марья Вениаминовна говорила, что он значительнее, чем Стравинский. Мы с ним дружили, он меня учил самым жестким правилам эстетики – и в жизни, и в искусстве. И у него была совершенно замечательная формула, которую я потом обнаружил почти у всех встреченных музыкантов (от него пошло через его учеников), формула такая: «Неубедительно!»

Гòëë-íëë

áíááíé ííááñ òíáëë.

1944 ãä

Исчерпывающая формула, против которой ничего не возразишь.

Да. Неубедительно – и всё.

Короче говоря, отец мой, кажется, окончил питерскую консерваторию. Занимался музыкой... Когда я перебрался в Москву, Михаил Фабианович меня спросил: «Слушай, Мишкины работы какие-то остались? Теоретические». Я ответил: «Нет, они, видимо, в Ростове погибли во время оккупации...»

Странно, как он выжил после Белого движения?

Очень странно. Жизнь фантастична – это я понял с детства. В искусстве многое приходится выбрасывать, поскольку оно кажется неправдоподобным. Так скажу: жизнь фантастична и неправдоподобна, а искусство не имеет права быть неправдоподобным. Вы согласны?

Абсолютно.

В моей жизни всё фантастично. Отец мой был призван в 14 году, когда началась война, вольноопределяющимся. Значит, он имел льготы и мог стать офицером. Обо всем этом написано в моей поэме «Дом на Плющихе»... Тетка Елизавета – года на три-четыре моложе матери – невероятнейшей красоты была. Ее муж – скульптор Алтухов – был другом Маяковского, Родченко... Его в 37-м расстреляли. Он с нее писал ангелов! На иконах...

Итак, вернемся к отцу. Началась война. Его как консерватора назначили помощником полкового капельмейстера. Подробностей не знаю, но, видимо, его из этой музыкальной команды выгнали за характер. Он был ранен. Получил крестик и был произведен в прапорщики. Году в 18-м он оказался на Дону, в Ростове, где вступил в Добровольческую армию.

Это роман! «Доктор Живаго» бледнеет.

Но писать такое трудно – слишком неправдоподобно, повторяю. У меня в «Поэме о дороге» описывается, как он бежит от красных из Екатеринодара. Но на самом деле, как мне рассказал мой родственник Оня Прут...

Մայրի և օրհոր Էմանուիլի. 1951 թթ

Это который юморист-эстражник?

Да. Мы были в родстве со стороны моей матери, как и со знаменитым актером Владимиром Хенкиным. Прут мне рассказал, как он, служа в Первой Конной армии, увидел моего дядю Николая Ревича и по старой дружбе объяснил тому, что надо скорее убежать. Эту встречу я использовал в сюжете, рассказывая об отце. А на самом деле отец добирался до Ростова из Новороссийска. Николай же оказался в эмиграции в Белграде, и переписываться с ним семья боялась.

Отец ушел из жизни в 42 году. Во время оккупации – между Ростовом и Таганрогом... Немцы прихлопнули. За ним пошла его последняя жена – с тем, чтобы тоже погибнуть. Но ее как русскую дворянку отпустили... Отец часто разводился с женами, легко уходил. От мамы ушел, когда мне было шесть лет. Мама сказала: «Слава Б-гу, теперь у меня свободная душа. Я независимый человек».

Мама долго жила?

Она умерла в Москве в 63 году. Она зла на него не держала никакого. Мне бывшие белые – его друзья – много об отце рассказывали. Он ежевечерне собирал чемоданы: чистое белье, зубная щетка, полотенце... Думал, что этой ночью его непременно заберут. Его не забрали. А они почти все были арестованы. Один из них был племянником Краснова – Сергей Иваныч Краснов, который был моим тренером по боксу.

Ну, я вам всё о родных рассказал.

А у вас есть в жизни некто, кого вы можете назвать своим Учителем?

В моей поэме о детстве про всё есть. Это была няня, которая мне читала: «Около моря дуб зеленый...» «У Лукоморья» – она такого не знала. И это был первый солнечный удар. Вообще же, когда мне было семь лет, я хотел стать милиционером.

Ñ Áöëàò ïì Î éüüæàâîé. 1980-á äñ

Чтобы наводить порядок?

Мне просто нравилось это. Что это? Форма, околыш, фуражка... Я папе письмо написал, когда он был в командировке, и там такие строчки были: «На мне фуражка с красным козырьком, / в руке винтовка стальная. / Я защищаю наш дом / от жуликов и от Бабая». Кто такой был Бабай, я объяснить не могу.

Дальше как? Надо учиться... Говорят, я обладал большими способностями к математике. Но математика не случилась, потому что учили ей в школе, – скучно. И когда в 9-м классе при переходе в 10-й мне надо было сдавать экзамен, то меня забрал к себе мой дядя Марий, инженер, математик, и через два месяца подготовки сказал моей маме: «Верочка, вы знаете, он очень талантлив, просто его плохо учили».

Короче говоря, в 39 году я окончил школу, родных братьев и сестер у меня не было, две старшие дочери моей матери умерли детьми. Поэтому я, кстати, и родился! А единокровные братья у меня были – про старшего я уже говорил, и младший – это Олег, который был офицером на Тихоокеанском флоте. Потом тоже куда-то делся...

Школу я окончил кое-как. Больше занимался спортом. Я был мастером спорта в 17 лет.

Какой вид спорта?

Потом это стало называться классической борьбой. Греко-римская борьба. От бокса меня отвалил Краснов, который был колоссальный тренер. Он сказал: «У тебя короткие руки – в боксе тебе не пробиться. Да еще с твоим весом. Ты будешь всегда “грушей”. А для борьбы ты пригоден, потому что у тебя круглая мускулатура и притягивающие мышцы».

Потом меня призвали. В сентябре всех призвали, кто 21 года и окончил школу. И в это время началась война с Польшей. В августе меня взяли в армию – и я попал в артиллерийский полк. А через месяц, поскольку есть среднее образование, предложили идти в училище. Попал в пограничное – так, буквально на орла и решку, выпало. Не столько мне захотелось в пограничники, сколько захотелось на Кавказ. Училище это было во Владикавказе. Я там отучился неполные два года. Учился мучительно, потому что очень тяжелая нагрузка была. Так я попал в кавалерию. А в июне окончил училище и был назначен на западную границу в Молдавию. Прибыл в Одессу, поскольку там был главный центр этого пограничного района. Приехал в пятницу, а в понедельник мы должны были явиться за назначением.

В воскресенье началась война. Об этом – в поэме «Начало».

Я оказался в линейной части, сменил пограничную службу. Меня послали на станцию Беляевка...

Αὐτὸ εἶπα ἐὰν ὁ αἰὼν ἀεὶ ἴσῃ ἀθάνατον ἡλικίαν ἰνὴν ἡλικίαν 70-εἰσὶν ὁ πρᾶτος.

Ἄνι ἐὲν ἀσθενείᾳ, ἰνὴν

А потом у вас было тяжелое ранение?

Нет, сначала я угодил в тяжелейшую передрыгу – попал в плен: во время прорыва упал вместе с убитым конем. Это была скорее кантузия и жуткий ушиб. 8-го я попал в плен, а 15-го ночью во время следования поезда мы выпрыгнули из вагона. Всё это – в поэме «Начало». О том, что было после вызволения к нашим, я никогда не писал, нигде, даже в личном деле... Угодил все-таки в штрафной батальон как разжалованный офицер.

Позднее это стали СМЕРШем называть – особый отдел фронта. Бабушка узнала и маме сказала: «Верочка, ты знаешь, что случилось? Но ему поверят... Он очень правдив».

Не поверили. Так что в штрафбате я был. И там я был впервые ранен. После этого я получил звание лейтенанта. Круглыми путями я попал на Сталинградский фронт – командуя сначала ротой, а потом батальоном. И получил тяжелое ранение – в грудную клетку и в позвоночник. После чего я попал на Урал, на много месяцев – на госпитальную койку, потом не указывал в личном деле, что был в плену. Главное, хотел попасть еще на фронт.

Успел окончить курсы «Выстрел» в Свердловске... Какое-то время был в учебной дивизии начальником штаба. Учил лыжников – сам ходить не умел, но их готовил. А потом... На переднем крае (я получил три ранения) нельзя быть больше месяца. Ранение неизбежно.

Ἄ. Ὀσφείδης ἐὰν 70-εἰσὶν Ἄ. Διάκων πρᾶτος. 1991 ἄν

Александр Михайлович, в предисловии к только что вышедшему избранному «Дарованные дни» вы пишете: «Война научила отличать правду от лжи. Эта наука и теперь хорошо помогает». Поясните.

Ну, например... Однажды я попал в одно крестьянское украинское хозяйство – в «работники». Одного из нас звали Павлик Нефедов, он был такой... Горе-Поженян! Но славный был – этакий белокурый мальчик в бороде, который говорил со страшным азербайджанским акцентом. Он был бакинец. Был из морской пехоты. Вторым был Валька Лихачев, который замечал: «Как же ты неловко поддельваешься и говоришь на плохом украинском языке – только чтобы тебя не приняли за кацапа... У тебя по роже видно, что ты сын благородных родителей».

Мы косили и копнили – делали позднюю осеннюю крестьянскую работу, страшно тяжелую. У хозяина по фамилии Бершак был спрятан приемник. А все приемники сдавали немцам. Я думаю, что он этот приемник не отдал не столько из-за особой смелости, сколько из-за крестьянской украинской скупости. Не хотел отдавать! Мужик он был очень милый. Так вот. Недельку находясь у него и прячась на чердаке, мы по ночам слушали передачи из Москвы. Где говорилось, что бои идут под Минском... А под ногами лежали немецкие листовки, где говорилось, что Москва взята.

И с этого момента я понял, что такое правда, а что такое ложь.

Врали все. Но вообще больше врут те, кто терпит поражение.

Сейчас я стал чутким, но в людях иногда ошибаюсь ...

Как сюжетно развивалась ваша жизнь после войны?

Я приехал в Москву. У меня уже была семья. Мама жила в Москве. Но меня в Москве не прописали. Потому что я был в плену и в штрафниках. 46 год. И я мог жить где угодно, но не в Москве и не в Ленинграде. И я уехал в Ростов, поступил на истфак Ростовского университета, а через год приехал летом в Москву и перевелся на московский истфак...

Прописали в Москве с полными правами, но при этом вызывали раз в полгода в МГБ. Приходила бумажка: «Явиться...» А мы жили на Смоленке, наискосок, там, где теперь магазин «Руслан». И я ходил на Арбат, туда – в переулок, где был местный МГБ. Мама всякий раз страшно боялась и дрожала вслед.

А потом, в это же лето, я подал в Литературный институт. И не был принят. Окончил второй курс истфака. И когда на следующий год меня стали уговаривать, чтобы я поступал в Литинститут (а у нас компания литературная образовалась: Иоффе Эдик, который потом повесился, Кикин, Лелька Соколовский, Турков), я сначала отказывался, а потом... Большую роль сыграла моя двоюродная сестра Лидия Александровна Симонян, которая преподавала в Литинституте западную литературу.

Ну у вас и родственная сеть!

Да. И не только родственная. У нее, например, теснейшая связь с Солженицыным. Мы же все учились в одной ростовской школе. Я всех их знаю. А с Саней я не встречался после войны.

Можно тогда вставить вопрос: ваше отношение к Солженицыну – начиная с «Одного дня Ивана Денисовича» и кончая книгой «Двести лет вместе»?

В «Иване Денисовиче» меня в те времена, при первом прочтении, раздражил (теперь я думаю: несправедливо) один мотив. Автор сделал расширительно – по-соцреалистически – несчастным только народ. А ведь по существу 37 год – это задача истребления интеллигенции как политического противника.

Но ведь до этого, в конце 20-х, и народ еще как истребляли...

По-другому! И это меня тогда возмутило – я «Ивана Денисовича» не принял. Позднее я понял, что он правильно сделал героем именно Ивана Денисыча, а не Рубина. Вначале я посмотрел на все на это с позиций узкого опыта. Хотя сам был народом... У меня об этом есть строчки:

Я его потом видел два раза – на похоронах Твардовского, когда он его перекрестил (я в стороне стоял), и в ЦДЛ, в Союзе писателей, когда он читал «Матренин двор». Это, я считаю, лучшая его вещь. Нет, был еще третий раз – он приехал на похороны, когда Лида умерла. На поминках он не остался, уехал. Я же сам на похоронах к нему не подошел.

А как я к нему отношусь как к писателю? По-человечески с ним спорю, но, ничего не могу с собой поделать, прозаик он крупный. Но встречаться с ним не хочу. Он про меня не знает, вряд ли помнит...

Что такое есть антисемитизм и почему он не противопоказан православной модели мира? Надо ли тут отвечать смирением и подставлять другую щеку?

Есть три вещи, издевательство над которыми хуже всякой низости. Я бы это ввел, будь я Спасителем, в число смертных грехов. Это издевательство над физическим недостатком, над верой и над национальностью.

Раньше я был из тех, кто бил немедленно в морду. Немедленно! Теперь я этого не делаю. Не могу. Потому что это унижение самого себя. И еще я иногда ловлю себя на одной вещи, которая греховна: тут есть ма-а-аленький мотив гордыни... Я их прощаю, а мотив презрения все же звучит.

Антисемиты ничтожны, и мне их жалко, а в этом уже гордыня. Понимаете?

Да. Гордыня вездесуща. А какой из смертных грехов для вас самый неприемлемый?

Есть два. К одному я был чуть-чуть причастен – так случилось. К другому нет. Первое – предательство – страшнейший... Со мной было другое. Меня мучает одна вещь – нарушение заповеди «не убий». На моих руках – много крови. Во время войны я проливал кровь, возможно, невинных.

Война – это экстремальный опыт. Во время атаки нет возможности разбираться...

Но дело не в этом. Мне выдали молодого молдаванина, а я мальчишка был, с фанаберией, верхом на коне... Он поджог стог сена, его задержали как шпиона, а мне сказали так: «Отведи его в штаб, ты же туда едешь, и сдай его там в особый отдел». И дальше – кошмарный сон моих ночей.

Я поняла. Давайте поговорим все же о самой Музе, о словесности, о вашей литературной работе. Чем для вас в 60–70-е годы был поэтический перевод – ведь не поденка же, а, наверное, вдохновенная обитель, смежная вашему персональному творчеству? Сергей Шервинский замечал, что вы непрерывно учитесь у иностранных поэтов первого ряда. Как происходила эта «учеба»?

Он, Шервинский, не совсем так сказал. Он мне просто дал совет. «Когда вы учитесь у русских поэтов, очень легко сползти к эпигонству, а на тех учиться можно – у них другое мышление».

Какие ваши переводы для вас важнейшие и наиболее продуктивные с точки зрения вашей личной лаборатории?

Сейчас оказалось, что, помимо иных, еще и Галчинский. Я последнее время вернулся к нему. Он большую роль сыграл в моем становлении и научил меня существенной вещи: он научил меня свободе. Полной свободе слова! Это первое.

Очень важен для меня был (я это теперь понял) Поль Верлен – он оказался родственным мне по духу. О нем как-то потрясающе сказал в своей статье Анатолий Франс. Он сказал, что Верлен по своему религиозному состоянию близок русской поэзии. Он как будто не французский поэт – готов разбить о паперть голову в покаянии. У этих у обоих я многому учился.

Но самая моя главная переводческая работа – это, конечно, Теодор Агриппа д'Обинье. Эта работа длилась лет тринадцать. Бросал, снова начинал...

Θαϊάθ Άαβείια ά' Γαείύα

*Γαίύι ίθ ε-εοάοάεγύι (αάθά εοί-οί ίά γίαάο), ε-οί γά ίάθάάά έίεάε «Θάάε-άίεεά ίΓγί ύ»
Θαϊάθά ά'Γαείύα άί ά 98-ι άύεε άάίηόΓαίύ Άίηόάι έε Δίηέε. Δαίηέεεεεά ίά γοίε άάαίάείΓίε
άάίόά Υόι άύε εγίαάάεύηέεε γαεάε έεε ε-εήόί άαεά έίεεεάοεάα?*

Фигура Агриппа д'Обинье для меня всегда была первостатейной. Это человек совершенно невозможного героизма. Героизма не только нравственного, и не только религиозного, и не только батального – героизма человечности в каждом поступке. У меня был момент, когда я хотел стать кальвинистом, – настолько он влиял... Я много о нем думал, особенно когда прочитал роман о нем Жана Шаброля «Козел отпущения». Потом еще о нем читал, конечно, у Томаса Манна.

И вот мне предложили переводить поэтов Возрождения для «Библиотеки всемирной литературы», БВЛ. Я спрашиваю: «На кого же из больших поэтов я могу претендовать?» «Кого бы вы хотели?» Я говорю: «Прежде всего Агриппу д'Обинье». Редактор Сельма Брахман мне говорит: «Губа не дура. Он – ваш».

Я взял его переводить. Переводил сонеты, а потом втянулся. Он втягивает, как водоворот. Ронсар где-то рядом, но нет, Агриппа важнее. Потом я перевел самый главный кусок «Варфоломеевской ночи», я увидел такую беспощадность художническую!

Мне сначала дали французскую премию за перевод Агриппы (года за два до нашей Государственной) – и там был обед. Посол меня усадил рядом с собой и задал мне вопрос: «Что вам дал Агриппа?» Я ответил: «C'est la route a la croi...»

Это дорога к вере, да?

Да. Посол – неглупый мужик – мне сказал по-французски (русского он в отличие от посла предыдущего не знал): «Но это же другая вера – это кальвинизм». Я сказал, что мне важен не характер веры, а ее сила и целенаправленность. Он понял.

Со мной произошла невероятная вещь – я об этом уже не раз говорил. Он – единственная историческая личность, чей портрет у меня стоит за стеклом книжного шкафа. Он живой для меня... Но дело не только в этом. Пока я переводил его, у меня изменился почерк. Совершенно стал другой. У меня был остроугольный почерк – и вдруг я стал писать кругло. Я не мог понять, в чем дело. Когда я, уже закончив перевод книги, увидел автограф Агриппы, то понял (хотя написано это было по-французски): мой почерк. Мой почерк нынешний. Вы, Танечка, понимаете, о чем я говорю?

Конечно. Настоящий перевод – это мистика взаимоперетекания.

Да. И я однажды сказал Евгению Рейну, который нарывался и мне все время говорил: «Зачем ты переводишь? Ты поэт. Пиши сам. Зачем тебе переводы?», и я однажды ему ответил: «Когда ты переводишь своих кубинцев, ты должен туда влить свою кровь. А меня это поднимает на такую высоту, что в меня переливается его кровь. Это ни тебе, ни твоему другу Бродскому Оське во сне не снилось».

Да, ваша прямота известна! Александр Михайлович, вы – профессор Литинститута имени Горького, ведете мастер-класс, как теперь говорят, художественного перевода. Мы с вами – литинститутские коллеги, и я могу свидетельствовать: о, как вас любят студенты! Ходят к вам на занятия даже из других семинаров – юные прозаики, драматурги... Чему же вы их учите?

В переводе научить ничему нельзя. Просто стараюсь помочь им нашими разговорами и разборами. Помочь стать литераторами, имея эстетическое понимание того, «что такое хорошо и что такое плохо». Мы занимаемся экзерсисами – много переводим из XIX века: Верлена, Мериме, Мопассана. То есть как поэзию, так и прозу.

Иногда я просто рассказываю им «свою» историю мировой литературы (как мне кажется, ее не всегда в нашем институте преподают точно), вскрываю разницу меж романтизмом и реализмом, как я ее понимаю. Люблю беседовать со своими семинаристами о Данте, о его великой трилогии...

А что вы сами сейчас пишете? Не наступила ли, как бывает, пауза после выхода столь важного для вас «Избранного»?

Я спокойно продолжаю писать стихи. Переводить сейчас не перевожу. Последний был Галчинский. Я вам сейчас подарю только что вышедшую его книгу, где есть и мои переводы. Я могу быть и субъективным, поскольку очень уж негативно отношусь к старым переводам из Галчинского (и к своим тоже), а тут я начал заново и даже потягался с Бродским.

Что вы имеете в виду, Александр Михайлович?

Поэму «Завороженные дрожки» (сам поэт в письме к Тувиму назвал ее «Заколдованный извозчик»)... Бродский перевел ее гораздо раньше как «Заговоренные дрожки». В новом томе Галчинского помещены оба перевода: мой – в основном корпусе, Бродского – в примечаниях. Читатель может сравнить.

А какие у вас претензии к этому, раннему, переводу Бродского?

Отсебятина и плохое владение стихом. «Стукнул зубом от страха...»

Интересно!

Еще в связи с этой книгой (Константы Ильдефонс Галчинский, Фарландия, или Путешествие в Темноград. Поэзия. Театр. Проза. М. Вахазар, 2004). Хочу поблагодарить за нее составителя и автора краткого, вдумчивого, хорошего предисловия Андрея Базилевского. Содержательные примечания и дополнения. Правда, я говорил Базилевскому, что, с моей точки зрения, недостаток его концепции – он слишком много включил в книгу «коммунистических», основанных на доверчивых заблуждениях, текстов Галчинского, которые я бы оставил за бортом...

Ну, это как сказать. Порой интересны и промежуточные зигзаги, и заблуждения большого художника. И вообще, из песни слова, как говорят в народе, не выкинешь.

Тут, Таня, такая вещь: Галчинский искренне хотел поверить в построение счастливого будущего коммунистическим путем, но, что поделать, наблюдая реальный ход событий, как художник начинал над ним же сатирически издеваться. (Кстати, подобная проблема была у меня при составлении «моего» тома Сельвинского).

Но так или иначе, это самый полный и яркий Галчинский для русского читателя.

Кого из поэтов-переводчиков вы цените?

Гениальный переводчик был Александр Големба. Он и поэт был замечательный. Очень хорошо переводит Юрий Вронский – именно Галчинского. Кружков – прекрасный переводчик. И Марина Бородинская... Но, пожалуй, лучше всех на свете переводил Аркадий Штейнберг.

Àðéääéé Øò áéí ááðá

Вы с ним дружили?

Да. Он был похож на моего отца. У меня есть воспоминания о нем: он брался за всё и всё делал блистательно, но вдруг бросал... А какой художник! А какой дивный поэт!

Есть несколько поэтов, о которых сейчас, увы, умалчивают. Был выдающийся поэт Шенгели. Какая у него поэма о Сталине («Повар базилевса» называется)!

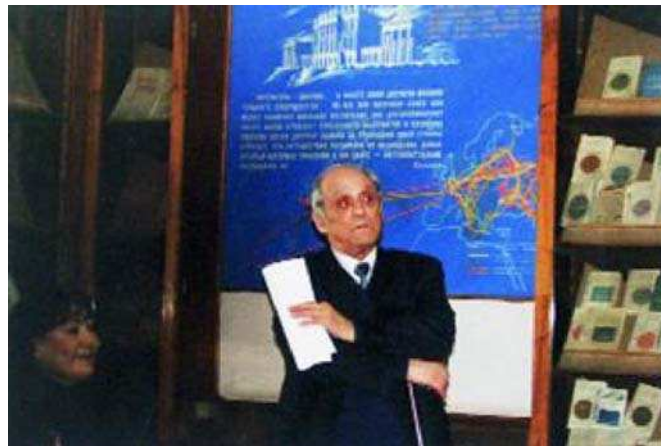
Ó ñáÿ äí à ñéèðáéñéèì éáéíÿííì.

Ëííää 1990-ò ññ (Øíðí Á. Ì éóáááá)

Кстати, у вас тоже – любовь к поэме. Как всякий раз приходит к вам замысел большой поэмы (а у вас их несколько)? И еще вопрос, более широкий: почему сегодня жанр поэмы в русской поэзии почти не востребован?

Поэма? Этот жанр нельзя путать с эпосом. Поэмы Гомера – это эпос. Так же, как «Махабхарата», это эпос. Я даже думаю, что дантовская трилогия «Божественная комедия» – это не поэма, это поэтическая вселенная.

Каким образом возникла поэма как таковая? Это порождение европейского романтизма. А ведь романтизм не дал великой прозы.

Ίδιόαυτὸ Ἑὸδαὸὸδὶτᾶ εἰπὸεὸὸὰεὶ.

Ἄ. Ἴ. Ἄιδιέτᾶ ἰὰ γὰτῶαὶεὲ ὁ-αὶτᾶ τᾶαὶὸὰ 2001 ᾶᾶ

Гофман!

Да. Но не роман. Можно еще сказать приблизительно – Гюго. Но великой прозы у романтизма не получилось. И поскольку высота стиля должна была быть на порядок выше, поэма собою заменила прозаический жанр. С одной стороны – повесть, с другой – роман. Так возникли поэмы Байрона, так возник байроновский «Дон Жуан», так возник пушкинский «Онегин». Уже Лермонтов где-то в конце 30-х мог себе позволить такие строчки: «Умчался век эпических поэм, и повести в стихах пришли в упадок...»

Ίὸ εἰτᾶ:ἰτᾶ ᾶᾶ

Ίτγὸὺ ἀὸτῖ ᾶεἰτᾶτᾶ ἰὰτᾶτᾶτῖ

(Ἵτὸγὸ ὀὶ ἰτᾶδὸτᾶδὸδ

ἰὰ ᾶτᾶτᾶ ᾶᾶᾶτᾶε)

Лермонтов.

Начало «Сказки для детей».

Я потом понял одну вещь: поэма нужна, но очень короткая. И знаете, кто меня натолкнул на этот принцип? Не думавший об этом тот же Блок. Его «Вольные мысли» – здесь сюжет, здесь всё, виляющий задом офицер, и баба с зонтиком, которая тоже задом виляет, и крик: «Фекла, Фекла!»... И я написал первую свою поэму – о том, как я не написал стихотворение. Она так и называется «Поэма о недописанном стихотворении» – о том, как я хоронил маму. А кончалась поэма так: «Стихи о птицах дописал я после...»

Поэма получилась странная – без конца, без развязки. Есть завязка, есть кульминация, а развязки нет. Развязка – смерть. Поэма в 150 строк. И после этого они из меня поперли... Все поэмы есть в книге «Дарованные дни».

Александр Михайлович, вы только что подготовили для издательства «Время» нового и совершенно «своего» Илью Сельвинского. Если лаконично: что для вас самое главное в этом поэте? Недавно прочла в мемуарах кого-то об Ахматовой: она, мол, говорила о Сельвинском, что он хотел совместить в своей участи Пастернака с Демьяном Бедным и ему это удалось. Вы согласны?

Он был человеком, ничего не понимающим в истории. Он в этом смысле был городской сумасшедший. Ничего не смыслил, но как художник фиксировал время с невероятной точностью. Он верил в коммунизм, понимаете? Но году в 37-м он же писал: «Когда-нибудь о нашем веке/ потомок скажет: «В этот век/ поймал, как молнию, навеки/ стихию слова “человек”...» Кончается это стихотворение так: «Лишь музы плакали от страха/ перед могуществом его».

Сельвинский был поэтический гений, который ничего не понимал в том, что происходит. Он фиксировал происходящее как дитя. Он как тот мальчик из сказки, который крикнул: «А король голый».

Вы рекомендуете молодым читать составленную вами книгу Сельвинского?

Пусть читают. Пусть думают. Она очень трудно будет доходить. Я дал только первые варианты, не испорченные цензурой и им самим не правленные.

А Сельвинский стихи в какую сторону правил?

Коммунистов вводил как положительное начало. И не думайте, что он власти боялся, – он действительно сомневался в своей правоте.

На мой взгляд, в Сельвинском есть какое-то советское язычество... А почему до сих пор для искусства притягательны языческие соки?

Очень сложный вопрос. Я об этом до сих пор не думал. А я плохо способен на неожиданный «подхват». Но... Вы не обратили внимания на одну вещь? Но протяжении XVIII, XIX, XX веков шел не просто процесс кризиса христианства – шел процесс его удушения. Мы дошли до века Антихриста, который навязывает людям язычество.

Отсюда – Гитлер с тибетской премудростью, Гитлер – с нордической теорией вечного льда, Гитлер – с идеей примата силы над добротой и снисхождением. Понимаете? Поэтому – Сталин и Ленин. Это всё – одно и то же.

Я прочту вам мое самое последнее стихотворение. Оно как раз о язычестве. Называется «Позавчера».

Í ää ííäíéíííééíí áíäé íéúáóó.
Á õí äðé òí òáí äíçíééáðò, òí òóó
äðááí éá éééé í ðéðíáí.
Çááí áíðíää- è äáííéáí úééé í éóó,
í òðíé Áäðí äí äáçáíðíáíé...
Í äéí éé á òó-áó í ðéäéäéòíí ÷ òí
í äéú-ééó á ééáó-áòíí íäðíí í äéúòí,
íéíéúéí áíäéíú òí éíòíí ÿííó,
í éí óú, íäðéðíí - í ó äí ðíí ú óáí é òí,
áíäé äí éí ú á í ðéäáí äáííáó,
í éííúíí é, á óéáí äó, á ééðáííáó...
Íéíéúéí í ðéäóí äé í áçðí-éé Áíí äð
äííééó äíðáí, íí éé óáí íá, óéí äó
÷ óäéú á ðáçé-íáé óáí äéää -
äí, ÿòí äéääé äðíáí-éé íéáí äó,
á ééáó-áòíí íäðíí í äéúòé óéáí íáí,
íð áðíé éçáí áí í éé Í äéäéé.
Çíáééá òó-é í ðéäééçéééíí äí éíòíí
á íää éáí í äééíé á í äððáðúáí íäðóá
íí í òðéò, íéääéá óéú äáíííí, Áííí íáíí
éáé ðáçéäéáðòíí í äéúá äáóé.

× óáííí íá íðéóíí òáíðáí éá (íððíðééá äíéúí áí, íí íí òáéííé òííéíé íí ííáóó) - á íáí òáé
ííáíáíí ííííáííðáðò ÿííóé, é áí òé-ííííí, é ííáðáí áíííííí, é äíííóáá íá-äéí, é íðííòí í ú ííáí é,
äíäóí úá... Á éáé äí, Áéäéíáí äð Í éçáéííáé-, í òíííéðáííí é ííííóéð «ééðé-áíééé äáðíé»? Í í áíòíí á
ääóáé ííííéé?

Понятие это дискредитировано практикой советской поэзии. На мой взгляд, там это было не настоящее лицо, а скорее маска.

Я не исключаю своего присутствия в качестве лирического героя в собственных произведениях, но не в советском понимании. Я просто пишу дневник. Я ничего не типизирую, я – живое лицо, готовое для смеха и плача.

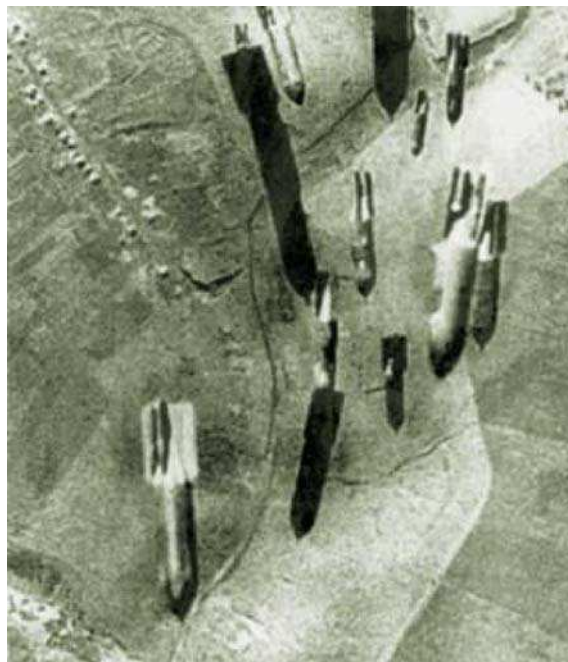

Ì ãîãîéá òèøéíú

Это было на Кубани. Немцы как раз начали планомерное отступление, чтобы не оказаться в котле вместе с армией фельдмаршала Паулюса под Сталинградом. Полк, где я служил, участвовал в наступлении. В ту пору германская армия обладала еще огромной силой, и по наступающим велся непрерывный огонь из всех видов оружия – с земли и с воздуха. Мы, как сейчас помню, залегли в открытом поле. Единственным прибежищем казались кусты винограда, росшие поодаль. Было ощущение, что земля вздыбилась под ногами, а непрерывный вой снарядов и свист падающих бомб создавали впечатление настоящего ада.

Хотелось одного – поглубже втиснуться телом в землю, чтоб хоть на миг избавиться от яростной свистопляски вокруг. До сих пор не могу уразуметь, что стряслось. Но как-то вдруг, словно по мановению волшебной палочки, на эту зловещую круговерть опрокинулась тишина. Да такая, что впору было расслышать жужжание комара. Длилась она минуту, от силы – две. Но и их хватило, чтобы чуть-чуть расслабиться, заметить пробивающуюся из земли травку, услышать птичьи голоса. А главное – удержать в памяти словно бы дышащую кучу хвороста. То была муравьиная куча. Я глядел на трудяг-муравьев, ни на миг не прекращавших движение, суетливо догонявших и обгонявших друг друга, снедаемых какими-то всепоглощающими заботами. И, знаете, ощутил щемящее чувство. Неужто, думал, придет день, и я напрочь забуду о пулях, бомбах, снарядах? Выйду в поле, прирасту глазами к такому же вот клочку земли и спокойно стану наблюдать биение жизни окрест, открывать для себя какие-то неведомые тайны природы. Б-г мой, как захотелось тогда выжить, дожить...

Но тишину взорвал очередной нечеловеческий грохот. Минута навечно ушла в небытие.

Áúëí îùòúáíéá ÷òí çáì ëÿ áçáúáèèãîîíîã îîãîí è, à íáí ðáðúáí úé áíé ñí áðÿáíá

ñæñò íáááðúèð áíí á ñçááááèè áíá-àðéáíéá ááá, îíéñáí íîã á í èòíéíáèè.

Çèíáðááí úá ááòèèèú

...Удивительные метаморфозы претерпевает с годами человеческая память. Отчетливо, в красках, в деталях воскрешает она события и факты, удаленные пластами десятилетий, а сравнительно недавно виденное предстает размытым, едва различимым. Почему это? Однозначного ответа, пожалуй, нет. Такова уж данность бытия, подтвержденная житейским опытом.

Близится год великого юбилея. Шестидесятилетия Великой Победы нашего народа над фашизмом. И, конечно же, «бойцы вспоминают минувшие дни» – все, что выпало на долю каждого.

Мне довелось участвовать в десантной операции при форсировании Керченского пролива. Тяжелая то была битва. Высадились на крымский берег под шквальным огнем противника с земли и с воздуха. Штаб стрелкового полка, где я служил военным переводчиком разведотдела, разместился в знаменитых прибрежных катакомбах: там в пору оккупации находили прибежище местные партизаны.

Как-то раз полковые разведчики приволокли

и в штаб «языка». Фельдфебель был достаточно помят (при захвате оказал яростное сопротивление). Росточком он явно не вышел. Эдакий тщедушный очкарик. В первые минуты держался нагло, я бы даже сказал, надменно (как же, представитель высшей, арийской расы). Однако постепенно утратил спесь – видно, уяснил реальное положение дел, знаками попросил закурить. Командованию срочно требовались сведения о резервах противника на этом участке. Посему вскоре из штаба корпуса прибыл полковник.

Начался допрос. Первый вопрос, заданный с целью выяснить дальнейшие отношения, звучал так: «Кто, по-вашему, повинен в развязанной войне?»

Я добросовестно перевел фразу на немецкий. Ответ последовал незамедлительно. Если транскрибировать его русскими литерами, выглядел он следующим образом: «Ан льс ис дер жюдо шульдиг». Понял я лишь последнее слово. Смысл остального, убей Б-г, ухватить не мог. Дело в том, что пленный говорил на баварском диалекте, настолько разнящемся от литературного немецкого, что, как мне стало известно позже, с трудом воспринимался даже жителями других частей Германии. Не баварцами.

Немая сцена, следовавшая затем, в чем-то напоминала гоголевскую, из «Ревизора». Я в недоумении глядел на пленного, полковник – на меня. Помню, какую неловкость я ощутил: как же, выпускник ускоренных курсов Военного института иностранных языков Красной армии, дипломированный переводчик не может разобраться с коротким предложением. Стыдоба! Несколько раз повторил я вопрос, улы, суть ответа не прояснилась. Ох, уж этот диалект...

Через несколько минут, напрягшись, я все же сообразил, о чем речь. «Пленный считает, что во всех бедах виноваты одни евреи», – произнес, запинаясь, я. Полковник помолчал, поправил очки на переносице и сердито буркнул: «Разрешаю тебе, лейтенант, съездить фрицу по физиономии».

Разрешением я не воспользовался: воспитание не позволило. Помню, однако, какой душевной болью отозвался во мне тот короткий эпизод. Двадцатилетний юноша, я впервые лицом к лицу столкнулся с патологическим антисемитизмом. Так уж случилось, что ни в школе, ни в институте, ни на фронте среди солдат не доводилось мне слышать ничего подобного. Расист из Баварии преподал мне первый урок национальной ненависти.

Í á àðò èèè àðè è ãã ðèèè: «áíãáí éí ú».

Í ðí ðè áí è è á í í é í é ì àð à ì ù ó ù à è à à ì ì ù ù á í á ð è í á í à ñ ò ó í è á í è ý í à ø è ð á í é í è.

È ð à ò é í á í ò ñ ò ó í è á í è á í ò ò á í ú

Коль скоро затронул я в этих заметках тему юдофобии, позволю себе, отвлекшись от заметок о временах военного лихолетья, перенестись мысленно в послевоенные годы, когда антисемитизм перестал носить характер чего-то случайного и сделался чуть ли не постоянной занозой в душе. Расскажу лишь одну, потрясшую меня историю, к привычно-бытовым не относящуюся.

...В приснопамятные времена, когда раскручивалось незабвенное дело врачей – отравителей и убийц, работал я заведующим отделом в московской областной газете. Заместителем главного редактора был у нас человек, слывший умным и талантливым. Но шум вокруг «дела врачей» вызвал к жизни у определенного рода людей, даже умных, даже одаренных, юдофобские настроения, до той поры, видимо, гнездившиеся где-то в подсознании. В нормальном творческом коллективе завелась этакая вредоносная гниль.

Воистину одинаково опасно безумному вручать меч, а бесчестному – власть. Со страниц уважаемой и популярной среди читателей газеты мутным потоком «попились» статейки с сильным антисемитским душком. Этому в какой-то мере способствовал и главный редактор, человек, в общем-то, пристойный, но слабохарактерный, полностью попавший под влияние своего, уже упоминавшегося выше, заместителя.

Однажды этот зам пригласил сотрудницу моего отдела к себе домой на празднование какого-то вроде бы юбилея. По ходу дела он, что называется, «проникся» к гостье и решил посвятить ее в свою сокровенную духовную жизнь. Достал из книжного шкафа объемистый альбом и стал листать страницу за страницей. На каждой были наклеены вырезки из столичной «Вечерки». То были извещения о смерти или некрологи – и фамилии исключительно еврейские. «Это еще что за кладбище?» – изумилась моя сотрудница. – «Не кладбище, а мои каждодневные маленькие радости, – отвечал хозяин дома. – Помер кто из них – и слава Всевышнему; одним на этом свете стало меньше». Он сладострастно потер ладони.

Женщина была в шоке и от неожиданности даже не сумела найти нужные слова, чтобы выразить свое возмущение. Просто тотчас ушла, а на следующий день рассказала мне о своем визите: «Руки я ему больше не подам!» – в сердцах воскликнула она.

Очень жаль, но многие из нас усвоили скверную привычку стыдливо опускать глаза долу при виде откровенной подлости. А ведь перед ней нельзя пасовать. Хотя, с другой стороны, воздействовать на чьи-то укоренившиеся взгляды очень и очень сложно...

Не так давно прочитал я кое-что о юдофобии у замечательного польского писателя Юлиана Тувима. Полностью согласен с его точкой зрения. «Я делю поляков, как и евреев, как и людей любой национальности, на честных и бесчестных... порядочных и непорядочных, а в политическом плане на антисемитов и антифашистов, ибо антисемитизм – международный язык фашистов», – писал Тувим.

...Впрочем, я отвлекся от воспоминаний о фронтовой жизни, обратившись к болезненной теме, навеянной эпизодом с пленным фашистом. Слишком она серьезна, эта тема, требующая, конечно же, отдельного, обстоятельного разговора. Потому влпору сейчас возвратиться к далекому прошлому.

Ī òñòáí àÿ, ãèòéáðíàòù ĩñòááÿÿéé çà ĩáíé ã ðÿÿéá èçáù, ðñéí ù æééùò áñí ĩá ĩ ã ãòùé çáí ðñòáí éá

Ī éñí í àÿ ò ðáñééñí ááèÿ

Был в череде военных будней эпизод, я бы сказал, трагикомического свойства, опять же навсегда засевший, как сказано у поэта, в «подвалах памяти». Полк наш стоял в обороне. Как уже говорилось, я служил военным переводчиком. Немцы тогда еще твердо верили в непобедимость вермахта, в грядущие тысячелетия «великой Германии». Перебежчиков не было, и не было успеха в разведпоисках наших разведчиков. А командованию позарез требовались «языки». Короче говоря, ставку в разведотделе сделали на радиоустановку окопного типа. Что это такое? Сидит в блиндаже переводчик-агитатор и читает обращение к противнику, призывая сдаваться в плен, убеждая немцев в неизбежном поражении германской армии, суля скорую и беспрепятственную репатриацию: отправку на родину. А от установки вдоль передовой тянулись провода с репродукторами. И велись через них передачи, прерываемые лишь во время минометного и артиллерийского обстрелов, или налета авиации.

То ли минами, то ли снарядами немцы однажды напрочь вывели из строя динамики. Как быть? Командир разведки принял решение: отрыть на нейтральной полосе, метров за пятьдесят от переднего края, окоп, откуда я мог бы с помощью рупора передавать противнику текст воззвания. Штабные офицеры понимали несостоятельность этой затеи. «Проку от нее чуть, а переводчика потеряем», – говорили они. Но приказ есть приказ; о дополнительных мероприятиях нужно было докладывать наверх. Поэтому мы стали готовить операцию.

Окоп, из которого мне предстояло вести агитацию, был мелким, что-то около полуметра глубиной. Дождавшись минуты, когда осветительные ракеты со стороны противника не запускались, и

прихватив рупор, я пополз к приготовленной для меня позиции. Уложил рупор на бруствер и через несколько минут громко, насколько позволяли голосовые связки, прокричал первую фразу: «Achtung, Achtung, deutsche soldaten und ofizieren!» (Внимание! Внимание! Немецкие солдаты и офицеры!) Затем решил фразу повторить. Но заготовленный текст был прерван на первом же слоге – «Ach...». Вблизи окопа разорвалась мина; меня ранило осколком. На том и закончилась моя миссия агитатора. Спустя некоторое время наши солдаты на плащ-палатке уволокли меня в окопы на передовой.

Из дали лет вижу лишь комическую сторону эпизода. Но в те дни, поверьте, было не до смеха. Что ж, каждое время окрашено своим цветом.

Èàèóφ æá áéääã äàòü ïï-áñò áñáè äàò ïð yòèð ñòðíé á äòçèí ñéíì yáàèí áñì èò äéá

Стало возможным даже сфотографироваться с новым другом. На память.

Áñì èò äéüü àý áéääã äàòü

Наступление наших войск на Кубани, а потом в Крыму, проходило в весьма неблагоприятное время года. Сырость, слякоть, с неба попеременно сыпались то дождь, то снег. Переходы бывали по десять – двенадцать километров, и шагать через хляби, лужи со стывшей водой, пехоте, прямо скажем, не казалось в радость. Отшагаешь те километры на пределе сил (сухой паек бодрости не прибавлял) и думаешь только об одном: скорее бы остановились, хоть несколько минут передохнуть...

Но вот по цепи передается команда: «Привал!» И все мы буквально валимся на землю – правда, не в самую лужу, а возле, где посуше. Хорошо, ежели найдется поблизости какой-либо камень, или кирпич, чтобы положить под голову. Какая ни на есть – подушка. При этом каждый норовит пристроиться в серединке, чтобы с обеих сторон теплее было. 10-15 минут – и команда «Подъем!» До чего же тяжело отрывать от земли расслабленное тело в промокшей шинели, да еще если в эти считанные минуты успел прикорнуть. Вспоминаю все, как дурной сон. Вспоминаю в связи с тем, что произошло после.

А произошло вот что. Эвакуировали нас, ранбольных, в грузинский городок Боржоми. Там размещался эвакогоспиталь. В какую же благодать мы попали! Представьте себе после всего пережитого просторные палаты, кровати с пружинными матрацами, чистое-пречистое белье и... тишина, покой. Уж не помню из каких источников, но вкушали мы там чуть ли не каждый день по чарке чачи (местной водки, приправленной, как утверждали, толикой табачку). Земной рай... И к тому же еще молодые и добрые нянечки, сестры, врачи. А ранбольным по двадцать – двадцать пять лет. Ни в сказке сказать, ни пером описать. Особенно для тех, кто состоял в «ходячих», не был прикован к койке.

Все это, как говорится, присказка к тому, что дальше было. Уже на третий день после вселения в палату у меня начался жар. Трудно стало глотать. Рана моя тут ни при чем. Врач констатировал ангину, да еще в острой форме. Вот ведь чудеса. Валялся на холодной, сырой земле, вышагивал километр за

километром в промокнутой до нитки шинели... И ничего ведь не брало. Не чихал, не кашлял, ни на что не жаловался. А тут на тебе...

Это уже позже врач объяснил происхождение неожиданной болячки. В тяжелейших условиях, при постоянном напряжении там, на фронте, для защиты от болезней мобилизуются все внутренние, никем не измеренные силы сопротивления человеческого организма. Вырабатывается иммунитет. Расслабление, отдых открыли дорогу разнообразным хворям.

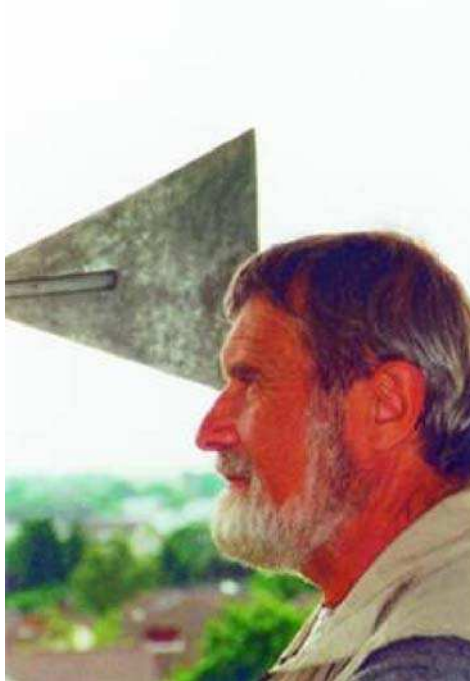
Υιέϊτᾱ

Ἄλλῃ Ἰσᾱᾱῦ ἀποδοθεὲς ἀπεδιδῆναι ἀδίατα Ἐξᾱ, εὐὰ ἰδεῖσθαι ἀτοῖσθε ἵτ δατᾱίερ. Αὐεῖτ ἰυόυαίεα οἰεῖτᾱ ἡ-ἀνῶν, εἰεῖτᾱ ἰα ἐπὶ πῶαε ὕ ἀτεῖσθᾱ ἰεεῖτᾱᾱ ἀ ἀεεῖε. Ἡ-ἀνῶν ἔ πᾱδῆυῶ ἰᾱᾱᾱᾱ ἰᾱ οῖ, ᾖοῖ ἰῖᾱῖᾱῖᾱ ἰεεῖτᾱᾱ ἰᾱ ἰῖᾱοῖδεοῖν. Ἰεᾱᾱ ἔ ἰεεῖτᾱᾱ. Ἐᾱτ ἵῖ ἰδῶεᾱτ ἡῖ ἰε πῶε ᾖ-ᾱεῖᾱ-ᾱεῖᾱ ἀυῶε. Ἄεεεεε ἰεῖᾱῶεῖ ὀᾱᾱεᾱᾱε, ᾖοῖ χᾱεῖᾱᾱε ὄεᾱᾱῖ ᾱεῦ ἡ-ἀνῶν, εἰε ἰῶεῶᾱ ᾱεῦ ἰῖεᾱῶᾱ ὀᾱῖ, ἵῖ, ᾱῶῖ ᾱῶῖν, ἰῶεᾱᾱεῖν...

ЛЕХАИМ АВГУСТ 2004 АВ 5764 – 8 (148)

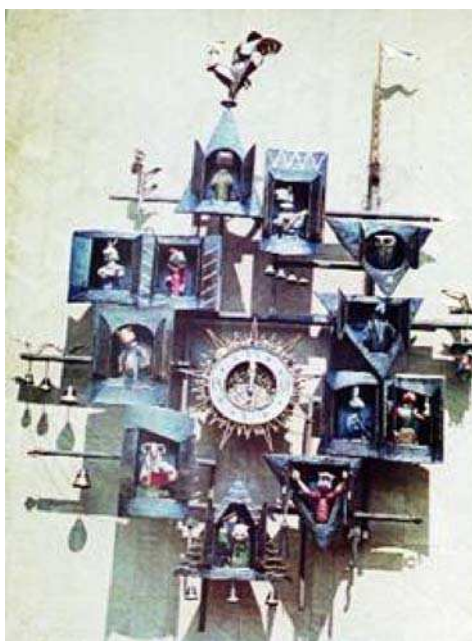
ΝΕΟΕΥΤ ΟΓΔΙ ΑΑΑΕ ΘΕΙ ΑΝ: «Β - Ϊ ΕΤ ΟΙ ΕΕ, ΝΔΑΑΕ ΝΟΔΟΑΕ - Ϊ Ϊ Ε Ϊ ΔΕ ΧΑΕ»

Αδία ΕΪ Ϊ εεΪ

С работами Павла Шимеса я познакомилась много раньше, чем с ним самим. Уверена, что и читателю они знакомы. Он выставляется с 1954 года – полвека в искусстве! Двенадцать его работ находятся в Третьяковской галерее, часть из них можно увидеть в выставочном зале на Крымском валу. Москвичи да и гости столицы, посещая концертный зал гостиницы «Россия» или проходя мимо него, обращают внимание на маски, украшающие фасад здания. Их автор – он, Павел Шимес.

Помню, как лет сорок назад бегали мы к театру кукол Образцова, когда он справил новоселье на Садовом кольце, бегали поглазеть на диковинные часы над входом в театр. В урочный час под звон колокольцев открывались дверцы, оживали фигурки зверей и зверюшек: зубастый волк заносил нож-клык, баран норовил кого-то забодать, хлопал крыльями и голосил петух... Европейцам такие часы не в диковинку. Оказавшись на Западе, я видела подобные и в Кельне, и в Праге на старой ратуше, но тогда для нас это было чудо. Лишь сейчас я узнала, что автором этого чуда был (в соавторстве с Д. Шаховским) известный скульптор Павел Шимес, с которым судьба свела меня на берегах Рейна.

Хайр җә бәһәһә Өзәк дә Җәдәһә

Выпускник Московского высшего художественно-промышленного училища (Строгановского) Павел Шимес учился на факультете монументально-декоративной скульптуры. До сих пор для него важнейшими являются правила композиции. «Архитектоника» – его любимое слово. Отсюда же и его особый интерес к скульптуре, связанной с архитектурой, ансамблем, с определенной средой. Помимо вышеназванных его работ, украшающих московские здания, можно назвать памятник экипажу ТУ-144 на Новодевичьем кладбище, памятник воинам в Узбекистане, оформление входа в Ташкентский театр кукол, рельефы ресторанов в Гомеле и Тирасполе. Многие его произведения малых форм способны полноценно жить в архитектурном пространстве и вполне допускают пропорциональное увеличение. А потому делить работы Павла Шимеса на станковые или монументальные затруднительно, не станем этим заниматься.

Основной принцип творчества Шимеса – конструктивная ясность. В его работах – в дереве ли, в камне ли, в металле – ничего лишнего, конструктивная основа обнажена, он не боится «поверить алгеброй гармонию». Обнаженность приема способствует тому, что скульптура Шимеса становится афористичной, не повествовательной. Как в древних мифах прячутся архетипы, так и во многих работах Шимеса проступают понятия вечные, родовые. Взгляните на его «Маскарад»! Двое обмениваются рукопожатием, а за спиной каждый из них в другой руке держит нож. Откуда явились эти двое в масках? Уж не из античной ли трагедии? Актеры тогда играли в масках. Но, быть может, это «высокие договаривающиеся стороны», вершители наших судеб? Или «партнеры» по современному бизнесу? Не стоит искать конкретные прототипы. Ведь злодейство, предательство и обман – понятия родовые, вечные. Скульптор запечатлел «архетип».

Человек и кот

Стремление, свойственное многим большим художникам, выразил Борис Пастернак: «Во всем мне хочется дойти до самой сути: в работе, в поисках пути, в сердечной смуте». Возможно, именно это желание толкает Шимеса к мифологическим сюжетам. И тогда появляются такие работы, как «И боролся Некто с Иаковом», «Троянский конь», «Нике», «Пьета»... Уход в миф – это не бегство от современности: прошлое ведь не исчезает бесследно. Оно смотрится не только в зеркало настоящего, оно проглядывает в будущем.

Говоря о современности искусства, о соответствии художника своему времени, скульптор замечает: «Современность художника не есть результат специально направленных усилий, а лишь естественный итог его естественного развития. Историк будущего безошибочно припишет любого художника нашего времени к XX веку». И в самом деле, достаточно взглянуть на работу Шимеса «Каток», выполненную в 1984 году, чтобы убедиться в том, что художник не существует вне времени. Перед нами – величайшая трагедия минувшего столетия, но как емко, как лаконично она представлена! Лежащая навзничь деревянная, плоская, без проработок, мужская фигура, придавленная тяжелым ошкуренным и отполированным бревном. Каток прошелся по человеку и расплющил его, не по одному проехался, потому и бока свои до блеска повытер. С такой же беспощадностью изничтожил миллионы людей каток сталинизма и фашизма, этих двух тоталитарных режимов XX века. После того что мы в последние десятилетия узнали о своей и не только своей истории, скульптура легко «прочитывается», разве что не каждый готов принять новую непривычную форму. Перед нами новая матрица смысловых и пространственных выражений. Подчеркнуто конструктивное построение пластического образа у Шимеса – это дань современной эстетике.

«Человеку подчас бывает трудно выйти за пределы установившейся для него эстетики, – рассуждает автор “Катка”. – Трудно тому, у кого граница между “хорошо” и “плохо” навечно определена в сознании. В какой-то момент даже хороший вкус может оказаться шорами, тормозом в творчестве, неприятием нового, не входящего в сложившиеся представления». Скульптор имеет в виду своего брата-художника. Но его мысль распространяется и на зрителя.

Àdòèrò.

Шимес, по собственному признанию, «привержен к созидательным линиям развития в искусстве»: «Лично я не принадлежу к числу активных сторонников “раскульптуривания” скульптуры, хотя отдельными приемами ее пользуюсь время от времени. Нельзя придерживаться всю жизнь какой-то одной догмы». В скульптуре всегда что-то меняется. Меняются задачи, а стало быть, средства, приемы и способы выражения. Формы меняются, но вечны законы искусства. «Желание не отстать от стремительно меняющихся стилевых проявлений, боязнь выпасть из современного процесса, сам темп, сопровождающий эту стремительную погоню за новизной, не может не увеличивать количество суррогатов в так называемом авангардном искусстве. И они вполне могут конкурировать с худшими проявлениями социалистического реализма. Впрочем, как известно, крайности сходятся», – сокрушенно резюмирует Павел.

Погоня за модой, по его мнению, – удел тех, кто предпочитает успех «здесь и сейчас». Отповедью им пусть служит его небольшое стихотворение.

Írúú írúú.. Àdààrúú úé nò òèí òèç

Àdààrúú ñ èì àpò íààèáú.

Í à àààòíèé àá í àdýàèòúññ ñíyòú

Í è í á ò àdýpò í àààèáú.

À á í íáí àáò í á àí á ú àdýáò.

Í àààdí í èçì áí èòññ ñ í áà

Í í áááò àdààrúú í áàòú á ñáá

Ñí àáàí í àéáí ùp ñ òèòíáú.

О том, что скульптор пишет стихи, я узнала далеко не сразу. Они лаконичны, чем-то напоминают японские пятистишия «танка». Лирическое видение мира. Его, казалось, трудно ожидать от «рационалиста» Шимеса, а вот, поди ж ты! Приведу две его миниатюры.

Í ò èòà

Èí ñ í á í á òéòò í ò èòà ñáéà,

Ñóòèì è í àéí-èàì è í íá

èí ñ ùáèèññ ò àéà

Í õîîáíé øàðèé ááñá í á èì ááò,

Í í èàé áíááðéá í àì áúóó áñáò.

Áááí:èà

Í í:í äý áááí:èà ì áò àèáñíí ó íéí à

Õíòáé ìíì í:üáé, áá ááéé íá:äýííí.

È ñéíáñì ì íæíí íáíáñòè óñíí,

Í á òí :òí í áúéèðæáð óéíð.

Малая форма в поэзии, видимо, отвечает душевному складу скульптора. Он не из породы говорунов, хотя рассказчик интересный, в меру ироничный. Не только лаконизм, но и ассоциативность роднят его стихи с малыми скульптурными формами, которые сейчас доминируют в творчестве Шимеса.

Concerto grosso äëý ááçáñì í íé ñíááèè.

На исходе XIX века обозначилась новая тенденция синтеза искусств, стали размываться границы между родами и видами, даже жанрами. Пример подал Ницше, в творчестве которого поэзия соединилась с философией. Мусоргский создал свои импрессионистические музыкальные «Картинки с выставки», Скрябин успешно

экспериментировал с цветом музыкой. Примеры можно множить, а уж о процессе межжанрового синтеза можно говорить до бесконечности.

Искусствовед В. Мейланд, писавший о творчестве Павла Шимеса, отмечал «театральность» многих его работ, несущих в себе сценическое, игровое начало. Его металлические флюгера – это своего рода «теневого театр». А многофигурные композиции «Кончерто гротто для бездомной собаки» или «Человек-оркестр из цирка», созданные в последние годы, – это явно «театр одного актера».

«Литературности» в работах Павла Шимеса нет, но в них присутствует поэзия. Как она проникает туда, не знаю, это тайна мастера. Когда я взглянула на только что отлитый медальон на мифологический сюжет (Похищение Европы), ахматовские строки потекли сами собой:

Î, èàè ì ðÿíí àùòàì ùú ààí çàè èè,

Î íá èíàà-òí ì ðèíí è àò àéíÿ ò àì ;

Ò àì , ààá è ðòæ àòíÿ Ýà ðè àè èè,

Àù è Àà ðí ó àà çò ì í àí è í àì ...

Автор медальона молча слушал стихи, посвященные Мандельштаму, а когда я навестила его мастерскую в следующий раз, медальон, тонированный под патину, был вручен мне в подарок. Таков был отклик на стихи.

Èèí óí ù.

Поэзия близка душе Павла Шимеса. Быть может, потому в его своеобразном автопортрете 1983 года рядом со стоящим художником изображен лежащий Пегас. Крылатый Пегас изнемог, голова его свесилась за пределы конструктивной основы, беспомощно простерты ноги, он едва дышит, художник же, собрав последние силы, стоит твердо, напряженно выпрямившись...

Дух игры, карнавальность, или, как ее именовали немецкие романтики, фестивальность роднят некоторые произведения Шимеса с картинами его старшего коллеги Александра Тышлера. Когда глядишь на последний автопортрет скульптора, название которого «Это я, Г-споди!» он, по собственному признанию, позаимствовал у Рокуэлла Кента (у нас выходила его автобиографическая книга «It`s me, o L-rd!»), сразу вспоминаются женские портреты Тышлера. Художник-волшебник громоздил на головы своих героинь замысловатые сооружения: башни, театральные подмостки, птичьи гнезда, а иногда – целый город. Фигуру скульптора в автопортрете Павла Шимеса венчает парусник. Что символизирует этот корабль-скиталец? Стремительный полет творческой фантазии? Или не умирающую с годами романтику? Павел принадлежит поколению, которое утверждало себя в шестидесятые годы, их гимном была «Бригантина». Или это поклон в сторону ушедшего друга?

О творческой близости Шимеса и Тышлера, несмотря на их разность (все-таки первый добивается максимума выразительности при минимуме средств), можно было бы много писать. Их сближает отношение к своему искусству как к ремеслу. Тышлер не раз говорил о том, что художник должен владеть культурой своего ремесла. «Наши критики, – писал он, – останавливаясь исключительно на литературной стороне произведения, как будто забывают, что живопись строится не только на теме, но и на профессионально-техническом процессе, который также определяет высоту и качество вещи». И Шимес говорит о ремесле художника, говорит так, что это слово хочется писать с большой буквы.

Ύοι ὤ, Ἄ-ἦ ἰαε!

Тышлер, фамилия которого связана с профессией его предков (и отец, и дед, и старшие братья были столярами), вспоминает, что детство его прошло среди стружек. И Павел Шимес завершает стихотворение «Призвание» признанием:

Ὅϊ οὐ ἰ αὐεα -

ἰὰ: αἶτ ἄϊαῖ ἰὰ: αἶ,

В - ἰεῖοῖεέ,

ἰῖαἶε ἰὸδῖαεἶ ἰ ἰε ἰδὲ: αἶ.

И в этом нет никакой рисовки. Рисовка, поза вообще чужды этому скромному и деликатному человеку. Основу близости пожилого Тышлера с относительно молодым Шимесом составили помимо профессиональных интересов внутреннее благородство и редкая душевная чистота обоих. Это ощутила и

Флора Сыркина, искусствовед, жена Тышлера. Павел и его жена, известный скульптор Марина Романовская, были вхожи в дом Тышлера, чем похвалиться мог мало кто: Флора оберегала свое гнездо, как орлица. После смерти мужа в начале 80-х она доверила именно Шимесу сделать памятник мужу. Выполнить эту работу мог человек, по духу близкий ушедшему художнику. Павел, наделенный зорким глазом, добрым сердцем, сумел увидеть самое главное, а потому скульптуру-надгробие старшему собрату он назвал «Спящий ангел».

Объёмно.

Когда в мастерской-подвальчике Павла Шимеса на окраине Кельна я разглядывала его последние работы – деревянные скульптуры «Человек-оркестр из цирка» и «Concerto grosso для бездомной собаки» и небольшие черно-белые композиции «Ангел в тенетах», в которых столько «театральности», грусти и философской обобщенности, когда слушала его короткие стихи, мудрые и прозрачные, которые он читал глуховатым голосом, стало ясно: сам Б-г велел Шимесу сотворить памятник Тышлеру.

Видели ли вы, как спят ангелы? Пойдите на Кунцевское кладбище. Памятник стоит там. На капители невысокой ионической колонны покоится бронзовый ангел. Одно крыло он подвернул под себя, расположился на нем, а второе, устремленное в небо, напоминает парус. Спящий ангел парит-плывет в воздухе. Руки заброшены за голову, а лицо обращено к небу. Он красив и трогателен в своей чистоте и спокойной отрешенности и напоминает и художника, которому он посвящен, и скульптора, которым он сотворен.

Γαλιλαία Ἀεὶπῆται ἄδῳ ὄνειδος

Павлу Шимесу доводилось общаться со многими мастерами слова и театра, но разговорить его, подвигнуть на воспоминания и вытянуть какие-то подробности нелегко. Когда я восхитилась удачным выражением Корнея Чуковского о том, что в то время, когда многие его современники меняли убеждения, он менял жанры, Павел Моисеевич оживился, заулыбался. Выяснилось, что, когда Сергей Образцов заказал ему и Дмитрию Шаховскому оформление дворика позади нового кукольного театра, Шимес подготовил проект памятника Корнею Ивановичу Чуковскому, который должен был находиться в этом дворике. Образцов успел принять проект, но после его смерти все рухнуло. Начавшаяся перестройка погубила также проект оформления театра кукол в Саратове, выполненный Шимесом по заказу города. Обидно, конечно.

Последнее время Павел Шимес занят проектом памятника Холокосту. Ему никто его не заказывал, он работает над ним, подчиняясь внутреннему импульсу. Вдруг заговорила душа еврея, для которого синагога, чего греха таить, никогда не была родным домом. Я здесь встречаю людей, которые, «земную жизнь пройдя до половины» (если не больше), начинают неожиданно для самих себя осознавать причастность к своему народу, народу-мученику. Можно вспомнить поэта Михаила Светлова, автора романтических стихов о Гренаде. Когда наступил смертный час, последнее, что произнес лихой комсомольский поэт, были строки из главной молитвы евреев – «Шма, Исроэл!» Возможно, нечто подобное произошло и с Павлом Шимесом, когда он оказался в Германии, где даже камни до сих пор вопиют. Так или иначе, он приступает к работе над мучительной темой Катастрофы еврейства.

I ai i da

Скульптор рассказывает, что недавно в Амстердаме он увидел монумент, посвященный памяти депортированных в лагеря смерти евреев, – черный полированного гранита куб. Говорят, что голландские докеры ответили забастовкой на принятие решения о высылке сограждан-евреев. Монумент поставлен в том месте, где они выражали свой протест. Эта услышанная от экскурсовода история задела мастера за живое. «Но геометрическая фигура не передает эмоционального звучания трагедии, и вот я решил предложить свое решение».

Вначале возникает деревянная скульптура скрипача, играющего на покосившейся крыше. Аллюзия легко прочитывается – Шагал! Да, но и дом, и скрипач охвачены пламенем. В огне катастрофы погибли шесть миллионов евреев и навсегда сгорел мир местечка-«штетл», столь близкий и дорогой Шагалу. Павел Шимес, родившийся в 1930 году в Москве, никогда не находился в черте оседлости, но это и его боль. Затем рождается выразительная скульптура – покрытая паутиной тысячелетий «Менора». И, наконец, создается – поначалу в пластилине – макет памятника Шоа. Нынче он уже отлит в гипсе. В скульптуре тоже присутствует образ меноры. Она различима в руках гибнущего в языках пламени еврея. Название скульптуры – «Всесожжение».

«Ой, Аэаегай ад Аадваае», Іа оеёоа Оаі ІІ?

Каталог персональной выставки Павла Шимеса, которая была организована Союзом художников РСФСР в 1984 году, заканчивался словами: «Он весь в работе. Его даже случайно нельзя застать в мастерской в состоянии праздного благодушия по отношению к сделанному». Свидетельствую: по прошествии двадцати лет ничего не изменилось. Павел Моисеевич Шимес весь в работе. Остается лишь пожелать, как это принято у евреев, чтобы его руки ваятеля, плотника, резчика по металлу и камню – руки мастера-труженика никогда не болели.

ВОСПЕВШИЙ ИОВА

Марк Харитонов

Илья Янкелевич Габай (1935–1973) пользовался особым уважением среди правозащитников. Для всех, кто его знал, он был нравственным авторитетом. Поэт Давид Самойлов назвал его «праведником», скульптор Вадим Сидур написал о нем: «святой Илья». Память о нем хранится в сердцах многих. Но, думается, больше любых слов, любых воспоминаний может рассказать об этом замечательном человеке его поэзия.

В самом начале нашего знакомства, году в 1957-м, я по умонастроению Габая сразу решил, что он из семьи репрессированных. В ту пору у многих моих приятелей обнаружилась эта скрываемая прежде тайна. Возможно, поступить с предосудительной анкетой в педагогический институт было проще, нежели в университет или технический вуз, возможно, знакомства складывались по неосознаваемому отбору; меня поразило, сколько их оказалось.

Когда я спросил об этом Илью, он смутился, точно ему не по праву приписали заслугу. Нет, родители его просто давно умерли; одним из смутных воспоминаний было – как на похоронах отца он засмеялся непонятному еврейскому речитативу кантора.

От бакинских родственников Габая я услышал потом, что отец его был бухгалтером, удивлявшим своими математическими способностями: без всякого образования он решал сложные алгебраические задачи. Сын этих способностей явно не унаследовал, он был скорее в деда, непрактичного мудреца и знатока Талмуда.

Я впервые увидел его родственников в январе 1974 года, когда мы, двое друзей, вместе с вдовой и сыном Габая приехали в Баку хоронить урну с его прахом – через два с лишним месяца после тягостной панихиды в крематории. Что-то жутковато-непозволительное было в повторении обряда: человека надо хоронить только один раз. Но такова была его воля: он сам назначил это место.

Родственники рассказывали некоторые эпизоды этого сиротского детства: как Илья ходил получать по карточкам хлеб и редко доносил его домой в целости – раздавал по пути нищим и попрошайкам; как сестра, с которой он жил, однажды утром, проснувшись, не смогла поднять голову с подушки: волосы примерзли к стене. Я долго не знал одного обстоятельства: на какой-то срок он был отдан родственниками в детский дом, хотя, по его словам, они в состоянии были прокормить его.

Êæé ðáññéααò úí ðíæé: αó í íéð

Çá áááí ññòíþ ááñò ðáí: αó í í è í ðññòí?..

Êóóá áíéúñ æé í ðéáí: í íñ ñé ðí ðñò áá

Β í úòò èé í áí αáðññò ú èð ñáðáá.

Милые, добродушные, гостеприимные люди, встречавшие нас в Баку, – наверное, речь шла не о них, о ком-то старше; да и в том ли дело? Речь шла о ранних болевых ощущениях, запечатлевшихся на всю жизнь, отпечатавшихся на личности и характере.

Î, êæé ðáññò èé áí é áí é æé í áó çáððáçí áí

Β áí áðñò í é, óí è çé áó æé í áí ý!

Повзрослев, он больше всего не позволял унижать себя ни добротой, ни чем бы то ни было. При его постоянном безденежье не всем и не всегда просто было всучить ему трешку или хотя бы угостить обедом. Он убедительно отнекивался, уверял, что недавно ел. Потом, бывало, выйдешь с ним на улицу, а он заторопит: «Скорей куда-нибудь пожрать. Подыхаю от голода».

Êééþñò ðáúèé Á. Ñéáúðá é éí éññ Ê. Ááááý «Î ññò».

С этим переплетено было многое, прежде всего обостренное чувство независимости и достоинства. То не было вольное и легкое чувство аристократического равенства со всеми, для этого слишком оно было напряженным – скорее, плебейская, разночинная гордость, родственная комплексу неполноценности. С годами самосознание уточнялось, формируя точный и строгий кодекс чести. Но это свойство порождало особую чувствительность не только к своему, а и к чужому достоинству, унижению, незащитности. Я не встречал человека, который воспринимал бы это так остро, как Габай. Он подавал милостыню всегда, буквально выворачивал карманы – не перед нищим даже, встречным пьянчугой-попрошайкой. В поэме «Книга Иова» он отвечал неназванному оппоненту:

Òæé éúñéíáí «æééññò ú» –

ñéááðí ú é ðí í?

уж это – хрен тебе, – так сказал Б-г, – это уж ты у меня не проси. Я вас, блудных, хорошо знаю... Все вы блудите с твердым расчетом на тельца, всем вам, блудным, для успокоения совести вашей, суетной и тщеславной, страдания нужны и испытания, в рубище походить хочется... А ты у меня не страданием, а жиром помучаешься, не жертвой, а жратвой будешь обставлять свои испугания... Шиш тебя в конце ожидает вот такой, и, кроме шиша, нечего тебе будет вспомнить”»...

Стихи его – своего рода свод противоречивых раздумий, вопросов, которые на разный лад задает себе в наше время и в наших условиях душа совестливого и мыслящего человека. Но ответа они не дают. Меньше всего его поэзия способна дать уверенность и основу для самоутверждения. И все же она служит уверенности, показывая читателю, что он не один в своих сомнениях и поисках. Она расшатывает самодовольство, половинчатую мудрость. Счет его к самому себе труден: соразмерял ли он посильность своей ноши?

È. Ááááé ñáðóçüÿì è. 1964 ãã

В ñàì ñàré Á-ã Í î ñëááúé,

âçüíðíúé Á-ã

Èçäüðüáí îúé, þðíæèáíé, óáíæé.

Í á äáé äàì Á-ã- èþáéòüü òáéíã Á-ã.

È áúòüü èáé îí, - í á îðéáíé ÁàñÁ-ã..

Í î áíæüüáá äáéé-èÿ - èàðàòü

Í á îíæáéâþ áéèæíáì ó í á ñ áþ

Æáéàòüüáì ó òáéèð óáðüíé-áððüüá

Í á äáé äàì Á-ã- èáé Á-ãñüÿ èàðàòüü

Язык своих стихов сам Габай называл «косноязычным»:

Вçüé î ñáèì íá, îðíðí-áñòá, îðéò-áé,

Вçüé î áñéé, ÿçüé çáéé.

Он не пренебрегал художественным совершенством, но знал, что человек, которому надо выкрикнуть что-то жизненно важное, меньше всего станет заботиться о выверенной интонации, или удачном сочетании эпитетов. Наверное, такое отношение к поэзии действительно связано с определенной духовной традицией – традицией пророков, людей, которые не занимались «литературным трудом», а жили неотделимо от своих слов, и слова эти были самовыражением, но не самореализацией профессионалов:

Í á ññàèùá è òíáçéá ñò èèè,

À áñááñòííáñííúáí òèçúáñ.

Они жгли сердца – разжигая от своего собственного. Они размышляли, предостерегали, звали, обличали, скорбели, переливая душу в дымящиеся строки:

Í ò òí ó ÷ òí ñ ùñèà á ñéíáá íáò,

À í òáááà òíèùéí á ñòííá

éðééá èèè÷á

Такую душевную слитность со своим словом-стоном нельзя долго вынести безболезненно. Профессиональное самосохранение требует некоторой отчужденности от материала; искусство всегда немного игра, полагающаяся на мастерство и технику, – не может же актер умирать вместе со своим героем. Речь пророка была не игра и не работа с поэтическим материалом, а смертельно серьезная жизнь людей великой страсти.

Осенью 1971 года я писал ему в лагерь, где он отбывал заключение, о некоторых мыслях на эту тему, вызванных одной появившейся в ту пору статьей С. Аверинцева. Мне казалось применимым к стихам Габая проведенное этим выдающимся филологом последовательное сопоставление «литературы» в классически-греческом понимании и ближневосточной, прежде всего библейской традиции. Литература, «связанная с жизнью», самим этим сочетанием противопоставлялась жизни как самозаконная и самоценная форма человеческой деятельности. Она допускала и требовала рефлексии над своими специфическими результатами в виде поэтики, теории литературы, критики. Библейская поэзия была чужда профессиональной самооценке. Она пребывала внутри жизни и создавалась людьми, которые по своему общественному самоопределению не были литераторами и не заботились сознательно о создании литературного шедевра, о том, чтобы запечатлеть мир и себя со стороны, объективно, для будущего. Здесь нет дистанции между «я» и «не я», стихия боли захватывает и автора, и читателя, превращая их не в слушателей или зрителей, но в соучастников, и самому Б-гу свойственно не просто эпическое милосердие, но «чревная» материнская жалость.

**Ἐπιτομὴ ἀγαπῶσθε Ἐ. Ἀγαπᾷ ἐ ἀδελφεὶ ἰθαίτη ἀγαπῶσθε ἰεεὶ ἁ δαίμ ὄντ ἰθὸ δαί ὑὰς ἀγῶν ἁ ἰ ἰπῆα ἁ ὑἱ ἀὰ 1970
ἁ ἁ ἁ**

В противопоставлении этом нет оценки: что выше, что ниже; условность термина «литература» применительно именно к греческой традиции вовсе не отлучает традицию иную от литературы в более широком понимании. Мне казалось даже, что это близко подходу самого Габая к своим стихам. Не помню, в каких выражениях я высказал все это в тогдашнем письме. Вероятно, неточность слов или разная настроенность мысли вызвали непонимание – в письмах, где нет возможности, как в разговоре, тотчас уточнить сказанное, это случалось нередко; но я был изрядно озадачен суровой отповедью, которую получил в ответ. Видимо, сопоставление мое задело его за живое больше и иначе, нежели я мог предполагать. «Вы только отчасти правы, услышав в моем письме голос рассерженного человека», – полусутоливой цитатой смягчал он впоследствии свои слова; но в первый момент ему все-таки почудилась в моих (по Аверинцеву) размышлениях попытка объявить “нелитературой” кровно близкое ему.

«В самом деле, почему речи Демосфена или Цицерона – литература, а речи Исайи или Иеремии – нет? Потому что Исайя не набирал камней в рот?.. Наиболее убедительное место у Аверинцева – о дилетантах, пропускающих у Гомера описательную часть. Я, конечно, меньше, чем дилетант; может быть, в оригинале это действительно перлы поэзии, но мне кажется описание щита или хозяйства малолитературным: так, метафорическим, околотитературным источником по истории материальной культуры. И наоборот, событийный ряд, об интересе к которому Аверинцев отзывается пренебрежительно, глубоко интересен, так как он содержит исконный намек на “почву и судьбу” и на характеры. Гекуба, Пенелопа, Гектор, Парис, Аякс – это все-таки, вопреки умному и парадоксальному утверждению Аверинцева, и есть главное (для дилетантов, конечно, для дилетантов; но мы все действительно в гимназиях не учились и в древнегреческом не сильны). Как и Юдифь, Самсон с Далилой, Иосиф, Моисей и Аарон и пр... Обращенность к духовному, внутренняя ассоциативность Библии куда современнее (и “литературнее”) гомеровских поэм». Греческая традиция, утверждал он дальше, оказала больше влияния на живопись, скульптуру, архитектуру, чем на литературу. «Исключение – драматургия, самая сильная сторона греческой литературы», где звучит «исконное ощущение человеком своего трагического, потерянного существования. У иудеев не было поэтики; может, это их сила: известно, чем могут стать каноны Аристотеля – Буало – эстетических отношений к действительности... Словом, по-моему, ты неправильно понял “нелитературность” библейской традиции; я уверен, что, вопреки изученному в школе, она куда сильнее, чем хрестоматийная греческая традиция: не случайно же Достоевского неплохо читать параллельно с Библией... Если... иудейскую “нелитературность” ты распространяешь на все, мною написанное, то это очень грустно – для моих стихов, разумеется».

В ночь после смерти Ильи Габая я перечел его стихи – и заново открывшегося слуха впервые коснулась пророческая их пронзительность.

В ἰυὸεῖ ἁ ἁ ἁ ἰὸεὶ ἁ ἁ ἁ

Впервые его задержали в КГБ «для беседы» в связи с намечавшейся демонстрацией 1966 года. Когда органы, изрядно встревоженные, позаботились ее предотвратить, Габай пошел на Красную площадь один. В январе следующего года он принял участие в еще одной демонстрации на Пушкинской площади против очередных арестов и введения новой статьи Уголовного кодекса (наказание «за распространение клеветнических сведений» и т.д. – той самой, по которой его потом и осудили). Вскоре после демонстрации он был арестован, просидел несколько месяцев под следствием, на первый раз был выпущен.

– Но я все равно сяду, – сказал он мне как-то с усмешкой. – Уж больно мы с советской властью не сходимся.

В январе 1968-го появилось ставшее скоро широко известным его вместе с Кимом и Якиром обращение к интеллигенции. Основа, насколько я знаю, была написана Габаем – его стиль угадывается. Появлялись его публицистические работы, издавались с его участием «Хроники» правозащитного движения, составлялись письма и обращения, приезжали из Средней Азии и останавливались у него крымские татары, он занимался их делами.

19 мая 1969-го его арестовали последний раз, в январе 1970-го осудили на три года и отправили в Кемеровский лагерь общего режима.

Лагерь обернулся для Габая испытанием страшнее, чем для многих других. «Общий» режим, считаясь легче «особого», вынуждал жить не среди политических, где были возможны хоть какие-то отношения, солидарность, а среди уголовников, блатных. Можно только представить, что это могло значить для еврея, не сильного физически, с обнаженными нервами – только вообразить в этих условиях органическую его бескорыстность, полнейшее нежелание и неспособность выгадывать житейские блага, простую невозможность для него хотя бы припрятать от жадных глаз доставшийся в передаче кусок. Да много чего еще. Он признавался в поэме «Выбранные места», которую написал там,

*x òf èm̄ ùòáí ùí ï ááíáé è ïfò-áé,
Í ðrãáðéà óí èæáí ùáí è ñòúáí
Í á äëý ï íáé fòí pãü ò ù ááóóí éé ïí-áí.*

Да и вернувшись потом, рассказывал о пережитом предельно сдержанно, и лишь намеками проступали иногда страшные эпизоды блатных расправ, лагерного ужаса и унижений. Все главное выплеснулось в стихах:

*B í á ñü áþ ááí ðáíéðü ò ù áíí-íþ
Á òáéíé ïí-é - òáéíá-óáñòáí ïí-é
Éðí ï áóí éé: fòí ÷ óáñòáí í áéþááé.
x òf ááéàòü ï íá? Éáéáý ääëü èèè áéèçü
Á éáéíí éðáþ ï ðáññòáí óò ï íá çàùéòíé?
Òáé íáòóñéé! (É ááá ï íé óò ááéòáéü?)
Òáé óáíí ï íá! (É ÷ áí æá ï íá ññáñòéñí?)*

Поэму «Выбранные места» он частями пересылал мне из лагеря в письмах, а затем полностью передал с женой, записав во время свидания на вырванных из книг титульных листах (другой бумаги с чистым пространством для письма не оставалось).

*B á ñü éíóòíí, ý á ññááéáí íí éíéüá
Í íá ññòááòüñý ï ðrãááéýòüñý í ú í á*

Çaiââœâé îî ñëó:âéíîñðè èàòúííþ:

Memento mori. Îî îè î éîíôá

Тягостное состояние усиливалось к завершению срока. Можно только вообразить, как он при тогдашних своих нервах считал оставшиеся дни и что значило для него, когда за два месяца до конца, в марте, его перевели в Москву для дачи показаний по новому делу.

Это был рассчитанный ход изощренных тюремных психологов.

Похоже на дурную притчу: во время одного из переездов – на следствие или со следствия – Габай услышал разговор крымского татарина, своего поделельника, о том, что вообще-то русских и евреев надо бить, что мир спасет ислам и что арабам надо скорее покончить с Израилем. Илья потом рассказывал про это с усмешкой, спокойно – он мог предполагать нечто подобное.

À çí àèè æá çí àèè, ÷òí î ðááááí î ñòú

í àø à ááç î ðéè,

×òí î ú î ðáááááèèññòèòáí è,

æáááé è èðáñòíí

Í á î:áí ù òí í àø áé, í î ðéæèðé

í àí è ýí î óá

Новое, высокое понимание, созревшее за мучительные годы лагеря, не отменяло прежнего. Он пробивался к нему, сохраняя противоречивую цельность, с постоянной оглядкой: не означает ли это понимание «предательства вчерашнему себе», от которого он остерегал себя еще в «Книге Иова». Собственные стихи стояли на страже: стихи-обет, стихи-напоминание, стихи-укор; из строк глядел на него требовательный, полный последней надежды взгляд самого Б-га, обращающего свою горестную мольбу к Иову:

B òàé õí òáé áú í áí àí óóúñý

Á òáá á ááññòúáí úó èññòèòáí ñéíá

Í á î ðáááááè è áí ý, Èíá!

Ì í á ñòðàø í î çí àòú è çí àí éó ñéíá

Ì í á í ááñ çí í æ í í í á áçí í èè òúñý:

Í á î ðáááááè è áí ý, Èíá!

От него, ослабленного мучительным ожиданием, неизвестностью о судьбе близких, угрозами, собственными раздумьями, ждали, видно, формального раскаянья и отречения; для этого сделано было, казалось, все. Добиться удалось гораздо меньшего: обязательства воздерживаться впредь от общественной активности. С тем его пока и выпустили в мае 1972-го.

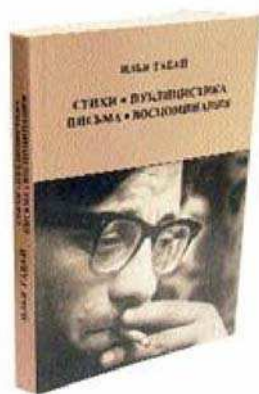
При встрече в первые минуты он показался мне на удивление не изменившимся – даже волосы отросли за время следствия; только разве что более худой, чем обычно, какой-то миниатюрно тонкий – но и это стало привычным через полчаса. А речь, шутки, интонации – до иллюзии те же, как будто вчера лишь расстались. В дверь звонили, намерение уберечь Илью в этот день от утомительных встреч сразу пошло насмарку – он сам был, казалось, в прекрасной форме, только ощущения немного притуплены, все воспринималось словно сквозь легкое головокружение.

– Мне кажется, я вижу сон, – сказал он. – Я думал, что половины из вас уже не встречу. Так угрожающе со мной говорили.

И только на фотографии, прикрепленной к документу об освобождении, он был совсем на себя не похож (так неузнаваем потом был он в гробу). Возможно, фотообъектив выявил то, чего в первый момент не разглядели мы: это был уже потрясенный человек.

Потянулись месяцы неустroенности, поисков работы, безденежья, домашних трудностей и допросов. Удалось устроить ему путевку в дом отдыха на Каспийском море; тогда-то он впервые за много лет побывал в Баку и навестил могилы родителей. Жить приходилось на зарплату жены, кое-что подкидывали друзья; иногда удавалось достать работу, чаще оформленную на чужое имя. Положение было тягостным, неопределенным. Уже начинала поторапливать с трудоустройством милиция. Нигде его не брали. Сотрудники КГБ, одно время обещавшие ему помочь, разводили руками, удивляясь трусости отделов кадров (как им было не удивляться!); наконец, подыскали место корректора в газетной редакции. Утомительное механическое чтение мелкого шрифта при его зрении и нервах сказывалось болезненно, он приходил с работы разбитый, и это вплеталось в общую подавленность и бесперспективность.

Особенно тяжким ударом оказался для Габая арест Якира и Красина. Снова пошли вызовы, допросы. Илье предъявляли показания, которые эти близкие ему прежде люди давали против него, требовали новых признаний. Как всегда, он подтверждал лишь то, что было связано с ним лично, отказываясь говорить о других.

Зимой Габай был уже тяжело болен; грипп вызвал серьезные осложнения. Бессонница, усталость, депрессия. Знакомый врач объяснял впоследствии, что надо было сразу поместить его в стационар; но кому бы достало смелости заговорить о психиатрической больнице? Пока он глотал таблетки, прописанные другим знакомым. Вроде бы помогало; все могло бы еще поправиться, дай ему жизнь хоть немного покоя.

Между тем его дожимали. Вызовы и допросы становились все чаще, все суровее и жестче: требовали фамилий, полной «откровенности» в показаниях, формального раскаяния по уже опробованному образцу.

Однажды спросили:

– Вы не собираетесь уехать за границу?

Он ответил:

– Мне бы не хотелось. Но здесь я не вижу никаких возможностей.

– Держать вас не будем, – намекнули ему.

У него давно уже лежал вызов от мнимых израильских родственников, он продлевал срок его действия, но пользоваться им не хотел. Этот некровадный способ избавляться от неудобных людей был опробован и по-настоящему пущен в ход, когда Илья был еще в лагере. Я писал ему о нашем общем

знакомом, который одним из первых использовал этот путь. (Человек, кстати, был вполне русский и даже с антисемитскими заскоками.) Илья отвечал: «Трудно поверить, чтобы он мог когда-нибудь кровно воспринимать сионские боли. Я тоже, наверное, не смог бы – а без этого как же жить там?»

И это говорил автор «Еврейских мелодий», автор «Зарубабеля» и «Книги Иова»! Подобной проблемы не существовало не только для тех, кто возвращался на историческую родину из чужеземного рассеяния, но и для сотен тысяч других, кто уже, ощутив возможность, начинал рваться за какую угодно границу, лишь бы вырваться из советского существования, и кто теперь живет по всему миру, с сочувственным недоумением оглядываясь на оставшихся.

Но дело-то в том, что для такого человека, как Габай, речь могла идти не о благополучии и безмятежности, а о подлинности существования, об отказе от каких-то насущных жизненных ценностей без убежденности в обретении новых. Не для всех, но для определенного типа людей эмиграция – то есть не просто переезд в другую страну, естественный для людей в нормальном мире, а отъезд вынужденный – это все-таки отчасти поражение, перелом жизни, катастрофа.

Тем более тогда, в начале семидесятых, когда за граница была для большинства – и вовсе не для тех, кто верил советской пропаганде, – чем-то совершенно неизвестным, чужим. Отъезд представлялся чем-то окончательным, непоправимым; слово «Запад» обретало тот же смысл, что для библейского Иосифа: это был Египет, то есть царство мертвых, куда уходили безвозвратно.

За день до смерти он сказал жене, что все-таки решился уехать. Порой мне кажется, что отъезд оказался бы вариантом отсрочки. Он метался, он был болен и слаб, воля его была подточена. Однажды обрадовал меня, сказав, что пробует писать, конспектирует библейскую «Книгу Иова» для продолжения своей поэмы. Потом я видел эти выписки; очень жаль, что сейчас ими не располагаю – их характер мог бы много сказать о тогдашнем его умонастроении. О, теперь-то, после пережитого, – как мог бы он написать Иова! Если бы дело было только за душевным опытом! Дальше выписок не пошло.

Последние месяцы его вызывали на допросы еженедельно, по четвергам – надо было его дожать. Раскаяние Якира и Красина не дало рассчитанного эффекта; требовался успех более впечатляющий. Возвращаясь, он неизменно рассказывал об этих беседах; речь шла о многих людях, и им надо было об этом знать. Но есть основания думать, что, шадя близких, он кое-что утаивал; угрозы наверняка относились не только к нему, но прежде всего к его жене – опасность была вполне реальной.

В последний перед смертью четверг его не вызывали: можно предположить, что ему был дан срок на какое-то неведомое нам решение. Они все же перестарались; есть свидетельства, как они были всполошены его самоубийством, – боялись, что нагорит за брак в работе? Робот в запрограммированной игре не соразмерил хватки с уязвимостью живого человека.

В предсмертной записке он просил друзей и близких простить все его вины: «У меня не осталось ни сил, ни надежды». Сам почерк записки и то, как он позаботился положить рядом с ней очки, подтверждают, что все совершалось в ясном разуме.

À áðàì ÿ èàì áí áàò, è ó óðàç

Í àò ñàí èñò àà í áðàáàò ù èç àà èùú áé

àà èè,

× òí èðàè æ èèè, ì ó: èèèùú

ñò ðàáà èè,

À í á ñàáò ò àèè àà èñò àà í áí í èàç

Заупокойную службу по нему, неверующему, служили в православной церкви, в иерусалимской синагоге и в мусульманской мечети – верующие разных исповеданий убедили священнослужителей забыть о недозволенности отпевать самоубийцу.

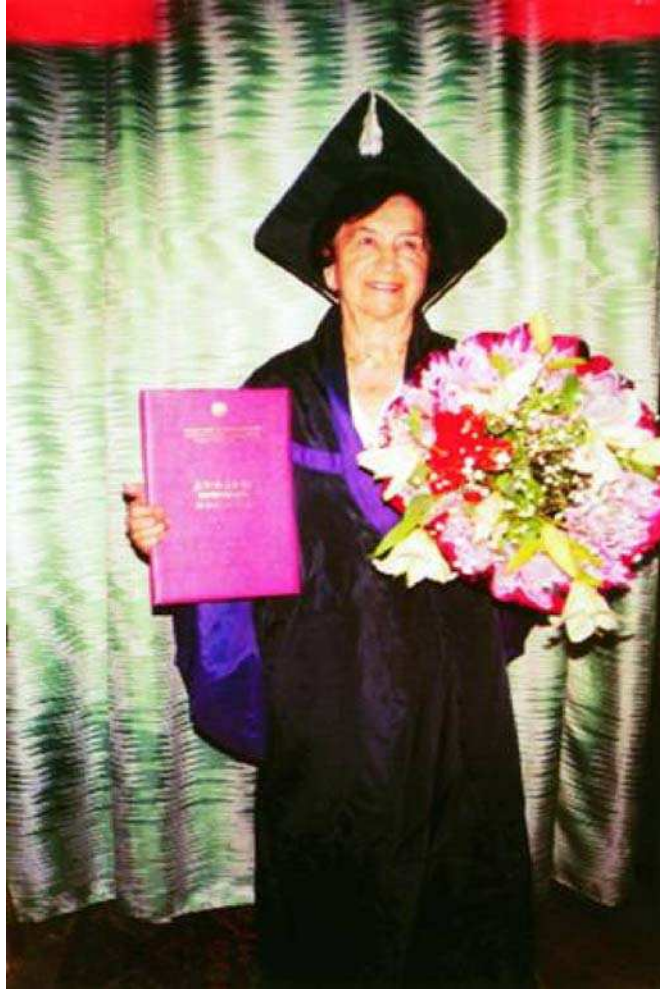
На Еврейском кладбище в Баку на могиле Ильи Габая установлен памятник работы великого скульптора Вадима Сидура.

בְּיָמֵינוּ יֵאָדָר וְיִשְׁתַּבַּח יְיָ יְהוֹשֻׁעַ בְּעַלְמֵינוּ אֲמֵן

АННА МАЛКИНА: СЛУЖЕНИЕ НАУКЕ

Ёаҫади Ё аагаад, Ёадегн Ааеау

Почетный профессор Московского государственного агроинженерного университета имени В.П. Горячкина (МГАУ) Анна Давыдовна Малкина.

«Облаков неуловимых волокнистые стада...» «Я опущусь на дно морское, я полечу за облака...» Сотни, а, может быть, и тысячи поэтических строк навеяны облаками. Но, глядя на них с земли, мы обычно не задумываемся над тем, что они такое, эти облака, можно ли ими управлять, можно ли заставить их служить людям. Это не наши вопросы, этим занимаются научно-исследовательские институты во всем мире, многочисленные ученые и специалисты – энтузиасты своего дела. Они витают в облаках – в буквальном смысле слова, их исследовательские самолеты прорезают небо, а приборы тем временем изучают небесные кущи, регистрируя и фотографируя идущие в них процессы.

Даниил Гранин в известном романе «Иду на грозу», посвященном исследователям облаков, писал:

«Сотни, а если во всех странах, так уже тысячи полетов в облаках, километры пленок, заснятых на регистраторах, выяснили лишь бесконечную сложность процессов, творящихся в этом кипящем котле погоды. Хаос случайностей».

Многолетнее международное сотрудничество ученых, появление новых исследовательских институтов и лабораторий, развитие таких наук, как физика атмосферы, позволили значительно уменьшить

и «бесконечную сложность процессов» и «хаос случайностей» Открыты новые эффективные вещества-реагенты. Вводя их в облака, можно искусственно вызывать дожди, рассеивать туманы, предотвращать градобитие, использовать облака для нужд сельского хозяйства.

Об одном из авторов, совершивших важные открытия в этой области, об изобретателе, отдавшем многие годы жизни развитию и пропаганде науки об облаках, почетном профессоре Московского государственного агроинженерного университета имени В.П. Горячкина (МГАУ) Анне Давыдовне Малкиной пойдет речь на этих страницах.

Б-г дал ей талант физика, талант организатора, а в придачу и талант музыканта. В ее судьбе принимали участие выдающиеся ученые и специалисты, и наиболее серьезная роль принадлежала тут ученым-евреям.

Свои детские и юношеские годы, как и своих родных, она помнит хорошо, рассказывает о них с увлечением.

Из воспоминаний Анны Давыдовны.

«Мой родной город – Орел. До Октябрьской революции, когда еще существовала черта оседлости, город в нее не входил, и евреям в нем жить не разрешалось.

Однако для дедушки (отца мамы), Симона Эпштейна, и его семьи было сделано исключение. Это был талантливый человек, высококвалифицированный часовой мастер, он мог починить самые диковинные заграничные часы. Как выдающийся мастер он получил право на жительство в Орле. Дедушка очень любил нас, детей, помогал в воспитании, радовался нашим успехам в учебе.

Родители мои были провизорами в главной городской аптеке, где отец, Давид Малкин, был также и заведующим.

Ἄλλοτε ἰδέσθαι δὲ πέδαι ἀ-αέ

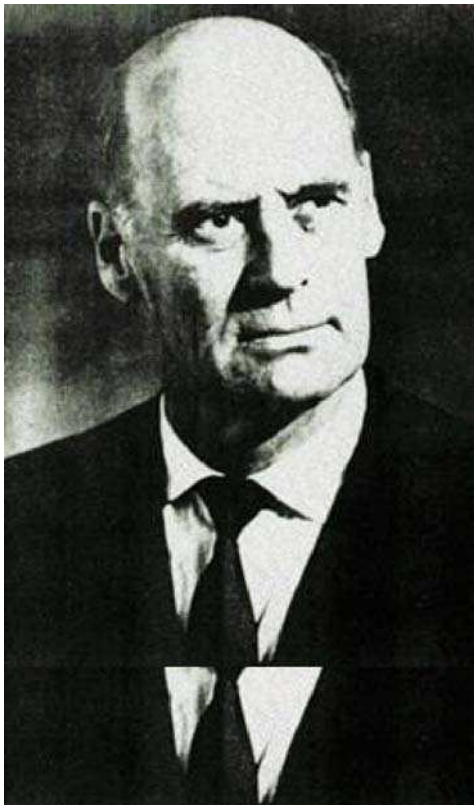
(αἱ ἐφό ἀ οἱ ὀδὰ Ἀἴϋ Ἰ αἰέει ἰ).

Мама, Фаина Малкина (до замужества Эпштейн), после окончания орловской гимназии хотела поступить в высшее учебное заведение, но для нее, еврейской девушки, это оказалось невозможным. У нее даже не приняли документы. В 1914 году она уехала в Харьков, где поступила в университет. Там они с отцом встретились и поженились. Но началась война, отца призвали в армию и отправили на фронт. Мама успешно закончила университет и получила профессию провизора. Ей удалось навестить отца, находившегося в госпитале в Вильно. Вскоре они вернулись в Орел, и отец смог закончить фармацевтический институт.

В 1917 году родилась моя сестра Бронислава, а через пять лет родилась я. Когда Брониславе не было еще и года, в город вошли деникинские войска. Мама спросила деникинского офицера, будут ли погромы. «Что вы, мадам, – ответил офицер. – Этого мы не допустим». Погромы начались в тот же день.

Когда в квартиру родителей на втором этаже стали ломиться погромщики, мама закричала: «Заверните ребенка в одеяла и спускайте на веревках в окно во двор!» Сестра была спасена, а квартиру полностью разграбили. По внешности маму можно было принять за украинку, и, возможно, поэтому убийств в нашем доме, в отличие от других домов, не было. Чудом остался жив и отец».

До вступления деникинцев в город заведующий аптекой Давид Малкин успел спрятать в подвале дома дефицитные медицинские средства: перевязочные материалы, обезболивающие и другие лекарства. Все это после освобождения города он передал Красной Армии и за свой благородный поступок был награжден почетной грамотой с благодарностью от командования.

Іннокентій А.А. Дубровинський

Когда через много лет, в 1983 году, сестры посетили Орел, в одном из залов городского музея им показали эту грамоту. В том же зале они увидели стенд, посвященный Иннокентию Дубровинскому, двоюродному брату Фаины Малкиной, отдавшему жизнь за идеи революции и погибшему на туруханской каторге. Этому очень образованному человеку, переводившему на русский стихи Гейне, в Астрахани был поставлен памятник, а в Орле его именем названа набережная. И еще об одном представителе своего семейного клана поведала нам Анна Давыдовна. Другой двоюродный брат ее матери, Борис Гуревич, во время первой мировой войны был награжден двумя Георгиевскими крестами. Евреи не так часто удостоивались подобных наград.

В семье стремились дать девочкам хорошее образование. В дошкольные годы в дом был приглашен учитель немецкого языка. А поскольку девочки унаследовали от матери способности к музыке, родители решили дать им еще и образование музыкальное. Их первой учительницей игры на рояле стала родная тетя, Мария Эпштейн, преподаватель музыки орловской музыкальной школы.

Через несколько лет старшую сестру, Брониславу, слушал сам Гольденвейзер. Знаменитый музыкант предложил ей учиться в консерватории, у него в классе. Но семейный совет постановил, что девочке нужна более надежная профессия; в результате Бронислава стала инженером.

Аня же по совету родителей начала учиться игре на скрипке. Она попала в класс к известному в Орле педагогу Арнольду Дубровкину, впоследствии заслуженному деятелю искусств РСФСР.

Семьи Дубровкиных и Эпштейнов-Малкиных как бы составляли «костяк» орловского музыкального общества. На концертах, которые неизменно устраивались в городе, выступала Фаина Малкина (контральто), она пела романсы. Ее дочери Ане аккомпанировали Бронислава и брат Фаины юрист Мориц Эпштейн (виолончель). А когда Дубровкин создал детский скрипичный оркестр, в него вошли одиннадцать мальчиков (в том числе его сын) и лишь одна девочка – Аня Малкина.

В 1934 году Давида Малкина назначили заведующим аптекой в подмосковном городе Хлебникове, а затем – новой аптекой, которая строилась под его руководством в городе Долгопрудном. Еще через несколько лет Малкина перевели в Москву, в лечсанупр Кремля, и разрешили ему построить собственный небольшой дом в Лианозове. Семья прожила там долгие годы.

Аня училась в московской школе (два часа на дорогу туда и столько же обратно) и в музыкальном техникуме. Почти одновременно были получены «золотой аттестат» об окончании школы и диплом об окончании музыкального техникума по классу скрипки.

Девочка подала заявление на физический факультет МГУ. «Золотой аттестат» давал ей право на поступление в вуз без экзаменов, однако конкурс оказался высоким – три отличника на место. Все лето 1939 года пришлось потратить на подготовку к собеседованию и, как выяснилось, напрасно. Членов комиссии (академиков, профессоров) интересовало не столько знание абитуриентами физики (тут они были спокойны), сколько культурный уровень молодых людей, их общее развитие. Вот где помогли музыкальное образование и начитанность Ани Малкиной. Вместо вопросов по физике разговор пошел о... Вивальди и Фейхтвангере. Абитуриентка даже вступила в спор с одним из членов комиссии относительно трактовки «Лже-Нерона».

Все обошлось благополучно, и 1 сентября 1939 года Аня приступила к занятиям на физфаке МГУ. Среди преподавателей и студентов было много евреев. Это даже бросалось в глаза.

Ёаёёёу іі ёёёёа

С любовью вспоминает А. Малкина профессора С. Э. Хайкина, читавшего им курс физики на первых двух курсах. В ее группе учился и его сын. В середине тридцатых годов Хайкина обвинили в махизме (в чем только тогда не обвиняли!) и отстранили от чтения лекций. А потом одумались и снова пригласили. Несмотря на обиду Семен Эммануилович ради сына согласился. Студенты любили и уважали его: «Учитель мудрый Хайкин был, и он нас мыслить научил»...

Учебник Хайкина («Механика»), по которому занимались тогдашние студенты, до сих пор считается одним из лучших. Лекции профессора сопровождались показом научных кинофильмов,

демонстрацией оригинальных опытов; он сам их разрабатывал. Спустя довольно много лет преподаватель А. Д. Малкина, читая лекции по физике, возьмет на вооружение методику Хайкина, привлекая для показа опытов современные средства, прежде всего – учебное телевидение.

Все планы разрушила война. В августе 1941-го ушел в ополчение отец, муж сестры, Хацкель Черняк, был призван еще в первые дни. Мать продолжала работать. Дедушке было уже за 80, и значительную часть домашних дел Ане пришлось взять на себя.

В МГУ организовали отряды самообороны: тушили зажигательные бомбы, дежурили на факультетах. Во время налета фашистской авиации мощная бомба упала на Манежную площадь. В результате обрушился стеклянный потолок библиотеки главного корпуса, и под обломками погиб профессор Бавли, читавший лекции по теории относительности.

Студенты копали окопы, сооружали противотанковые надолбы. В конце сентября началась эвакуация. Преподавателей и студентов с семьями эвакуировали в Татарскую республику, студентов без семей – в Свердловск.

Благодаря помощи декана факультета А. С. Предводителя Ане Малкиной разрешили взять в Татарстан всю семью: маму, сестру и дедушку. Москвичей приняла станция Ютаза, там им выделили бревенчатый сарай с печкой.

Дедушка вскоре умер. Аня устроилась учительницей в школу, но так как большинство учителей-мужчин были на фронте, ей пришлось вести три предмета: физику, русский язык и физкультуру. Школа находилась в двух километрах от жилья, зимой Аня пробиралась по заваленным снегом дорогам. Летом работала в колхозе. Жили впроголодь. Кроме зарплаты выдавали чайник горохового супа на семью. Приходилось распродавать вещи. Жизнь немного скрашивало хорошее отношение детей и директора школы.

К концу года вернулся отец: сказала давняя контузия, и его демобилизовали. Он поступил на работу в отделение Осоавиахима – служил связным между Ютазой и Бугульмой.

Надо было продолжать учебу, и студентка МГУ поступила на второй курс заочного отделения физмата Казанского университета. Контрольные работы приходилось писать при свечке. После отличной сдачи сессии А. Малкину перевели на очное отделение. В отличие от МГУ математики на факультете Казанского университета оказалось больше, чем физики, и после возвращения в Москву нашей студентке пришлось учиться шесть лет вместо пяти.

Ίà ôñíá èàðòèí ì óεà

В Казанском университете читали лекции знаменитые профессора из Москвы и Ленинграда: Л. Ландау, Я. Френкель, Н. Чеботарев. Лекции по физике читал Я. Френкель, о котором Анна Давыдовна говорит: «Это был второй Б-жий дар после Хайкина». Именно Френкель определил ее дальнейшую научную судьбу. «Однажды, – вспоминает Анна Давыдовна, – Яков Ильич после лекции подошел ко мне: “Сейчас в Казани находится московский Институт физической химии Академии наук. Я говорил о вас с руководителем отдела Б.В. Дерягиным, рекомендовал вас. Поступайте к нему на работу”. И я стала лаборанткой, а потом старшей лаборанткой в лаборатории члена-корреспондента, а позже академика АН СССР Бориса Владимировича Дерягина. Наше сотрудничество продолжалось многие годы».

В 1943 году семья вернулась в свой лианозовский подмосковный дом. Анна продолжила учебу на четвертом курсе МГУ и одновременно трудилась в Институте физхимии АН. Там она написала дипломную работу и поступила в аспирантуру. Руководителем аспирантки по-прежнему был Дерягин, с которым они сконструировали уникальную установку, позволявшую проводить высокоточные эксперименты по определению сил молекулярного взаимодействия. Эти силы были известны теоретически, но никогда не исчислялись экспериментально.

Работа была признана «пионерской» и отмечена особой премией Академии наук. Ее результаты позволяют совершенствовать технологию изготовления тканей и бумаги. Особенно бумаги.

После защиты диссертации директор института А. Н. Фрумкин предложил свежеепеченному кандидату физико-математических наук остаться на работе в институте. Однако Анна Давыдовна предпочла другую область – физику атмосферы.

В 1949 году она по конкурсу поступила на работу в Центральную аэрологическую обсерваторию (ЦАО). Выбор оказался счастливым. Здесь, в ЦАО, она познакомилась со своим будущим мужем, Вадимом Владимировичем Костаревым, доктором технических наук. Во время Великой Отечественной войны он служил в войсках связи и за изобретение, сделанное на фронте, был отмечен приказом командующего артиллерией Красной Армии. Его отозвали в Москву, в ЦАО. В. Костарев первым среди ученых того времени, работая в области метеорологической радиолокации, получил высшую награду Советского Союза – орден Ленина.

Àèìéîí ó-àíòíéèà àííòààéè.

Родился будущий профессор в Париже, куда с царской каторги бежал его отец. Мать Вадима, двоюродная сестра академика А. Сахарова, выпускница Института благородных девиц, работала преподавателем русского языка и литературы в школе. Несмотря на «неудачное» место рождения профессора как крупного специалиста в области радиолокации командировали читать лекции в Лондон и Женеву. Он был к тому же одаренным художником; множество его картин, написанных маслом, украшают квартиру Анны Давыдовны. Вадим Костарев умер в 1990 году.

Супругов объединяла не только взаимная привязанность, но и близость научных интересов. Были общие труды, изобретения, были друзья среди ученых. Об одном из них – Илье Моисеевиче Имянитове – Анна Давыдовна вспоминает с особой теплотой. Выдающийся ученый, профессор, он написал целый ряд книг об атмосферном электричестве, в частности, о шаровых молниях. Шаровая молния – вещь весьма редкая, но крайне опасная. И. Имянитов один из немногих имел специальное разрешение подниматься на самолете туда, где среди облаков локатор обнаруживал возможность появления шаровой молнии. Ученый руководил отделом в Главной геофизической лаборатории Ленинграда и был одним из прообразов героя романа Д. Гранина «Иду на грозу». Умер Илья Моисеевич в 1987 году. Ему посвящена статья в Российской еврейской энциклопедии.

Анна Давыдовна проработала в ЦАО десять лет.

Вместе с доктором технических наук Елизаветой Зак они организовали новую лабораторию по изучению микрофизических свойств облаков, предложили свою теорию возникновения гроз. Вкратце теория состоит в следующем. Температура в облаках ниже нуля градусов. При быстром замерзании попадающих туда капель влаги они, эти капли, взрываются, образуя огромное количество заряженных электричеством осколков. Последние и есть причина возникновения грозовых облаков. Эта теория изложена в специальной литературе.

წმინდა ნ. ა. მალკინა.

В зависимости от поставленной цели (вызвать дождь или, напротив, разогнать облака) и с учетом особенностей облаков в данной местности следует подбирать реагенты с соответствующим химическим составом.

Разработка реагентов для несхожих случаев была одной из главных целей новой лаборатории. Однако реагенты разрабатывались на земле, а проверять их и, главное, использовать приходилось высоко над землей. С этой целью самолет ИЛ-14 был превращен в летающую лабораторию. Его оснастили измерительными приборами и устройствами для внесения реагентов в облака. Устройства предстояло разрабатывать: готовых не существовало.

До работ ЦАО в стране применялись импортные реагенты, в основном из США. Кроме трудностей с их добыванием были дополнительные сложности: высокая цена и наличие вредных примесей. Новые реагенты оказались значительно дешевле и эффективнее. К тому же они были безвредны. Они позволяли не только вызывать обильные дожди, предотвращать грозы, но также избавляться от градобития – великой опасности для посевов и фруктовых садов.

Разработанные в лаборатории реагенты имеют еще одну особенность. Из-за полной безвредности они не препятствуют внесению в них полезных для почвы веществ. Осаждаясь вместе с искусственным дождем на землю, эти вещества служат своеобразными микроудобрениями.

Самолет – хотя и главный, но не единственный способ внесения реагентов.

А. Малкиной удалось наладить контакт с военизированной службой Грузии в Телави и Руиспери: на тамошних полигонах в изобилии имелось нужное оборудование, в том числе и радиолокационные станции и специальные ракетницы для запуска реагентов, и киносьемочная аппаратура. Руководил этой превосходно организованной службой генерал А. Карцивадзе. Он принял активное участие в работе и стал одним из соавторов открытия – неизвестного прежде метода борьбы с градом. Метод нашел применение не только в нашей стране, но и в ряде европейских стран.

Интерес к работам Малкиной проявили многие государства, в частности Израиль. Проблема искусственного дождевания в Израиле весьма актуальна. Но израильские облака теплые, и не всякий реагент для них подходит. Контакт с Израилем был установлен благодаря доктору наук Л. Даневичу, до отъезда в Израиль работавшему в Молдавии и связанному с ЦАО. Ему были посланы копии материалов и инструкций по испытанию реагента для израильских облаков.

В 1958 году Анна Малкина, пройдя по конкурсу, стала доцентом кафедры физики МГАУ имени Горячкина; она почти 30 лет читала там полный курс лекций по этому предмету. Научная работа, разумеется, не прекращалась. Нет самолета? Зато есть Останкинская телебашня, высотная площадка

которой (385 метров) находится в гуще слоистых зимних облаков. На площадке провели испытания нового генератора аэрозолей.

В институте экспериментальной метеорологии в Обнинске имелася камера высотой в пять этажей, где создавали искусственный туман. С потолка камеры был спущен новый реагент – величиной с булавочную головку. И все стокубовое пространство камеры мгновенно заполнилось кристалликами льда. Наглядно и убедительно. Можно понять просьбу директора института оставить им хоть немного небывалого вещества, чтобы потом продемонстрировать его действие приезжающим иностранцам.

Используя опыт работы в ЦАО и с помощью Института органической химии АН, Малкина создала в МГАУ свою аэрозольную лабораторию. В ней работали студенты – чуть ли не со второго курса, а позже и аспиранты. Появились новые изобретения (студенты тоже в них участвовали), новые открытия и публикации.

Всего за годы своей работы Анна Малкина самостоятельно и в соавторстве с другими учеными опубликовала 85 печатных работ, получила 17 авторских свидетельств на изобретения, 6 зарубежных патентов (США, Япония, Франция, Австралия, Италия). Она награждена многими медалями, в том числе и медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», знаком «Изобретатель СССР».

О своих работах Анна Давыдовна докладывала на многих научных конференциях в разных городах России и в разных странах. В те страны, куда она по каким-либо причинам ехать не могла, она почтой посылала свои доклады (например, в США) и они, как правило, публиковались.

На одной конференции болгарские ученые попросили Анну Давыдовну помочь им создать у себя аэрозольную лабораторию. Конечно же, она не отказалась. Более того – ради этого несколько раз ездила в Софию.

Выйдя на пенсию, Малкина не оставила привычной деятельности. Она организовала факультативный курс «Физика атмосферы» в аэрокосмическом лицее Химок (Московская область), сама читала там лекции, учила молодежь. Многие ребята из лицея поступали в авиационный институт. Потом они рассказывали, что факультатив им очень помог. Идя на экзамены, они уже имели представление о происходящем в земной атмосфере, знали, что в одном облаке – туман, в другом – вихри, в третьем – электрические разряды...

К лицеистам по их приглашению приезжал Герой Советского Союза, летчик-космонавт Сергей Васильевич Авдеев. Мальчики и девочки с большим интересом слушали его рассказы о работе в космосе. Авдеев – космический долгожитель и занесен в книгу рекордов Гиннеса. Анна Давыдовна показала ему фотографию Земли, которую подарили американские астронавты ее мужу. Земля на снимке, сделанном на высоте примерно в 30 тысяч километров, очень красива. Авдеев заметил, что даже они, космонавты, не видели такой красоты.

Анна Давыдовна – активист еврейской общины. В детском комплексе общины «ХАМА» она читала ученикам пятых-шестых классов курс природоведения, объясняла строение атмосферы. В самой общине она часто выступает как лектор-популяризатор науки, а по праздникам радуется слушателей игрой на фортепиано и пением романсов.

2 сентября 2002 года в «День знаний» Анне Давыдовне присвоили звание почетного профессора МГАУ «За заслуги перед наукой, высокий профессионализм и значительный вклад в развитие высшего сельскохозяйственного образования».

Сейчас она – бабушка и прабабушка. Что можно пожелать ей? Кроме, конечно, здоровья? «Возраст, – считает Анна Давыдовна, – это не годы, а состояние души». Пожелаем же, чтобы она на долгие годы сохранила то состояние души, которое помогает ей служить людям.

ОН ПРИЗНАВАЛ ТОЛЬКО НАСТОЯЩЕЕ

Бенедикт Сарнов

Предыдущий отрывок я оборвал на том, что ощутить свое родство с советской реальностью Мандельштаму помогла неприязнь к каким-то «юношам тепличным», среди которых он не хотел «разменивать последний грош души».

Кто же они – эти «тепличные юноши»?

Очевидно, какие-то рафинированные интеллигентные мальчики, любители стихов, поклонники, может быть, даже эпигоны.

Вероятно, эти «тепличные юноши», почитающие себя единственными законными наследниками и хранителями культуры и презрительно третирующие новую власть, и раньше раздражали Мандельштама, побуждая его из чувства противоречия искать с этой новой властью черты духовного родства.

Это предположение плохо уживается с высказанным раньше другим предположением, будто у Мандельштама никогда не было «комплекса советского человека». И тем не менее:

«Еще-о!», аминь! è íæéæáííúá, ááðíóééíí ííè áááíáí (ñ Áóí àðíáíé. – Á.Ñ.) èç áíðáé. Ííèí Ýí èéííáé: ñáááé çà íáéí áá:áð íáííéíéíéí “áóð'íá”: íá òáé è íá ñ òáí ííçáíðíááéíí, íá òí ñéáçé íá íðíáíéá è, áááí íá, ñó:áé, ñóóáý ÷óáíéá ííáíá íáááíáá “Ýáéíá á Èíéííá”. Íáááíáéé Ñ.Á. Óáðáéííééé áí áíðá ñ Á.Í. Íééáíááðíí, éææáðíí, èí áííí Íééáíááð è ÷éóáé á ýòíð áá:áð Áíí àóíéáíí áóéé è ñííá:éé áíééééííá óóðí:ííá ÷áð ááðííðéóéá Í áí ááéííóáí á:

Çíáéíí ñòáá íáóáá íá ñééííá

Óáðáéííééé íáíí è ñááá çáçáéé

Íííéóóáðíí éáé Ýáéí á èíéíííá

ÑÍ èéáíááðíí í áðóéðíáé.

Попытку изобразить Булгакова человеком, тянущимся к «новой советской культуре», можно считать наивной. Но я думаю, что скорее всего эта попытка объясняется тактическими намерениями автора, его желанием задним числом обелить Булгакова в глазах начальства.

Но саму коллизию Ермолинский не выдумал. Об этом свидетельствует, например, такая короткая запись в дневнике Елены Сергеевны Булгаковой (8 февраля 1936 года).

М. А. Ади теей теее: «Няаоооооа і да-епоаі оу æеёе ёеёеі іе æеці ұр...»

*«Етеу Еуи еі. І тееа іаа І.А. ааадеё, +оі оі-ао іаіепаоу еёе ііаіо еёе оіі аі
“І да-епоаі еа”, +оіау аіааіоё уооноаооу І тееаі, еіоідау ааі оаё дацідаæаао».*

(І ёоаеё е Аеаі а Аоёаеіаі. Аіааі её І аіоааа е І аааадеоу. І., 2001. № 237)

Как бы ни относился Булгаков к «новой советской культуре», от «пречистенцев» его явно что-то отталкивало.

Впрочем, не надо обладать особой проницательностью, чтобы угадать, что именно раздражало Булгакова в этой рафинированной среде. Раздражало то, что Ермолинский называет «оранжерейностью». (Совпадение этого слова с мандельштамовским эпитетом «тепличный» вряд ли можно считать случайностью.)

Оранжерейность (или тепличность) этого бытия проявлялась в стремлении жить так, как будто ничего не случилось. Жить, исходя из того, что случившееся – незаконно и потому заслуживает в лучшем случае снисходительного, полупрезрительного, скептического созерцания с высоты некоего Олимпа.

Раздражала позиция незаинтересованного наблюдателя, неплодотворная и совершенно неприемлемая для художника.

Конфликт этот не нов. Он существовал всегда. Однако новая ситуация, возникшая в России после октября 1917 года, не только обострила этот давний конфликт, но и придала ему несколько иной смысл.

Извечный конфликт этот связан с тем, что интеллигенты – не только творцы. Все не могут, да и не должны быть творцами. Помимо творцов есть «хранители».

Роль «хранителя» культуры не менее важна, не менее необходима, чем роль творца. Особенно повышается она в эпохи, когда культуре что-либо угрожает, когда на нее покушаются, когда вспыхивает эпидемия погрома культуры.

Движимый стремлением уберечь от погрома духовные ценности, «хранитель» испытывает острую неприязнь ко всему, что не укладывается в жесткие рамки его представлений о культуре. Постепенно эта неприязнь становится органическим свойством его личности.

Человека, который по самому складу своей личности призван творить новое, эта ограниченность не может не раздражать. Он знает свое:

«Ἐξέυδοδα ἰά θάϊ ὀὰ Ἰάϊ ἰά ὀϊέϊέϊ ὀέὀέθῆαὸῦ Ἰάϊ ἄῆθέου ὀάέ, ὀϊάῦ ἡῆῆῆ ἡῆῆ ἰάέέῆῆ ὀέὀὰὸῖ ἔ».

(Ἰῆῆ ἰῆῆ)

Творцу органически враждебна сама идея консервации культурных достижений. Хотя бы даже его собственных.

Таковы предпосылки для возникновения неизбежного конфликта между «творцом» и «хранителем» культуры.

Прав в этом извечном споре обычно бывает творец. Но после октября 1917 года возникла принципиально новая ситуация. Эпидемия «погрома культуры» на этот раз вспыхнула в нетривиальной форме. Она притворилась созидательным пафосом. Государство, узаконившее погром культуры, притворилось не разрушителем, а творцом.

Государство, открыто взявшее на себя функции погрома старой культуры, объявило, что погром культуры есть не что иное, как единственно возможный путь ее развития, закон ее движения (диалектический скачок).

Погром культуры объявлялся не разрывом культурных традиций, а началом новых, революционных традиций, призванных оплодотворить культуру, дать новый мощный толчок ее развитию.

С наибольшей откровенностью эту оригинальную идею выразил Маяковский.

Рассказывая о своем посещении Версальского музея, одного из величайших в мире собраний культурных ценностей, Маяковский так завершает описание:

В ἄῆ ἡῆ ἰὸ θῆῆ,

ἰῆῆ ὀῆῆ ἄῆ ἄῆῆ.

Ἐῆ ἄῆῆ

ἔθῆῆ ὀέῆῆ ἰῆῆ

ἰ ἰ ἰ

ἄῆ ἔῆῆ ἄῆῆ

ἰῆῆ ὀῆῆ ἔῆῆ ὀῆῆ ἔῆῆ

ἰ ἰ ἰ ἔῆῆ ἔῆῆ

Αἰὸθαί τοὸύ.
Αἱ ἱαῖ
οὐτέα δαῖεβόε
έεεί
αἱ ἱ αέε,
ἱέυσα ἱἱά δαῖαέε
έτῖα
ἱαί εβεί οὐ
ἱἱαί εἱέε
ἱά υαὸίὸ
έτῖεαέε

Молодое государство, рожденное пафосом погрома всех «устаревших» ценностей, не признающее никаких корней, никаких культурных традиций, прикинулось естественным союзником интеллигента-творца. Оно сказало ему: «Мы с тобой одной крови, ты и я! Мы ненавидим одно и то же! И одно и то же нам дорого!» И интеллигенты поверили. Маяковский ликовал:

Αδῖεἱ
ἱὸ δαί αἱ
ἱἱ ἱὸί.
Εἱὸ γδῖ -
ἱ αἱὸύφ αἱἱά
Αἱ ἱῖ
ἱὸ δαί α -
ἱἱ αἱ ἱὸίέ,
ὸ αἱ δέ,
αἱ αἱὸἱ ἱ αέε,
ἱ δῖ αέε!

Ну, Маяковский, положим, был байстрюк (так говорил о нем Маршак), он не был связан с культурной традицией сколько-нибудь прочными родовыми узами. Но поверил-то ведь не один Маяковский. Поверили все.

Поверил Эренбург и оглянуться не успел, как его прекрасная формула – «Культура не рента» – стала охранной грамотой, прикрывающей пафос погрома культуры.

*Α.Ν. Ασεπείλα: «Ἴ εὐαεῖ Ἀδαί ἀνιῖαε: ἀαί δεῖ, ÷οἱ οἱ ÷αὸ ἰαί εἰπὸυ εἰεῖ ἰῖαῖ, εἰεῖ οἱ αἱ
“Ἴ δα: εἰπὸ αἱ εἶα”, ÷οἱ αἱ ἀνιῖαε ἰοὸ πὸ ἀδῶρ Ἴ ἰπῆαἱ εἰ οἱ δαῖ ἰαῖ ὀαε δαῖ δαεαῖαὸ».*

* * *

Недавно мне случилось прочесть солидную литературоведческую работу, предлагающую всю русскую литературу советского периода рассматривать как *ἀσεπείλα*.

*«Ἴ δαπὸ αἰεῖ ἰαῖα: ἰ ὕ ἰ αἱ αἱ ρεῖ ἰε ἀσεπείλα: ἰ ἰπὸε. Ἐαὸ οἱ αἱ Ἰ αεῖ αῖ οἱ ἰ ἰ ραεῖ ἀαῖ
οἱ αἱ, ἰ ἰ αἱ εἶ ἰαῖ εἶ εἰαεεεεῖ αἱ ε - αἱ εἱ αἱ ε, δαῖ εἱ ρεῖ οἱ ε, εἱ εεαεὸεαεεαεεῖ οἱ ε, ἰ αἱ ἰ αἱ ε
ὀαδῖ δαἱ ε, ἀεῖ αἱ ε, αεὸ αεῖ ρεῖ ε αἱ εἱ αἱ εῖ οἱ ε ἰ οἱ δαῖ οἱ ε... Ἐε “ἀσεπείλα: ἰ ἰε ἀεε”, ἀα ἰ ὕ
ἰ αῖ ραεῖ ἰ ἰ, ἰ α αεῖ αἱ, ÷ αἱ ἰ οεε: ααὸ ἰ ἰ, ἰεαεαἱ, Ἰ αἱ εἱ αἱ εεε ἰ οἱ Ἰ αἱ αεῖ οἱ αἱ α. Ἐοἱ ἰ οἱ ἰ αἱ εἱ ε:
“Ἰ ὕ αεεαἱ, ἰ ἰ α ἰ αἱ ρ ἰ α ÷ οἱ πὸ δαἱ ὕ...”, “Β οἱ ÷ ο αῖ οἱ ἰ ἰ ἰ ἰ οἱ ἰ ἰ αε πὸ δαἱ ἰ ε...”, “Ἰ ἰ ἰ πὸ δαἱ α ἰ ἰ ἰ ρ
ἀαἱ δεεα..” ε “Ἐἰ αἱ ὀαεεα εἱ ραε α πὸ δαἱ α ἰ α ααὸ ἰ εἱ ε αἱ οἱ”? Ἰ α ἰ αἱ ἰ ε ε οἱ ε αε πὸ δαἱ α ἀαῖ εαὸ
δα: ὕ ἰ α ἰ αἱ εὸ ε ὀαὸ αε εἱ ραῖ ο!..»*

А это предчувствие гибели поэтами:

... ἰ

ὀεα

ἰαἱ εἱ ρ,

οἱ αδεεε ἰ ἰ α ραἱ οἱ,

οἱ αἱ

ἰ αἱ οἱ εἱ

ἰ ἰ εὸ εἱ εεαἱ

И такое:

Ἀἱ οἱ ε αεεῖ ὕ ἰ οἱ εεαὸ,

Ñ edäi ññóíúí øíóáðñí Ñááæüè÷áí.

Çà edäññí Ì àò ðà Ááæèíñ

Áóáò ñòíγòü

Ñááíé áðáí Ááííéááè -

Ì ááò èáí ññò áðááçáñ Ì óæèíá

Óáðñí á èèèíáñí èáóòáíá

Ñ áðñçí óæèí èç ðéèáá

Áíèèáíáñèèí èðæçáñí

Ì ðèí áò ííγòá ÷ òíáñí ááòüíáí ðááæáíéá

Ì áðáçó áóí òíáñí èèá Ì óáñ÷áá

Ì í í ðááèíáæò Ì óæèíó

Áèñèè ññáíáíé,

È òíò íáíò èáæáðññí...

× òí ááòü, í èí óáð? -

Ñéáæáð óáðñí

Ì γéγ ðñæèé çðá÷íé

È ííááðñè ááγ èáñíé ùáèíé.

- Áíò í íáííñéáí áá òáí ðáí éá

Áíññáðñí -

È Ì óæèí í ðí òγí áò Ì áò ðó

Ñò èðè, íá÷éíáðñè ááγ ññíááí è

«Ì á ááðááò í óñò òí í ò ð áíéí...»

Ñéáæáð óáðñí

Ì ðí ááæáá í á÷éí,

- Ì èóáçüí í ááò ðí í,

Ááááçüí ññáγ áóðí í. -

È, ññíáá í ðéóáæèá á ííγòá ðñæèé çðá÷íé

Áíáááèò: - Óæí òááá!

По прямому смыслу этого «монтажного стыка» получается, что без риска свернуть себе шею Мандельштама нельзя (как ни старайся, все равно не удастся; да он и сам этого не позволит!) оторвать от Сталина, имя и облик которого в его, Мандельштамовом, сознании тоже является символом **века**, можно даже сказать синонимом самого этого понятия – **век**.

Первая, сразу бросающаяся в глаза натяжка тут состоит в том, что стихотворение «Если б меня наши враги взяли...» написано в 37 году, а стихи, из которых вырваны строки «Попробуйте меня от века оторвать, ручаюсь вам, себе свернете шею», – в 31-м.

Мандельштам 31 года и Мандельштам 37-го – это два разных Мандельштама.

Эта мандельштамовская формула («Я человек эпохи Москвошвея»), возможно, была полемическим ответом на знаменитые строки Пастернака:

*Ì íá áñí ðáñí í, èàéíé óáñí í
Ñóæáñí í ðè í íá í íéðñ þ í èàðíñá
Ëþáóþ áñéññ áòóò, èáé ññ í,
Í íþòà á í áé çàéíí í íàòèá*

Но даже если это и не так, какой-то полемический запал тут безусловно присутствует. Быть может, это – явно полемическое «Пора сказать вам...» было обращено все к тем же «пречистенцам», демонстративно игнорирующим современность, продолжающим жить так, как будто в мире (и в их жизни) ничего не случилось. А может быть, и возражение самому себе, полемический отклик на собственные строки, написанные семью годами раньше:

*Í áò, í èéíñá, í è:áé ý íá áñé ññ áñí á í éé,
Ì íá íá ñ ðèè í í:áò ò àéíé.
Í, èáé í ðí ò èáñí í íá èàéíé-òí ññ èí á í éé -
òñ áñé í á ý, òñ áñé áðñáé.*

(1924)

Но как ни толкуй эти строки из мандельштамовского стихотворения 31 года, одно несомненно: они несут в себе совсем не тот смысл, который в них вкладывает (пытается вложить) Александр Кушнер. Лучше даже сказать – совсем не тот, какой он им приписывает.

*Í í ðà áñí çíàòñ ý ò í áéá
ññ áñí á í éé,
B :áéíáé ý í í ðè Í ññ áñí ó á ý.
Ñí í ò ðè ò á èáé í á í íá
ò í í ðí è ò ññ í èáé áé,
Ëáé ý ñò óí áòóò è ññ áñí ðè ò óí áþ!
Í í í ðí áé ò á í á ý í ò áñéá
í ò í ðáà ò ññ -*

Do: àpíí ààì, ñááá ñááí àòá oáp!

Смысл этих строк в том, что поэт всеми порами, каждой клеточкой своего существа ощущает: вся жизнь перепажана до корней, к старому возврата больше нет.

Ètáà à ííàòí ààòú ÷ àì ñíyçàí

ñí èðíì,

Òí ñàì ñááá íá ààðèòú àðííàá!

Í íéíí: íúé èèp: èé íò ÷ áæíé èààðòèòú,

Àà àðèááí í èé ñááááyí úé á èàðì àí á

Àà óàèèòéíéá òèèù ù àí òí àíéíé.

Да, к прежней жизни возврата нет и быть не может. Но он и не хочет этого возврата:

«Í è: àá, í è: àá y òàì íá ñòáàèè», - ñò ðàíòíí àííèèèòàè íí.

Íí íðèçíáààè òíèùéí íáñòíyúáá Íðíòéíá ñéy íáá íá ñòááòáíáàéí. Áíçáðáíàòúy íáèòáá «çáààè è áðííèèè», - àíò àííèíáííá ðáçíí á àá ðá: è í íàòáé ñáááí àíííñè, òí àíòú í íðáíéíáòíé «ñááòíéíé áàéíòáèòáèù íñè».

(Íí í à Áàðòòáéí. Í àí óàòú. Ñáí èò-Í àòáááòá 1998 Ñ. 18)

Этот рассказ Эммы Григорьевны я уже приводил. Но – без последней фразы, которую приберегал для уяснения сокровенного смысла как раз вот этих самых мандельштамовских строк:

B ÷ àéíáàé yííòè Í íñéáíóááy.

Ñí íòðèòá èàé íá í íá

òíííòúèòíy í èáæàè..

È ò. ä

Сводить стихи Мандельштама 31 года и его же стихи, написанные в 37-м, в некий единый текст – по меньшей мере некорректно.

Но на самом деле Кушнер этим своим «монтажным стыком» совершил нечто большее. Он включил эти мандельштамовские строки в *áàéíúé óáéíò* советской поэзии начала 30-х годов, где слово «век» и в самом деле было синонимом таких понятий, как «революция», «советская власть», ну и конечно – «Сталин».

À áàé ííáæèááò íá í íñòíáíé,

Ñíñááíòí: áí, èàé ÷ àííáíé..

Í áyí áòúy - à àí èðáááðáá;

Ðúèè íðíòyí áòú - è íáò áðúçáé;

Í í áíèè íí ñéàæáò: «Ñíéáè», - ñéáè.

Βιδειτέω τὰ ἐδάμ φ' Ἐσπίεο

Ἐ τοῦτο οἱ γαίεα χεῖρα

Несомненный «одически-панегирический и исторически-оптимистический» пафос стихотворения (куда более панегирический и оптимистический, чем у Пастернака) – не помог.

Знак (плюс или минус, приятие или неприятие) тут был совершенно не важен. Запретными были не чувства поэта, какими бы они ни были, а само прикосновение к опасной теме. «Тут был рубеж запретной зоны», как позже скажет об этом Твардовский.

Нет, воспевать «готическое здание», вообще-то, было можно. Но – не по-интеллигентски (мол, убивать, конечно, нехорошо, но во имя светлого будущего, к которому мы все идем, придется пройти и через это), а – по-свойски, «по-пролетарски».

Например, вот так:

Мы отстаиваем дело,

Созданное Ильичем.

Мы, бойцы

Наркомвнудела,

Вражьи головы сечем.

(Ἀπὸ Ἐσπίασά Ἐσπίασά)

Ἰ. Ἐτδελάει: «Β αἶ τὰ τὰ οὐά ἀεῖαῖ τὰ ἐσπία εῖ...»

Сечь вражьи головы предлагалось лихо и весело, без всяких этих интеллигентских шуток. Карающий меч революции ни в каких оправданиях не нуждался. Вологодский конвой шуток не понимал.

Кто знает, проживи Багрицкий чуть дольше, может быть, и его бы тоже замели. И на допросах вменяли бы ему в вину те самые – тоже вроде «одически-панегирические и исторически-оптимистические» – строки:

Í í áñè íí ñààèàò: «Ñíéäè», - ñéäè.

Í í áñè íí ñààèàò: «Óáíé», - óáíé.

Посадили же во время войны, в эвакуации, его вдову Лидию Густавовну. Уж не знаю, что ей там шили, – шпионаж или подготовку террористического акта, или еще что-нибудь в том же роде.

С ней там, кстати, произошел такой забавный случай.

Дело было в Караганде. И надо же было так случиться, что здание местного отделения НКВД располагалось на улице Багрицкого. И следователь, допрашивавший Лидию Густавовну, спросил:

– Скажите, а тот Багрицкий, именем которого наша улица названа, он вам не родственник?

Лидия Густавовна сухо ответила, что это ее муж.

Не знаю, поверил он ей или не поверил. Хотя он ведь легко мог это установить по материалам следственного дела. Как бы то ни было, этим ее ответом он удовлетворился вполне и больше к этой скользкой теме не возвращался ни разу.

Всё это я к тому, что с Багрицким Пастернака, пожалуй, скорее можно было бы «вынести за одним скобки», чем с Мандельштамом. (Я имею в виду, конечно, только «ТБС» и «Столетье с лишним – не вчера».) При всей разнице отношения каждого из них к «мерцающей» в их стихах жуткой реальности оба они озабочены тем, что будут замараны соучастием (вольным или невольным) **в гибели других**.

Мандельштам в отличие от них ясно понимал, что дело идет о его собственной гибели. Это ЕМУ на плечи кидается «век-волкодав». Это ЕГО костям предстоит хрустеть на кровавом колесе в пыточном застенке.

И уж во всяком случае, быть «заодно» с таким «правопорядком», при котором приходится если и не лгать и не убивать самому, так одобрять ложь и убийство, он не хотел:

Çàí'èõàé ì áí'ÿ'ëó:óá' èàé óáí'éó, á ðñéää

Æàðéíé óáíú ñèàéðñéõ ñò áí'áé.

В переводе на язык презренной прозы это ведь значит: нет, уж лучше сошлите меня в Сибирь!

В 31 году, когда были написаны эти строки, он еще мог надеяться на такой, сравнительно мягкий вариант расправы с инакомыслящими.

А он ведь – не просто инакомыслящий. Он это свое «инакомыслие» готов отстаивать «с оружием в руках». Он ощущает и осознает себя в полном смысле этого слова бойцом – *áí'éõíí ñíí ðí'òéáéáí'é'ÿ'*, честно заслужившим последнюю, посмертную воинскую почесть:

Çy ð! Í á í ðñéòú í á æàéí'áàòúñ'ÿ', óúó!

Í á óí'úéàòúí'

Áé'ÿ'òí'á' èè ðàçí'í':éí'óú

Ðàí'ñ'óéúá ò'í'í'òàéè ñáí'í'áé,

÷òíáÿ òáíáñíéõíðááé?

Í ù á ðáí, éáé íáñíòείού,

Í í íáí ðíñááéí

íé ðéùé, íé ííáíí ùείύ,

íé éáé.

Áñóüó íáñíáóòείéà σίòείáíñéíáñ ñòáðíáñ

íέάáá,

òù í áíÿ éí σέðíáσü, éáé ðéááíí áíáííùí,

έίááá ÿ áí ðύ

(Í áé - 4 έþíÿ 1931)

Ετι строки, кстати, – из того самого стихотворения, в котором он называет себя человеком «эпохи Москвошвея», которого никому, никогда, ни при каких обстоятельствах не удастся «оторвать от века».

Но – как уже было сказано – все это было еще до катастрофы.

* * *

*«Íáá» è íðéí ùέáþùéá é íáé ñòέóè («Áóááò áúέòü ðáçüí è æέçíü Ñòáέéí» è ò.í.)
éáòáñòðíðíé íá áúέé.*

*Í áñòíÿùáÿ éáòáñòðíðá íáñòέáá áñ, έίááá íí - é ñ:áñòíþ, íá íááñáá! - áéñòáèòáéüí í
óò ðáòέé ñçíáí éá ñáíáé í ðááíòù.*

*Á íáííé εç ñáíέó ñòáòáé í Í áíááέüσáí á Ý.Á. Άάðσòáéí çáí áòέéá ÷òí ííñéá
ñòέóíòáíðáíéÿ íðí έðáí éááñέíáñ áððá «Ñòáέéí éáé ðáíð:áñέáÿ òáí á áíέüσá íá ñòíáñòáíáé áéÿ
Í áíááέüσáí á Í íá áúέá έñ:áðíáíá ÿíέáðáí í íé “Í ù æéááí, ííá ñáíþ íá ÷óÿ ñòðáíù...” Í ñòáέáñíí
òáí á έé:ííé çáéñéíí íñòé íò Ñòáέéíá, ðáçðááíòáí íáÿ á ðáçíúó ðáέóðíáð».*

(Ýí í á Άάðσòáéí. Í íÿò ííÿòó - áðáò. Çíáí ÿ, ¹ 10, 1999. Ñ. 156)

Ÿ. Áãðèöèèè: «Í î áñè îí ñèàæàð: “Ñíèã!” - ñíèã. Í î áñè îí ñèàæàð: “Óááè!” - óááè».

Если бы это было так!

То-то и горе, что в какой-то момент тема «личной зависимости от Сталина» слилась в его сознании с темой его кровной связи с веком. Понятия «век» (от которого его пытаются оторвать) и «советское государство» слились для него в единое целое, в нерасторжимое единство. Совсем как у Багрицкого. И совсем как у Багрицкого, синонимом, символом века стал для него Сталин:

Ñðããü í àðíáííã óóí à è ñí'áðà

Í à áñèçàèàð è í èí ùàãýö

Ñí î ò ðè ò ááèà í íáð:áý ááðà

È áðíáíè í à: è í ááð ñý áçí àð

В óçí àè, íí óçí àè, ò ù óçí àèà -

À ò áí áðü èçáà òí: áóü áèáèè:

Á ñ áñ ðèè áíá áááðè áñèçàèà

Á íæèááí ùá ó í ùí í è ðáèè.

Áàèáèí ò áí áðü ò à ñò ïýí èà,

Òí ò ñ áñ áñ è èèý: áí í è ááè -

Í à óáí í: èá èðæèà-æáñðýí èà

È áèçà çáñð èèááèè è ðáè

Óèà í áðí ýöèíã ñ áñ ðà ñèèà,

Í áñíæè ðíèáý óèà áí ðíáá,

È èàñèàèà ì áíÿ è ñàðèèèà
 Ì ò ñòáí ù ÿèè ãàç æóðííà
 Ì ííá ñèòí òí ààè ì ðàííòíÿùèè
 Á íàçèè èàò-èèàò è æí àáàð,
 È á òí áàðè ùàò ðàèàò è ÷àíàò,
 È á òí áàðè ùàò ñðíááñ
 Í á ì ðèíí ì èòí òíá, ÷òí áíèí -
 Áóáí æàðèè, ñèíáà ÷àðíò áí -
 çáí àáííèó ààèòò àèèí,
 Í áíÿ òóí æàáçííè èèñò áí.
 Á íà ààèà òí áíèí ò èèí -
 Òí èíèí òáè ì áðíòí á ì ðàèá
 Áà çà èááðí òáèèà áðà-èèà,
 Ðúáà òèà íà ðà-íí ñáíðèá
 È è íàí ó- á áá ñàðòáàèíó-
 В áàç ì ðíí òíèà á Èðáí èü áí òáè,
 Ðàçí ðàáà ðàííòíÿí èè òíèíò èí ó
 Áíèíáð ì íàèííè è òÿææ.

Как ни относишься к этим стихам, как ни воспринимай их, одно несомненно. Как небо от земли отличаются они от тех, казенно-прославляющих рифмованных строк, которые Мандельштам так трудно выдавливал из себя, завидуя Асееву, который, в отличие от него, был – «мастер».

На этот раз стихи вышли совсем другие: обжигающие искренностью, несомненностью выраженного в них чувства.

Иначе быть не могло. Тут достаточно было сделать только первый шаг. Дальше уже все дороги вели в Рим.

Тропинка, которая привела в этот «Рим» Мандельштама, впоследствии превратилась в торную дорогу, в хорошо наезженную колею. След, оставшийся после его блужданий во мраке, превратился в схему, ставшую одним из стандартов, одним из неперменных нормативов ортодоксального советского искусства.

В окончательном своем виде схема эта обрела такой вид.

Интеллигент старой формации, один из тех, кто создает подлинные духовные ценности, радостно принимает советскую власть. Ученики его – жалкие эпигоны, творческие импотенты, «тепличные юноши», третирующие новую власть, – с недоумением от него отворачиваются. Он одинок. Но – прав.

В фильме «Депутат Балтики» это единение духа творчества с советской властью символизировал ученый-естественник профессор Полежаев.

В популярном романе В. Каверина «Исполнение желаний» – ученый-историк академик Бауэр.

То, что у Манделштама было туманным намеком, нуждающимся в расшифровке, здесь обрело уже вполне завершенный характер развернутой, во всех деталях продуманной концепции. Как сказано в известном стихотворении Боратынского:

Ніа: аєа і уїїї аї і єї і аї а
А і і і і ої ає а о ф і і у о а
Єає а а а а п і а њ, о а і і а
А є њ і а а і є і а о а є і і і а і а і а;
І і о і і, і і а а є є а о є і і і і а
О а а а а і о є є а а, да: є і о а
Н і а і а і о і о і і і і а і о а є а і а
Єає є і і о о а і і а њ а а і а
А і а і а і і є і о і а о і і а і є і о а

Итак, если мы хотим, чтобы интересующая нас мысль стала нам «со всех сторон своих видна», есть прямой смысл рассмотреть ее в том окончательном, развернутом виде, какой она обрела «в свободной прозе романиста».

Академик Бауэр незадолго до смерти читает студентам свою последнюю лекцию. Он говорит:

«Есть разные отношения к науке, есть отношение семейное, переходящее из поколения в поколение, годами живущее в академических квартирах на Васильевском острове, и есть другое отношение – жизненное, практическое, революционное... И вот я хочу предостеречь... Это для молодежи имеет особенное значение. Не берите пример с ученых, перепутавших науку со своей карьерой, со своей семьей, со своей квартирой... Помните о совести научной, о честности в науке, без которой никому не дано вздохнуть чистым воздухом вершин человеческой жизни... И еще одно. За долгие годы работы я собрал много книг, много редких рукописей, среди которых найдутся, пожалуй, и единственные экземпляры. Это все я отдаю вам. Университету или публичной библиотеке, пускай уж там рассудят, – но, вам, которые придут на наше место в науке...»

Уже в этой прекрасной речи есть одна еле заметная подтасовка. Получается так, как будто отношение к науке, переходящее из поколения в поколение, обязательно чревато опасностью перепутать науку с квартирой, со своей квартирой.

Практически речь Бауэра означает: через голову старых интеллигентов, где интеллигентность передавалась из поколения в поколение, – новым, законным наследникам, студентам «от сохи» и «от станка» передаю я свой светильник!

Основные события романа разворачивают эту альтернативу в сюжет. Есть два пути: либо украсть ценные рукописи из архива своего учителя и бежать в Париж, либо – с советской властью. Третьего не дано! Финальная фраза романа звучит так:

«Холодный дом. Жильцы выехали... Имущество – вещи и мысли – поручено государству. Другие наследники – не по крови – въедут в этот дом, оботрут пыль, прочитают книги».

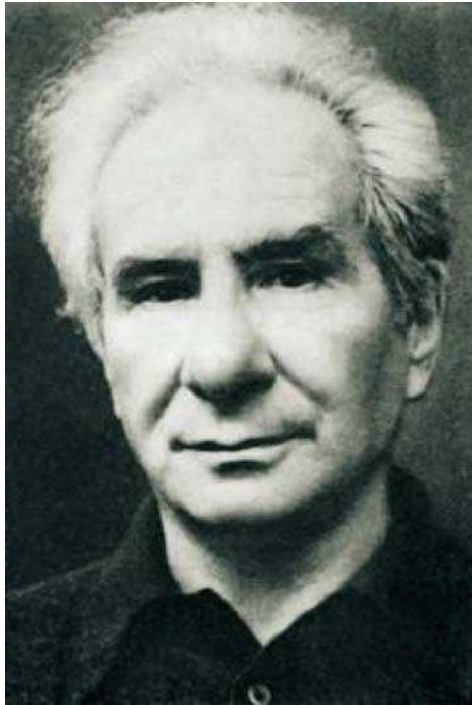
Туманная мысль поэта обрела здесь предельную ясность. Не только книги, но и мысли (заметьте!) – все духовное имущество хозяина дома поручено государству.

Монополия государства на мысль, на всю духовную жизнь общества получает высшее оправдание.

БЕГСТВО С ЯРМАРКИ ТЩЕСЛАВИЯ

В.Кардин

Смею верить: это достаточно редкое свойство – нежелание брать в расчет собственную популярность, известность, выслушивать комплименты. Я мог бы назвать несколько куда менее громких имен, нежели имя героя моих заметок, обладатели которых всегда обостренно, а то и болезненно воспринимали любое замечание в собственный адрес. Встречались среди них и драматурги, и театральные афиши на стенах их квартир были неизбежны, как осенний дождь.

А. В. Володин. 1985 г.

Александр Володин ничего подобного не признавал, афиш по стенам жилья не клеил, небожителем себя не чувствовал. Не только собственным творчеством, но и поведением, самой жизнью утверждал для себя право оставаться обычным человеком, явно предпочитая выглядеть, держаться, «как все». Тому, кто знал его лично, легко было убедиться, что он жаждет удрать с ярмарки тщеславия, стремится к бегству, а не к прогулкам по ней. Сам образ жизни Володина был сродни бытию, уготованному судьбой героям его пьес. Близость автору, надо полагать, содействовала их органичности. Словно были они и впрямь люди одного круга, одних представлений, одного образа мыслей. Отсюда, легко допустить, естественность их поступков и решений.

Не испытываю даже малейшей потребности размашисто зачеркивать всю советскую драматургию, – пусть очень многое в ней безнадежно устарело. Думаю, она сыграла немалую роль в судьбе самого Володина и володинских пьес. Не в том смысле, что служила образцом или, напротив, примером того, как не следует выстраивать сюжет, воссоздавать характер. Ее опыт сохранялся в его сознании словно нечто суверенное, не рождая потребности следовать в этом русле или, наоборот, демонстративно его отвергать. Хотя, слов нет, вольно или невольно Володин отметал многие устоявшиеся каноны.

Но, поступая подобным образом, он не стремился привлечь внимание ни к этому, ни к собственной оригинальности, ни к самобытности своих персонажей.

Вообще, какие-либо цели, помимо преследуемых героями в конкретной житейской ситуации, его, по-моему, не занимали. Как не занимало разное другое – типичное для драматургии того времени.

Он менее всего собирался «опровергать» такие, скажем, шедевры, как пьеса «Незабываемый тысяча девятьсот девятнадцатый» (одно из классических творений Всеволода Вишневского, вознесшего усатого генералиссимуса, который еще и не подозревал, что его ждет слава, не снисшаяся Наполеону).

Можно даже сказать, что Володин попросту забыл о том «незабываемом», что требовала помнить и на чем держалась сама советская драматургия. Роль ниспровергателя так же не импонировала ему, как и роль апологета.

Нóаí à èç ñí àéò àééü «Òááðè: Í àü äáá: Í í èá».

Í àéäü ñóáí à óááòðà èí. Í íññááòà

Ему доставало собственного понимания того, чем, кем и как надлежит заниматься. Он и героев предпочитал таких, которые на свой лад творят жизнь, менее всего озабоченные тем, как эта жизнь соотносится с плакатным ее изображением. Им вполне хватает тревог и дум, сопряженных – никуда не деться – с обыденными заботами; а тут еще и поденный труд, от которого они отнюдь не освобождены. Не по воле автора пьесы, но по житейской необходимости. Не усматривая в труде сколько-нибудь спасительного начала, они лишены возможности существовать вне его, что обременительно и тягостно. Хотя этот труд предполагает свои достижения, подчас даже – рекорды.

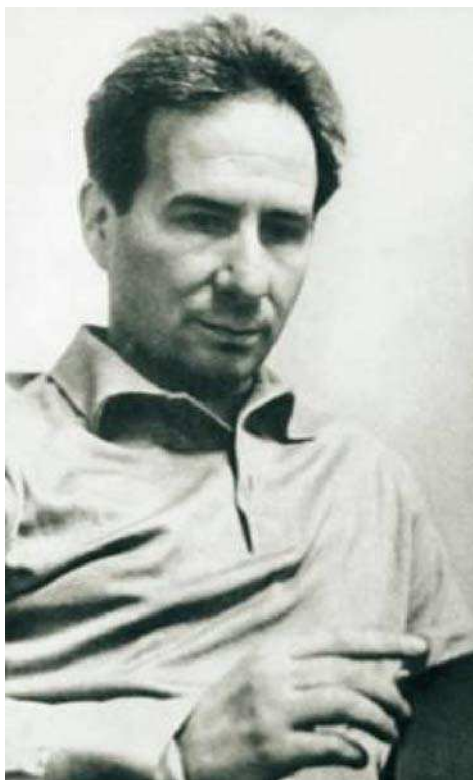
Ничего из того, что присутствует в реальной жизни, не станем кривить душой, Володин не отрицал. Но лишь в той мере, в какой не отрицала этого сама тогдашняя повседневность. Обреченная на крах, но менее всего к нему готовая, продолжающая сознавать свое главенство над сущим. Он брал ее как материал, с которым надо работать. Не отрицали ничего, впрочем, и персонажи драматурга. И его критики, коих с лихвой хватало.

Володина занимала несколько иная сторона этой жизни, этих судей. Сценически выигрышная, но почему-то ускользавшая от других авторов – и не только поверхностных, легковесных сочинителей.

Его интересовали и привлекали люди – да не покажется странным, – чем-то близкие лично ему.

Речь, по всей видимости, надо вести о близости не в обиходном смысле, но в каком-то ином, более сложном и противоречивом. Если не бояться громких слов, то в смысле духовном. Хотя и это не совсем точно. Тем более, что и сам Володин никак не относится к записным интеллектуалам. Да и вообще интеллигенция как человеческая общность со своим образом жизни и мироотношением не шибко его

занимала. Это, правда, была интеллигенция, порядком изломанная, зачастую со смещенным представлением о своем назначении и возможности ему соответствовать.

1967 г.г.

Но и так называемый «народ» Володину тоже, пожалуй, был не слишком близок. Он не стремился к народу как таковому, тем паче бившему себя в грудь: я – народ.

Вообще, фигуры, склонные по какому-либо поводу бить себя в грудь, оставались для него в зоне, условно говоря, «Незабываемого тысяча девятьсот девятнадцатого». Не потому, что писателя влекли к себе лишь «загадочные» личности, интригующие поступки, тайные и странные побуждения. Напротив, он предпочитал совсем иной состав персонажей, неизменно делая выбор в пользу так называемых простых людей, попутно доказывая: не так-то уж они и просты. Совсем не так. Их искренняя, неподдельная простота не исключает своеобразной сложности, даже если последняя далека от гамлетовского «Быть или не быть?» (Хотя, будем справедливы, иной раз не очень далека.)

Володинская «Фабричная девчонка» мало имела общего с «простой» советской работницей, какую обычно живописали не только в газетных очерках, но и в журнальной прозе, какой охотно предоставляли театральные подмостки. Ее создатель не искал (и уже потому не мог обнаружить) неких небывалых качеств, проявлений, невероятных свершений, пусть даже слабостей, способных ошеломить зрителя. Он решал более тонкую задачу.

Сохраняя обыкновенность, «фабричная девчонка», «старшая сестра» и другие володинские героини не теряют своей незаурядной, а бы даже сказал – выдающейся индивидуальности. Попутно обнаруживая – каждая на свой лад – нечто, присущее только ей. Даже если этого не заметили (или заметили с опозданием) другие, полагая чем-то мимолетным, малозначительным.

Быть может, здесь и таилась одна из впечатляющих особенностей володинского творчества. Незаурядность сама по себе не слишком, казалось бы, манила автора, он как бы не стремился к ней, не пытался выйти за рамки обыденного сознания и бытия, представляя зрителю своих персонажей, и если ему говорили что-то в подобном духе, хвалили, он чаще всего отмахивался: «Да брось ты...» И тем не менее...

Я вообще не встречал писателя, до такой степени не склонного обсуждать «творческие проблемы», как Александр Володин. Если он и употреблял когда-нибудь два эти слова, то с откровенной иронией.

Однажды я спросил, как его угораздило получить рану на фронте. Он не без вызова отбил: а тебя? Потом, развивая свою мысль, пытался мне втолковать, будто солдаты-евреи и офицеры той же непопулярной национальности, стремясь доказать собственную смелость, лезли под пули. Получалось, будто ранение сопряжено с его настоящей фамилией – Лифшиц. Мне такая связь не показалась убедительной. «Лично я никуда не лез», – возразил я, искренне полагая, что глупости и неуверенности в себе в ту пору доставало едва не каждому, да и причин «лезть» хватало почти любому...

Нōāī ā ēс п' āēō āēēŷ «Ōāīōē-ī āŷ āāā-īī ēā».

Выдался месяц, который, связавшись с журналом «Звезда», я вынужден был провести в «колыбели революции», как тогда нежно, без тени иронии именовали Ленинград. (Ирония строго дозировалась.)

Первую половину дня я сидел с одним из редакторов «Звезды», выслушивая его замечания, казавшиеся мне досужими придирками, ему – серьезным улучшением текста. После чего, позвонив Володину, встречался с ним на Невском. И мы отправлялись гулять по городу, который я едва знал.

Володин не принадлежал к коренным ленинградцам. В 1949 году он окончил сценарный факультет московского Института кинематографии и, естественно предположить, оказался на мели. Фамилия срabывала безотказно. Отчество (Моисеевич) – тоже. Ни должности, ни возможности печататься. Тогда и возникла спасительная «колыбель революции», где туманно маячили перспективы хоть какой-то работенки со скромным окладом. Недолго думая Саша с семьей перебрался в северную столицу и получил должность редактора, позволявшую не умереть с голоду. Для человека, которому уже давали почувствовать, что он – пария, это кое-что значило. Как и квартира на улице Рубинштейна.

Теперь, расправив плечи и чувствуя себя истинным питерцем, он несколько отстраненно вспоминал те тяжкие времена, прекрасно, однако, сознавая: они не канули в вечность. Ожидать можно всякого.

Об этом и еще о многом другом рассуждали мы, совершая свой обычный маршрут по правой стороне Невского, шагая в сторону Московского вокзала.

О чем только ни говорили! Но прежде всего, видимо, о «Фабричной девчонке», вызвавшей целую дискуссию на страницах журнала «Театр».

При различии оценок почти все участники спора так или иначе признавали: пришел новый драматург, рождается новая драматургия, исподволь, но резко осуждающая советскую реальность. Не впрямую, но признавали.

Гуляя по Невскому, я имел возможность наблюдать процесс создания володинских мизансцен и реплик. Время от времени Саша чуть смущенно, дабы не сказать виновато, доставал из кармана листок бумаги и, что-то торопливо на нем начертав, совал обратно. В такие минуты, стремясь не усугублять его смущение, я смотрел в хмурое небо, тогда еще ленинградское.

Иной раз по мере приближения к цели мы заходили в какой-нибудь неприметный подвальчик или полуподвальчик и «прикладывались». Но скромно. Не позволяя себе переступить определенную черту. По крайней мере, оба к этому искренне стремились.

Εαυτοῦ ἐς ἑῶ «Γαῖί τῆε ἰ ἀδαοῖί».

Изредка заявлялись к Саше домой; я уже прежде успел познакомиться с его женой и сыном Володей. Сыном он несказанно гордился. Смотрел на него, как простой смертный, скажем, на звезду экрана, вдруг оказавшуюся рядом.

«Вот ты, – шептал он мне, – не можешь трехзначное число в уме помножить на трехзначное, а Володя...»

Далее следовало взволнованное повествование о выдающихся способностях сына-вундеркинда, которому любое математическое море по колено. В этом рассказе, на мой непросвещенный взгляд, отсутствовали преувеличения. Отцовские запредельные пророчества, звучащие дико и нелепо, действительно сбываются. Володе – ни много, ни мало – предстояло стать профессором в США...

Но до Штатов было еще, как до седьмого неба, и мы неспешно брели по Невскому, временами делая привалы в неказистых залах, где Володина принимали, как дорогого гостя.

Доведя меня до гостиницы «Московская», спутник мой не всегда спешил домой. В Питере ему хватало и других облюбованных местечек, где его радушно, я бы даже сказал по-родственному, встречали. Он охотно рассказывал о своих приятелях и приятельницах «из простых». Актрисами не интересовался; изредка, пожимая плечами, походя отзывался об иных, казавшихся мне далеко не бездарными и к тому же привлекательными. Не всегда торопясь с ним согласиться, в конечном счете я часто признавал его правоту.

Хорошо помню: о линотипистках он рассуждал с куда большим запалом, нежели о звездах ленинградской сцены.

Позже, довольно близко познакомившись с московским «Современником», я снова убедился в его правоте и дальновидности. При легкости обычного поведения, при оценках, иной раз как бы брошенных на бегу, он обнаруживал пронизательность, точное понимание людей, их перспектив, их творческих возможностей.

Легкость не была ни игрой, ни рисовкой. Он вообще отличался поразительной естественностью во всем. Спустя многие годы после запавших в память наших ленинградских моционов он позвонил однажды утром. Мы сто лет не виделись, не разговаривали. Для начала извинился, что звонит так рано.

«Правда, не разбудил? Слава Б-гу».

2000 г

Оказывается, вчера поздно вечером он прочитал какую-то мою статью. Соглашаясь с ней в целом, твердо обозначил места, вызывавшие у него несогласие или сомнения.

При любых обстоятельствах Володин оставался самим собой, узнаваемым в каждой пьесе, в каждом сценарии. Блистательный фильм «Осенний марафон» с Олегом Басилашвили (еще один москвич, заброшенный в «колыбель») в главной роли и чудесным датчанином, играющим самого себя, то есть иностранного журналиста, по ходу действия (точнее – попав в вытрезвитель) с восторгом узнающего много «новых» русских (читай – матерных) слов, о которых и не подозревал. Фильм настолько володинский, что от одного этого у меня всякий раз перехватывает дыхание.

Не берусь судить, когда он был прав, а когда заблуждался, оценивая ленинградские премьеры и ленинградских актеров, не курия фимиам примадоннам и проявляя какую-то особую мудрость, не всегда присущую ему в житейских делах и необязательных разговорах.

И еще одна черта, особенно свойственная, пожалуй, нашему поколению, прошедшему войну. Хотя, наверное, не только нашему – хотелось бы надеяться.

Имею в виду способность дорожить чужим мнением. Даже если его не принимаешь, оспариваешь. А он порой оспаривал. Правда, насколько мне дано судить, в дискуссиях с представительницами слабого пола обычно являл уступчивость.

Но эту тему, достаточно развитую в фольклоре, я усугублять не склонен. Тем паче, что недостаточно владею материалом. Иными словами, в моем распоряжении мало фактов. А ее, темы этой, мы не касались в долгих разговорах, что вели на Невском по пути в гостиницу, где я жил. Расставание у входа не означало, что Саша непременно отправится на улицу Рубинштейна под родимый кров. В нем жил городской бродяга, который не спешит домой. Не почему-либо, а лишь потому, что так диктует натура, а бродяжий резерв еще не исчерпан. Шатаясь где Б-г на душу положит, он еще не раз извлечет из кармана смятый листок и что-то на нем небрежно, словно по необходимости, накорябает.

У себя в номере я прежде всего получал порцию музыки, доносившейся из-за стены. За стеной обитала тогда начинающая, а ныне знаменитая актриса. Мы с ней состояли в добрых отношениях, обращались друг к другу по имени, и каждое утро я умолял ее, уходя, выключать радио. «Конечно, конечно», – заверяла она и, естественно, забывала, обеспечивая меня на полдня радиоинформацией. Преимущественно о всенародной борьбе за мир. Когда я однажды пожаловался Саше, надеясь на его сочувствие, он рассудил на свой лад: «Не беда. А ты от этой приглушенной трепотни не помрешь».

Он полагал – коль ее хлебают весь народ, надо и мне хлебнуть. В чем я не был убежден. В конце концов, отбивался я, коль весь народ, – можно обойтись и без моей персоны. Володин не порывался открыть дискуссию. Он не верил, будто в спорах рождается истина. Чаще – взаимная неприязнь.

Отобедав где получится, в одиночку либо с Володиным я наконец-то возвращался в свой гостиничный номер. Надлежало готовиться к завтрашней встрече с редактором. В эти часы нередко раздавался телефонный звонок. Сашина жена напористо интересовалась, куда я девал ее мужа и где он мог застрять, если мы попрощались два часа назад. Ничего не утаивая, я признавался, что понятия не имею. Благо знал: застрять он способен где угодно. Жена это знала не хуже меня. Однако реагировала с раздражением и недоумением.

Оба чувства были более чем оправданны. Саша еще утром покинул дом, оставив сына-вундеркинда на попечение мамы. Теперь до меня доносился ее полный сомнений голос: «В самом деле не знаете? Не может быть». Но то была святая правда. Саша не имел обыкновения делиться ближайшими планами. Не поручусь, что они у него имелись. Он с охотой принимал любые сюрпризы, однако менее всего хотел интриговать кого бы то ни было, в том числе и жену.

Непосредственность, естественность делали порой его поведение неожиданным, даже странным. Но не сам он был тому виной. Володин не совпадал с действительностью не из-за своей, как кому-то могло показаться, неуживчивости, а из-за того, что предъявлял к ней собственные, вполне закономерные, человеческие требования. Как и его герои. А она далеко не всегда отвечала пониманием и готовностью соответствовать. Этот конфликт – едва ли не основной в его жизни и в его превосходных пьесах.

Разумеется, это не только его конфликт, но это уже иной разговор. А пьесы его и впрямь редкостно правдивы, и против их психологической достоверности бессильно время. В том числе и нынешнее, словно бы игнорирующее вчерашний день, опрометчиво полагая его безнадежно устаревшим, никак не причастным к сегодняшним людям, проблемам, свершениям.

Когда бы не это безоглядное отрицание былого, нынешняя жизнь, вполне вероятно, была бы куда более осмысленной и достойной.

КНИГА О РАЗНООБРАЗИИ МИРА

Òðè áàððàéñèèò ï òò áàðáñò ááí í èèà

Ì . : Ì ïñò ù èéüüòóðû; Jerusalem: Gesharim, 2004 – 332 ñ

Михаэль Гринберг опять порадовал интеллектуального читателя, открыв новый пласт еврейской литературы. В предлагаемом сборнике объединены три средневековые хроники путешествий – «Книга Эльдада Данита», «Книга странствий рабби Вениамина» и «Кругосветное странствие рабби Петахии Регенсбургского».

Евреи были главными путешественниками раннего средневековья. Долгое время они оставались едва ли не единственным связующим звеном между двумя ненавидящими друг друга мирами – европейско-христианским и арабо-мусульманским. Только еврей мог приехать из Ирана в Италию, из Магриба в Германию, из Польши в Египет – и всюду найти единоплеменников, умевших объясниться на одном с ним языке, соблюдавших один с ним Закон и, в соответствии с требованием Закона, готовых помочь. Эта ситуация превращала евреев в неизбежных посредников – посредников экономических (купцов) и политических (переговорщиков). Не менее важная причина, побуждавшая евреев путешествовать: духовное притяжение всех диаспор к Святой земле, к Иерусалиму – вечному центру еврейского мира. Наконец, в средние века, когда большая часть Земли была цивилизованному человечеству неизвестна, евреев влекла в путешествия мессианическая мечта – найти десять пропавших колен Израилевых, объединение с которыми должно было положить конец изгнанию.

Тексты сборника как раз и представляют собой описание этих трех видов путешествий. «Книга Эльдада Данита» – история о поиске потерянных колен. Автор, живший во второй половине IX века, утверждает, что происходит из колена Дана, живущего вместе с коленами Гада, Нафтали и Ашера где-то в Восточной Африке. Он рассказывает также о путешествии по различным пустынным областям арабского мира, где, по его словам, проживают остальные пропавшие колена. Описание жизни этих людей – самостоятельных, сильных, праведных, вызывающих у соседей уважение, смешанное со страхом, воспринималось евреями диаспоры как своего рода утопия и, одновременно, предсказание близости дней Мошиаха. Отсюда огромная популярность «Книги Эльдада» у еврейских интеллектуалов как в Европе, так и на Ближнем Востоке. Уже в 1480 году текст был напечатан в типографии в Италии, став не только первой печатной публикацией еврейской светской литературы, но и одной из первых еврейских печатных книг вообще. Многочисленные списки более ранних веков также говорят о популярности «Книги Эльдада».

Второй путешественник, Вениамин (Биньямин) из Туделы, жил в середине XII века. В традиционной историографии он именуется «рабби». Однако скорее всего, это не титул раввина, а форма почтительного обращения. Некоторые места в тексте «Книги странствий» ясно указывают, что автор был купцом и его путешествие имело, в первую очередь, торговые цели. Рабби Вениамин провел в пути 14 лет; итогом путешествия стало подробнейшее описание еврейских общин Средиземноморья и Междуречья, то есть почти всей известной в то время Ойкумены. Везде путешественник выясняет структуру общины и специфику ее управления, фиксирует традиционные «бизнесы» евреев и их отношения с нееврейской властью. Здесь же мы находим и сообщения о политической ситуации в ряде стран Запада и Востока, о тех опасностях («деловых рисках»), с которыми сталкиваются иностранцы в этих местах. Иными словами, результатом путешествий рабби Вениамина стал своего рода «еврейский Бедекер» – справочник для других странствующих евреев. Прежде всего – для еврейской торговли. Не удивительно, что «Книга странствий» существовала во множестве списков, а в XVI веке была напечатана одновременно в Константинополе (тогда столице Османской империи) и в Италии. Это говорит о том, что и почти через триста лет после написания труд рабби Вениамина представлял интерес для евреев Запада и Востока.

Наконец, третья книга, включенная в сборник, «Путешествие Петахии Регенсбургского», – крайне интересный вид литературной «обманки». По существу, это художественная литература, замаскированная под хронику. Не «Синдбад-мореход», конечно, но нечто весьма близкое к современному ему трактату «Чудеса Индии» Бузурга ибн-Шахрияра или к чуть более поздней «Книге о разнообразии мира» Марко Поло.

В основу текста положено описание действительного путешествия, совершенного одним из представителей видной немецко-богемской семьи еврейских ученых. Путешествия, разумеется, к святым местам в Эрец Исраэль (название «Сибув аолам», то есть «Кругосветное путешествие», в данном случае ни к чему не обязывает). Петахия Регенбургский шел к могилам еврейских мудрецов Вавилонии, а затем в Иерусалим и к святыням Страны Израиля на рубеже 70-80 годов XII века и, по всей видимости, оставил путевые заметки, до нас не дошедшие. Этой основой воспользовались другие авторы (многие ученые приписывают главный корпус «Кругосветного путешествия» одному из основателей движения «Хасидей Ашкеназ» и автору знаменитого средневекового мистического трактата «Сефер хасидим» Иеуде Хасиду). В результате от хронологии странствий остался только «путь туда». Заметки Петахии о его возвращении, если и существовали, в книгу вообще не попали. Информация фактическая сокращена до предела: основную часть текста составляет пересказ легенд о различных еврейских святынях. Часть из этих легенд была, очевидно, записана путешественником, но затем подверглась «творческой переработке» Иеуды Хасида и превратилась в «случай из жизни», происшедшие якобы с самим путешественником. Некоторые из легенд, возможно, существовали в диаспоре и включены в «Сибув аолам» составителем. В результате получилась мистическая и поучительная история о том, как гробницы еврейских ученых и святых расправляются с нечестивцами и неверными, которые замышляют их осквернить, и как покойные ученые и святые награждают праведных. Судя по обилию изданий и переизданий, читательская аудитория и в Средние века, и в Новое время воспринимала «Сибув аолам» не как страноведческий трактат, а именно как популярную книгу о чудесах, то есть собственно fiction, художественную литературу.

Современная аудитория, разумеется, воспримет как художественную литературу все три включенных в сборник текста. Мы ведь тоже воспринимаем как художественную литературу и «Садко – богатого гостя», и «Хождение за три моря», хотя изначально они были совершенно различной направленности. Прекрасное развлечение для образованного читателя.

Àì èòðèé Ĩ ðìéîúúà

ЕВРЕЙСКИЙ ВОПРОС ПО ВАКСБЕРГУ, ВАКСБЕРГУ И ВАКСБЕРГУ

Аркадий Ваксберг. Из ада в рай и обратно. Еврейский вопрос по Ленину, Сталину и Солженицыну.

М. : «Олимп», 2003. — 494 с.

«Эта книга... к публикации в России не предназначалась. Не потому, что есть в ней нечто непригодное для российского читателя, а совсем наоборот: слишком уж, как мне казалось, все это хорошо известно у нас» – так начинает автор свое вступление к книге. Затем поясняет, что на самом деле исследование было написано по американскому заказу для публикации в США. У русского читателя сразу же где надо загорается красная лампочка: знаем мы научный уровень американских публикаций по гуманитарным наукам! Anna Arkadievitch Karenina из Набокова, уровень «Ридерс дайджест»... Сам же автор характеризует книгу как «популярный историко-публицистический экскурс» для «не слишком осведомленного читателя», «ни на какую научную трактовку предмета не претендующий». И, если уж говорить честно, – как научное исследование работа Ваксберга и вправду рядом не лежала с известной монографией Г. Костырченко «Тайная политика Сталина. Власть и антисемитизм».

Однако не торопитесь откладывать книгу в сторону. В отличие от профессионального историка Костырченко Ваксберг – не ученый, а нечто среднее между писателем и журналистом. Литератор. Литератор же, по моему мнению, – это человек, который способен систематизировать и понятно изложить то, что у каждого из нас существует на уровне эмоций, комплексов и фобий. Как писатель он работает с собственной психикой, занимается, если хотите, «само-психоанализом»: поэтому книга Ваксберга рассказывает нам, по сути дела, не о том, «что было», а о том, «как это воспринято автором». Если к такому произведению прилагать не критерии оценки научного труда, а критерии оценки литературного произведения, – например, газетно-журнального очерка, – читать его одновременно интересно и полезно. Потому что, в отличие от автора художественного текста, литератор отражает не столько индивидуальное, сколько коллективное восприятие, служит тем, что в XIX–XX веках именовалось «рупором эпохи».

Впрочем, допускаю, что мое толкование этой профессии способно вызвать возражения.

Классическим примером литератора, по моему мнению, является А.И. Солженицын, начиная с «ГУЛАГА» и кончая книгой «Двести лет вместе». Именно поэтому всякая полемика с Солженицыным заведомо лишена смысла: он пишет не о евреях, а о восприятии евреев национально мыслящими русскими интеллектуалами. Книга Ваксберга – это те же «Двести-вместе» только с другой стороны: восприятие ассимилированными еврейскими интеллектуалами существования в русском советском государстве. Прекрасно понимаю, что сочетание «русский советский» вызывает аллергию у национально мыслящего русского интеллектуала, однако придется смириться, ибо бессмысленно полемизировать с восприятием, с ощущениями.

Ключевые моменты этого восприятия, думаю, можно найти на сто шестьдесят второй странице книги Ваксберга. Идея первая. «Палачей русского происхождения было... значительно больше, чем евреев. Однако их палачество с национальной принадлежностью никак не сопрягалось, зато истязатели и палачи еврейского происхождения непременно воспринимались прежде всего как евреи».

Кем – «воспринимались»? И почему «непреренно»? И почему палачество русских никак не сопрягалось с национальной принадлежностью? Вы прибалтов послушайте – они вам много порасскажут про «русских палачей»!.. Но в этом-то и особенность взгляда на проблему ассимилированного еврейского интеллектуала: с одной стороны, он еврей, у которого в подсознание заложен тезис «Кол исроэл аревим зе ла-зе» («Все евреи отвечают друг за друга»). С другой – ощущает себя частью русского сообщества. А русские интеллектуалы действительно никак не выводили палачество «русского палача» из его национальности (см. «Архив русской революции» Гессена, а за ним и того же Солженицына).

Идея вторая. О евреях, работавших в большевистском карательном аппарате. «Кем они были? Безграмотным и тупым плебсом с комариными мозгами, поднявшимся на гребне революционной волны. Так

и не овладевшие никакой профессией ученики портных, сапожников, парикмахеров, приказчиков, официантов...»

«По факту» это просто неверно: были всякие – и такие и, наоборот, блестящие интеллектуалы. В тексте упоминания об этих «интеллектуалах для сомнительных услуг» рассыпаны в изобилии. Таким образом, речь идет о чисто эмоциональной оценке факта сотрудничества евреев с советской властью. Могу себе представить; еще и в моем поколении у интеллигентных мальчиков и девочек было принято скрывать прадеда-комиссара или деда, работавшего с генералом Френкелем.

Кстати, если говорить о внутренних противоречиях («тупой плебс» – «блестящие интеллектуалы»), таковых в книге более чем достаточно. Причем, противоречия эти все на одну тему – «евреям в советском/русском государстве хорошо/плохо». Сравните: «юдофобия имеет совершенно маргинальный характер» и тут же – «страна, где патриоты яростно раздувают антисемитские настроения». «Власти поддерживали лишь ту (еврейскую. – Д.П.) культуру, которая несла социалистическое содержание» и сразу же: евреи «на самом деле, а не декларативно могли развивать свою национальную культуру»... Подозреваю, это вовсе не авторские небрежности, а лезущая из подсознания двойственность восприятия окружающего мира. Двойственность, которая, в свою очередь, есть следствие внутренней противоречивости ситуации ассимилированного еврея. Он не может смириться с мыслью, что «русские есть русские, а евреи есть евреи, но ссориться им не нужно» (тезис Солженицына, который автор почему-то считает «взрывоопасным»). Может быть, потому, что сам принял советские правила игры и воспринимает еврейство как «проблему»? Тому свидетельство совершенно фрейдистский проговор про композитора Соловьева-Седого, «которого Солженицын невесть почему унизил (!), посчитав за еврея».

Наконец, идея третья. О тех же евреях-«первых учениках» школы коммунизма: «Если бы их хоть как-то беспокоила репутация народа, к которому они принадлежали, да к тому же с тем клеймом, которое накладывали на этот народ отечественные черносотенцы разных призывов, они, возможно, бежали бы без оглядки от кресел в том ведомстве, куда их тянули. Но в том-то и дело, что интересы соплеменников были им глубоко чужды...»

Это уже менее приятный поворот темы. Получается, участие «еврейских вырожденков» в преступлениях коммунизма плохо не само по себе, а потому что сказывается на репутации евреев как народа. Может, просто неудачно сформулировано? Но в другом месте можно найти ту же мысль, сформулированную более ясно, – там, где речь идет об участии предыдущего поколения «еврейских вырожденков» в красном терроре. Автор считает «правильным» решением для большевиков – «убрать евреев... с самых ненавистных населению постов, непосредственно связанных с осуществлением террора в его наиболее жестоких формах». Тогда бы, дескать, удалось сбить волну антисемитизма. Иными словами – черт с ним, с террором, лишь бы...

Вновь повторю: полемизировать с подобными тезисами бессмысленно (точно так же, как с некоторыми не слишком приятными тезисами из «Двести-вместе»), потому что они существуют на уровне эмоционального восприятия действительности: «нравится – не нравится». Но очень важно, что литераторы выводят их из коллективного подсознания наружу. В этом контексте именно те места в книге Ваксберга (как и в книге Солженицына), которые вызывают отторжение, выполняют особенно важную функцию, позволяя читателю разобраться с собственными эмоциями, комплексами и фобиями.

Ài eòdèé ĭ ðrétóuza

РОМАН-КОМИКС ИЗ КОМПЬЮТЕРНОЙ «КОРЗИНЫ»

Дина Рубина. Синдикат. роман-комикс.

М.: 2004. «Эксмо», — 576 с.

На обложке «романа-комикса» изображено несчетное множество одинаковых дам, слегка похожих на Д. Рубину (наверное, ее музы). Фоном служит Лубянка. По мере чтения романа поочередно, сменяя друг друга, приходят два варианта истолкования этого коллажа: то ли тут приглашение новым лубянским обитателям вплотную заняться «Синдикатом», сиречь Еврейским агентством в России, то ли намек на то, что на самом деле Еврейским агентством в этой истории не пахнет, а Дина Рубина снова пишет о себе и своих комплексах.

В пользу первого варианта свидетельствуют главы повествования, связанные с деньгами. Начиная с того места, где речь идет о «балансировании, так сказать, в некоторых деликатных вопросах финансовой законности», и кончая претолстым намеком на то, что некто в руководстве Сохнута элементарно ворует доллары. Причем миллионами.

Отношение к цифрам у автора, правда, вообще слегка романтическое, подернутое дымкой. Один пример: «В странах Азии и Кавказа проживают 50 тысяч людей с правом на возвращение. Все работающие там сохнутовцы получают в год около полумиллиона зарплаты. Если разделить эту сумму на каждого потенциального репатрианта, получим около 10.000 долларов на человека. Дайте людям эти деньги, и они немедленно помчатся покупать билет на самолет». Ну правильно – если 500 разделить на 50, получается 10, а вот если 500.000 разделить на 50.000, у Рубиной получалось 10.000. К несчастью, арифметика имеет свои законы. Так что, наверное, к финансово-экономическим разоблачениям в книге отнестись следует с некоторой осторожностью.

Вариант второй – эта книга к событиям внешнего мира имеет весьма косвенное отношение, а повествует исключительно о духовной жизни Дины Р. Используя слова самой писательницы, весь мир – «статисты, уплывающие на эскалаторе ее метрополитена». В пользу второго варианта говорит прежде всего то, что разгуливающие по страницам «Синдиката» персонажи – все-таки немножко слишком поганые, чтобы быть правдоподобными. Россия предстает в повествовании такой несказанно грязной, какой она не была, пожалуй, даже в 1992 году, когда отсутствовали дворники, городовые (Рубина работала в Москве десятью годами позже). Российские евреи оказываются погаными до такой степени, что в их правдоподобности усомнится даже тов. Макашов. Сабры в лучшем случае – симпатичные идиоты, во всех остальных – идиоты крайне несимпатичные. Русские израильтяне – шизы или алкаши, или то и другое вместе. Исключений два – лирическая героиня Дина Р. и ее мужское alter ego по имени Яша Сокол, время от времени берущий нить повествования в свои руки.

У человека, который лично знаком с прототипами персонажей, подобные тексты не могут не вызывать отторжения. Ну зачем, спрашивается, нужно всех помоями обливать – кстати, зачастую несправедливо?! Неужели автор полагает, что реальные люди, описываемые с указанием должностей, занятий, привычек и характерных деталей внешности, не узнают себя (и не будут узнаны другими) только потому, что обозначены псевдонимами? Людей-то зачем обижать?! Ну, допустим, автор не выносит Аллу Йошпе или Аллу Гербер (кстати, автор вообще не выносит никаких женщин, кроме собственных подчиненных, – полистать дядюшку Фрейда на ночь, что ли?) и исполняет на их недвижимых телах зажигательные танцы народов Востока. Но своему непосредственному начальнику по ЕАР, Каролю Унгару она, как будто симпатизирует (и правильно делает – хороший мужик был, жаль, что ушел на пенсию), однако кое-где зачем-то и об него ноги вытирает.

Здесь автор рецензии должен сделать оговорку: лично ему и Сохнут, и все остальные государственные и полугосударственные организации, извините, до фонаря. Ему легко поэтому понять автора «Синдиката» – человека, давно отделившегося от государства и, будучи вынужденным ради заработка несколько лет тянуть ляжку, озлобленного на всех и вся. Да только из курса психологии нам известно, что когда человек демонстрирует ненависть к чему-либо с такой разрушительной силой, он на самом деле ненавидит нечто в самом себе.

При этом у меня от чтения «Синдиката» сложилось такое впечатление (поправьте, если ошибаюсь), что больше всего Дина Рубина изливает ненависть даже не на «Синдикат»-Сохнут (всего-то «захудалую масонскую ложу, дела которой приходили в медленный упадок»), а на русских евреев. Собственно, она даже заявляет это прямым текстом: «Но больше всего меня тошнило от евреев». Навряд ли так уж случайно она дает персонажам псевдонимы, известные из антисемитского фольклора и больше похожие на кликухи, чем на фамилии. А чтобы читатель не подумал, будто это просто, «чтобы смешнее было», приглашаю внимательно взглядеться в совершенно омерзительную сцену заседания еврейских «общественных деятелей», спекулирующих на памяти жертв Холокоста, чтобы покрепче присосаться к спонсорским деньгам. Материал для арабской прессы.

Разумеется, никому и в голову не придет всерьез подумать, что русско-еврейский писатель действительно ненавидит русских евреев, для которых, между прочим, пишет книги. Проблема Дины Р. в крайней неудовлетворенности собственной жизнью. Свидетельства этому – в виде фрейдистских оговорок и проговорок – разбросаны по всему тексту. К самым болезненным точкам прикосаться, разумеется, не буду – поскольку не психоаналитик и не вправе героиню обижать. Но кое-где автор говорит о себе и своих проблемах открыто. Например: «...Всю жизнь сдавленная между отцом и мужем – двумя художниками, двумя угрюмыми профессионалами». Кстати, о своем шофере она пишет гораздо больше, чем о муже (который вроде бы все время находится рядом): водитель постоянно ее жалеет, а про мужа мы знаем только то, что у него лысина.

Если называть вещи своими именами, то «Синдикат» – плохая проза. Композиция никуда не годится, сюжет рвется, куда ни ткни. Попытки соткать традиционный для Дины Рубиной узбекский ковер из сравнений и эпитетов выглядят парчовыми заплатами на джутовом мешке. Шутки не смешные, анекдоты заставляют краснеть. Даже с русским языком начало твориться что-то несусветное! Словосочетаний типа «я застону» или «набычивший голову» прежде Рубина никогда себе не позволяла...

В результате разоблачение сохнутовских безобразий не состоялось, ибо слишком много литературной выдумки, а литературы не получилось, потому что сделано дурно. Ничего страшного – подождем следующей книги.

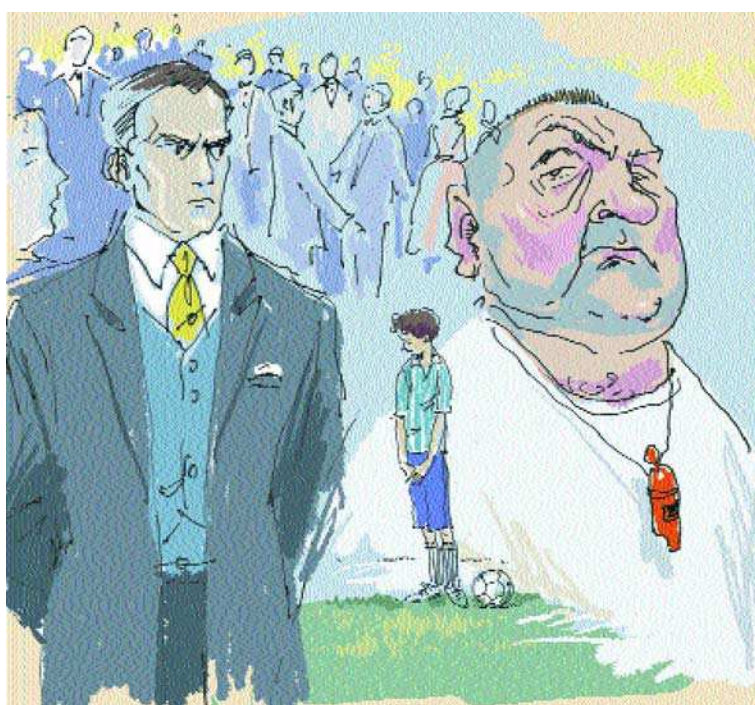
Ài eòdeé ĭ ðreíouíá

ВЕЧЕР ВСТРЕЧИ

Адаэаі Аэаі аеээ

Гостиницу, подумал Коэн, выбрали как нельзя более удачно. На улице по соседству с Пикадилли, уютная, провинциальная, старомодная, в такой гостинице титулованные старухи, торчащие весь год в своих усадьбах, могут распивать чай у камина и делать вид, что Лондон все тот же. Сейчас в вестибюле галдели мальчишки в серых фланелевых костюмчиках, явно обновившие первые в жизни длинные брюки.

За столом в коридоре восседала мисс Уотерхауз, выдавала билеты и принимала деньги, он увидел – и это его ничуть не удивило, – что за пятнадцать лет она ничуть не изменилась. В темных волосах ни следа седины, все такая же тощая, жилистая, на губах играет все та же всеведущая улыбка. Впрочем, он и не ожидал перемен, не ожидал, что кто-то из них изменится. Они живут в памяти как архетипы; им не положено ни перерождаться, ни преображаться.

Приблизившись к конторке, он заметил, что малышня в брючках держится с мисс Уотерхауз покровительственно: они теперь тоже «ветераны», выпускники.

– Здравствуйте, мисс Уотерхауз, – сказал он, и она поздоровалась с ним так обыденно, будто они виделись вчера, – его это рассердило. В конце концов, в нем-то произошли перемены.

– Здравствуйте, Коэн, – сказала она и улыбнулась ему той же всеведущей улыбкой, что и малышам.

Он купил билет, сказал какую-то проходную фразу и прошел в зал, где должен был состояться вечер встречи.

– Уильям! – приветствовал его директор, краснолицый, с военной выправкой; он, похоже, тоже ничуть не изменился. – До чего же я рад вас видеть. Мы, знаете ли, вами гордимся, очень-очень гордимся.

– Спасибо, – он смутился.

– Идея написать вам и пригласить на встречу исходила от моей жены. Мы прочитали в «Таймс» о вашей последней выставке, и тут она и сказала: «Помнишь, как он замечательно рисовал, когда был в Брэкли-хаус?» А мы, знаете ли, храним кое-какие из ваших рисунков.

– Спасибо, – сказал Коэн.

Прошло столько лет, что директор казался уже не грозным, а смешным, стереотипным добряком, для которого мир за пределами школы – потемки.

– Вы непременно должны приехать к нам и выступить, – сказал директор. – Мальчики будут счастливы.

– Да, да, – сказал Коэн неопределенно.

Он уже жалел, что приехал. Школьные годы подобает схоронить и навсегда забыть; что побудило его принять приглашение – какой нелепый, ностальгический порыв?

Пожалуй, суетность, пошлое желание показать: видали, кто я теперь. По какой еще причине он мог захотеть вызвать в памяти эти четыре тусклых года – два тягостных, два ничем не примечательных.

– А вот и моя жена, – сказал директор, и перед Коэном возникла миссис Роджерс. Даже она изменилась не так внешне, как внутренне. Всё такая же крупная, в теле, – седовласая Юнона, но вместо добродушного безразличия пришла отрешенность: казалось, она приветствует его откуда-то издалека.

За его спиной кто-то сказал:

– Уильям, угадал? – Коэн обернулся и увидел высокого, изнуренного человека своих лет, тот улыбался ему, но Коэн никак не мог вспомнить, кто же это.

– Артур Джонсон, – сказал тот, улыбка не сошла с его лица: похоже, он и не рассчитывал, что его вспомнят.

– Как же, как же! – воскликнул Коэн, устыдясь, что не узнал его.

– А ты процветаешь, – Джонсон благодушествовал. – Читаю, читаю – о тебе много пишут.

– А ты как? – Коэн поспешил ответить вопросом на вопрос.

– Перебиваюсь. Миссионерствовал на Дальнем Востоке, да здоровье подкачало. Теперь репетиторствую.

– Миссионерствовал?

– Не повезло, – сказал он.

Тут он увидел широкую спину и узнал – как не узнать – майора Данлопа, и куда только подевалась его отрешенность: нахлынули воспоминания, острые, мучительные, жгучие. Жирная сволочь.

– А вот и Джей Би Ди, – сказал Джонсон, проследив за его взглядом. – Все такой же, верно?

Антисемит паршивый.

– Может, подойдем, перекинемся словом-другим?

– Попозже, – ответил Коэн.

Он ясно помнил события во всей их последовательности так, словно они разворачивались перед ним на экране. Майор Данлоп, Джей Би Ди. Герой войны. Территориальная армия*.

– Сэр, сэр! Скажите, а это правда, что в субботу приедет Джей Би Ди?

– Митчелл, вы что, хотите, чтобы я выдал военную тайну?

– Нет, нет, сэр, но он правда приедет?

– Да, Митчелл, приедет.

– Вот здорово!

И точно, завтра в об

ед появился майор – дородный, из сшитой на заказ формы выпирают телеса, яркие – вырви глаз – ленты первых военных медалей, заученная улыбка, басовитый голос слышен и на другом конце стола.

С Коэном, можно сказать, он никогда и не говорил, а если и говорил, то еще более грубо, чем обычно: похоже, испытывал к нему такое отвращение, что с трудом его преодолевал. Коэн привык к его неприязни, и она его не слишком-то трогала; к тому же, приезжал майор не часто.

На следующее утро, обычно за полчаса до завтрака, дверь дортуара, стылого, уставленного рядами покрытых розовыми одеялами кроватей, отворялась, с полдюжины голов поворачивались посмотреть, как жирный майор Данлоп, в шлепанцах и синем шелковом халате, прошаркает в дортуар, не говоря ни слова опустится всей тушей на постель выбранной им жертвы и – давай щекотать.

– Сэр, ну, сэр!

Майор молчал, на его суровом толстомясом лице не отражалось и признака удовольствия, ручищи его, однако, целенаправленно шарили под одеялом.

– Сэр! – возбужденное хихиканье. – Ну, сэр, довольно!

Грязная сволочь, – вспоминал Коэн.

Все так же молча майор Данлоп вставал, тяжело ступая, выходил из комнаты. Его налёты никогда не обсуждались.

В то утро – тогда стоял ноябрь или начало декабря, вспоминал Коэн, за изгородью – голые, безлистые деревья; высоченные комнаты старинного георгианского особняка – мерзлые, огромные, неприятные. За обедом длинный красного дерева стол облетела новость: майор Данлоп будет судить первый футбольный матч.

После обеда директор прочувствованно прочел молитву, и майор Данлоп, постучав ложкой по стакану, сказал:

– Садитесь, все садитесь! – и прочел записанный на клочке бумаги состав команд.

В синюю команду Коэн не попал, а когда майор Данлоп прочел до половины состав второй команды, его осенило: а ведь его и туда не включат.

– Митчелл, – майор подошел к концу списка. – Арчер, Джонсон.

Да, так оно и есть, как это ни нелепо, но так оно и есть: в список он не попал, и он как нельзя лучше понимал, что это не просто оплошность. Так что, если он сейчас, – а здесь собралась вся школа, – не постоит за себя, его унижат и выдавят во второй состав – к малышам.

– Сэр, – сказал он, и ему казалось, что он слышит не свой, а чей-то чужой голос. – Сэр, вы пропустили меня.

– Пропустил тебя? – рявкнул майор.

– Да, сэр. Я всегда играю левого крайнего за вторую команду.

Молчание тянулось и тянулось, и Коэн спрашивал себя: хватит ли у него духа настоять на своем. Чуть погодя Данлоп проворчал:

– Ну и кого же я включил в эту команду, кому там не следует быть?

– Меня, сэр, – сказал один из младших мальчишек.

– Раз так, – Данлоп явно боролся с собой. – Ты, Коэн, будешь играть правого крайнего за красных.

– Сэр, я левый крайний: я левша.

– Будешь правым крайним, – отрезал майор.

Удовлетворил самолюбие.

В футбольных бутсах он тащился вместе с командой по утрамбованным дорожкам через испещренный там-сям коровьими лепешками луг к ухабистому футбольному полю.

– Давай-давай, Коэн, – покрикивал майор Данлоп; пыхтя, трясая телесами, он трусил по полю – судил игру. – Что же твоя хваленая левая нога? Что же она?

А потом посреди игры Митчелл отдал ему пас, и он рванул забить левой в верхний угол. И тут майор Данлоп, повернувшись к нему жирной спиной, – сейчас он видел ее на другом конце зала, – сказал Митчеллу:

– Хороший пас.

И тем не менее, Коэна, как ни странно, это не задело то ли потому, что гол был так бесспорно хорош, то ли потому, что это было еще одно проявление неприязни: он всегда ее узнавал и поэтому не принимал во внимание.

Смотри-ка, вот Данлоп повернулся, идет к нему, в руке – стакан хереса. Проходя мимо, он пророкотал:

– Читал о вас. Вас превозносят. У вас, должно быть, большой талант.

– А я как раз думал о вас, – сказал Коэн.

– Обо мне? – Данлоп остановился – ни дать ни взять – танк на полном ходу.

– Вы этот случай скорее всего не помните, – сказал Коэн и почувствовал, как в нем нарастает ярость: она являла себя не так в голосе, как в том, что он уже не мог остановиться, даже если б и хотел.

– В войну вы как-то приехали в увольнение. Вы судили первый матч и меня ни в одну из команд не включили.

Когда он кончил свой рассказ, Данлоп не поднял на него глаза. А потом сказал:

ЕВРЕИ СРЕДИ КАЗАКОВ

Иְרֵמֶה אֲבֹי אִי

Это было в самом начале семидесятых годов XIX века.

Небольшая казачья станица на крутом берегу Дона. Население – пять-шесть тысяч казаков, но есть гимназия и духовное училище. До ближайшей железной дороги около ста верст; многие жители вообще не имеют о ней представления.

Телеграфа тоже нет в помине. Мы, мальчишки, бегали в степь верст за пять, где проходила телеграфная линия, чтобы прислонить ухо к столбу и послушать, как гудит «телеграмма». Эти столбы с белыми чашечками и проволокой внушали нам благоговейное почтение, а гудение казалось таинственным и страшным.

אֲבֹתֵנוּם יְאִי-עֵי פִּדְיוֹנֵי נַעֲמִי עֵ אֲמִי-עֵאִי עֵ.

יְאֵ-אֵיִ ׀׀ אֵעֵא

Обстановка в станице патриархальная. Наш сосед, старый казачий полковник, утром ездит верхом на бочке к Дону. Он водовозничает: привозит нам воду – пятиалтынный за бочку, привозит и другим, у кого нет лошадей. Прочие полковники или есаулы, хоть и побогаче, ничем в повседневной жизни от рядовых казаков не отличаются: только на майских учениях можно заметить, что это – военное «начальство». Десяток учителей, два доктора – вся интеллигенция. Пара мануфактурных магазинов и несколько бакалейных лавок – весь базар.

Квартиры не запираются ни днем, ни ночью: о кражах даже не слыхивали. Станичники друг друга знают наперечет – воровать некому...

Вот в этом-то богоспасаемом уголке очутились два еврея из далекой Витебской губернии. Оба ремесленники: один – шапочник, другой – портной. Очутились, разумеется, случайно. Шапочник сбежал от воинской повинности, скитался по Волге, познакомился в Царицыне с каким-то казаком, тот и уговорил его поехать в станицу: у них, дескать, некому шапки шить. А через пару месяцев шапочник выписал из местечка под Витебском своего приятеля, портного, и станица обзавелась двумя мастерскими. Только через год решились приезжие вызвать к себе жен с детьми.

Обеёа̇ а̇ а̇ і̇ п̇і̇ е̇ а̇ п̇ а̇ і̇ е̇ а̇ Е̇ і̇ а̇ о̇ Ѡ̇ і̇ а̇ а̇ а̇

Для большинства казаков, а для казачек в особенности, евреи явились форменной диковинкой. По наружному виду они несколько не отличались от «кацапов» – так казаки величали русских; портной же лицом и говором был типичный москвич. Бывший кантонист, проводший все детство в московской мастерской, куда был отдан на выучку, он давно забыл родную речь. Только перед женитьбой научился кое-как читать молитвы и с трудом объяснялся по-еврейски. Его чистый русский язык и московское произношение вызывали постоянное изумление казаков.

– Ишь ты! Жид, а как здорово по-нашему знает.

К нему и относились более благосклонно, чем к шапочнику, говорившему с сильным акцентом.

– А ну, скажи что-нибудь по-вашему, по-жидовскому! – приставал казак-заказчик к кантонисту, добродушно хлопая его по плечу.

Тот на идише скороговоркой желал казаку, чтоб злой дух вселился в его отца, в дедушку, в прадедушку, бабушку и прабабушку. Этот текст он выучил навеки. Казак в восторге заливался хохотом, и оба расставались довольные друг другом.

В общем, отношение казаков к «нашим жидам», как они называли ремесленников, было благодушное – как к забавному курьезу, доставшемуся в обладание. Вскоре на почве выпивки возникло даже приятельство: оба еврея были не дураки заложить за воротник, а шапочник впоследствии стал просто горьким пьяницей. Большая, надо заметить, редкость среди его соплеменников. Недостатка в клиентах не было: евреи оказались превосходными мастерами своего дела, особенно портной, освоивший профессию в первой московской мастерской. Вскоре учителя и судейские чиновники завалили его заказами. При тогдашней анекдотической дешевизне (2 копейки за фунт мяса) расходы были ничтожные, и евреи процветали.

Еді ієіа, çææäpüäý ñááíòíéáñá:è. Íá:äíí ÕÕ äáää

Приехали семьи. Это внесло в ситуацию важные изменения. Во-первых, сильно поостыл интерес к «куръезу», новизна исчезла, и в станице обитали уже не два случайно забредших ремесленника, которые сегодня здесь, а завтра, может, снова в свой Витебск отъедут. Теперь рядом жили две еврейские семьи, кусочек еврейского мира, чуждого, непонятного, а потому бессознательно враждебного. То были уже не «наши жидаы», а просто жидаы. И больше всего упор на это делали не обыкновенные казаки, а «интеллигенция», главным образом, судейские, чиновники. Начались разговоры о том, что, мол, «они» расплодятся, выпишут родственников, знакомых, что не мешало бы выселить их, пока не поздно. До враждебных действий, однако, поначалу еще не доходило. Не то лень было поднимать историю, не то станичный атаман был против. Вернее – и то, и другое. Атаману и большинству станичников два хороших ремесленника не мешали, а до центральной власти в Новочеркасск в неделю не доедешь. Но напряжение в атмосфере все же чувствовалось.

Другое дело – бабы. Те сразу невзлюбили двух евреек в париках (парик, между прочим, мать моя перестала носить только лет через пятнадцать, когда отец в припадке ярости бросил его в печку). Обе женщины привезли с собой из глухого местечка Витебской губернии весь свой специфический быт – с перинами, кошерной посудой, подсвечниками и ломаным русско-польским языком. Начались недоразумения, нелепые стычки на базаре по всякому пустяковому поводу, и моя мать, особенно чувствительная к оскорблениям, не раз возвращалась с базара в слезах. Озорные девки дергали ее сзади за пеструю турецкую шаль, в которой она ходила, или как бы нечаянно опрокидывали корзину с провизией, и она должна была под хохот толпы ползать по земле и собирать рассыпавшийся картофель. Протесты на плохом русском языке, да еще с «забавным» акцентом вызывали только смех, и бедные женщины предпочитали отмалчиваться.

По пятницам, под вечер, когда мать зажигала субботние свечи в старинных медных подсвечниках, переходивших, кажется, из поколения в поколение, под окнами собиралась толпа баб, девок и парней, чтобы посмотреть, «как жидовка молится». Некоторые, понахальнее, даже дверь открывали и стояли, разинув рот, у порога. Если отец был дома, он выгонял наглецов, но мать не говорила им ни слова. Почти до последних дней жизни она смертельно боялась русских и кротко уговаривала нас:

– Лучше не связывайтесь с ними!

Потом начались явно враждебные действия: участие в них принимали главным образом подростки.

Однажды утром, проснувшись, мы увидели перед своим домом гогочущую толпу. Оказывается, ночью озорники вымазали наши ворота дегтем, что считалось величайшим позором. К вечеру, когда семья собралась к ужину, раздался звон разбитых стекол, и в комнату влетело несколько камней, страшно

перепугав ребятишек. С тех пор стали тщательно закрывать окна ставнями, иначе в дом неизменно попадали камни или бутылки...

Мужчины – те не страдали от этих проявлений вспыхнувшей злобы. С казаками, за редкими исключениями, они продолжали ладить. В приятельских отношениях оба находились даже с протоиереем, добродушнейшим пьяницей, который частенько захаживал то к одному, то к другому. Выпивал, я помню, с моим отцом, закусывал фаршированной рыбой, приводившей его в восторг, и неизменно уговаривал отца креститься.

– Ну зачем тебе твоя жидовская вера? Ты ведь совсем как русский. И лицом на жида не похож.

У отца было оправдание.

– Жена не хочет, – отвечал он, посмеиваясь.

На том и кончалось дело.

Сами казаки не одобряли войны, объявленной женщинами и подростками.

– Дуры бабы! – говорили они отцу, когда он жаловался, что его семье проходу нет.

Но мер никаких не принимали.

А двум бедным еврейским женщинам, попавшим волею судеб в дикую казачью станицу, приходилось не сладко. Жили они раньше по соседству и с детства стали закадычными подругами. А теперь по вечерам опасно было побежать к соседке, чтобы отвести душу или посоветоваться по хозяйству: неровен час – в темноте камнем голову проломают...

Νοσήρα τὰ Ἄγιό Ἐπίθ Ὀἶ ἁέα

Но однажды вечером пьяный мастеровой все-таки раскрыл моей матери голову медной кружкой. Просто вошел в комнату, схватил с умывальника кружку и ударил по голове. И ушел как не в чем ни бывало. В комнате в тот момент находились и другие мастеровые, работавшие у отца. И никто даже пальцем не пошевелил, чтобы задержать бандита.

Были и худшие огорчения у обеих ортодоксальных евреек. Мужья окончательно отвыкли среди казаков от религиозных обрядов, а у моего отца-кантониста и раньше-то на сей счет особого рвения не замечалось. Оба они спокойно ели тrefное, не брезгуя даже свиной и колбасой. Но женщины не отступили бы от кошера даже под страхом смертной казни. Пришлось отказаться от мяса, потому что на расстоянии нескольких сотен верст не было шойхета. Иногда шапочнику или портному доводилось ездить по делам в Царицын, тогда они брали у шойхета кошерную птицу – кур, уток, гусей. Но такое случалось пару раз в год. Питались главным образом рыбой и овощами. К Пасхе из Царицына привозились вино («пейсаховка», то есть картофельный спирт), маца и все остальное. Тем же способом доставлялась необходимая снедь и к осенним праздникам, а во дворе из камыша строилась чудесная «сукко», в которой мы, дети, очень любили играть. На Пурим обе семьи добросовестно посылали друг другу «шлахмонес».

Но дело ведь не в одних праздниках, которые все же кое-как справлялись без особых нарушений. Не говоря уже об отсутствии синагоги, в которую так тянуло, особенно на Рош а-Шона и на Йом Кипур, – болезненно чувствовалось отсутствие миквы. И вот обе женщины заменили микву Доном: пока не появлялись прибрежные льдины, они отправлялись на реку совершать омовение. В результате одна из них, попав в глубокое место, начала тонуть, а другая, тоже не умеющая плавать, бросилась спасать подругу. Вытащили обеих случайно проходившие казаки уже полумертвыми; их долго потом откачивали.

Ἄνθ ἁάι τᾶ εᾶεᾶ.

Кроме того, нельзя вечно питаться рыбой и овощами. Долго обсуждали этот вопрос и пришли к выводу: надо привезти в станицу шойхета. Конечно, двум семьям содержать шойхета – штука довольно накладная, но не кушать же трешное! И еще одно соображение: дети растут; пора начинать обучение еврейскому и молитвам, иначе совсем гоями станут в этой дикой глуши. Потому шойхет должен выступить также и в роли меламеда. Порешили: отец едет в Москву за товаром и привезет детям меламеда, а женщинам – шойхета.

Нам, ребятишкам, тоже не сладко приходилось. Восемь человек в возрасте от трех до одиннадцати лет, не считая пары грудных, среди целой стаи буйных казачат. Если бы даже мы не были еврейскими детьми, нам все равно пришлось бы вести борьбу за существование – просто оттого, что мы чужие, пришлые. Наше еврейство только придавало этой борьбе особую ожесточенность, разжигало обе стороны – как нападающую, так и обороняющуюся. Разумеется, я и мои друзья не принадлежали к первой...

А́тíтèá èáçáèè á òíòì á

Долгое время мы держались особняком, были постоянно настороже, в любую минуту готовые к самозащите или бегству. Катание на коньках, на салазках, купанье – все небольшими группами. Случай со мной доказал, что близкое соседство с «гоями» опасно для жизни. Это было ранней весной, когда стаявший снег и дожди превратили пересекавший станицу овраг в бурный поток мутно-желтой воды глубиной в сажень. Я (лет четырех-пяти) стоял вместе с другими мальчишками на краю потока и бросал в воду камни. Подкравшийся сзади казачонок изо всей силы толкнул меня в спину, и через секунду я уже захлебывался глинистой водой, опускался на дно, выныривал и, наконец, беспомощно опустил, перестав бороться.

Вытащил меня, потерявшего сознание, проходивший мимо булочник Макеши. Выходец из русских крестьян, громадный рыжий мужик, Макеши вскоре сделался ближайшим другом нашего дома. Каждый праздник – и еврейский, и русский – спаситель мой являлся, чтобы получить свой неперменный стакан водки. Почти всегда полупьяный, он нежно обхватывал нас, детишек, своими громадными лапами и умиленно бормотал:

– Евреяточки мои... Жиденяточки мои...

А на Рождество приходил к нам «славить». В первое же утро после сочельника открывалась дверь, и он, стоя на пороге, орал, смешно выпучив пьяные глаза:

«òðèòòíí

òí æ ääòòíí» –

īāāēōá!

Çà:āī īōēōāē ē āāī - īāī ē çāāōōá!

Ī òēōūāēōā īīī āō:īē,

Āīīōāāēōā īyōā:īē».

Мы его очень любили, и даже мать, ужасно боявшаяся русских, относилась к нему доверчиво и снисходительно.

Другими друзьями мы не могли похвастаться. Станица продолжала оставаться чужой. А временами и страшной. Страшными были дни побоищ, уличных кулачных боев – стенка на стенку. Дело в том, что жители станицы разделялись на два враждебных лагеря: казаков и русских. Русских было немного – почти одни мастеровые и торговцы, но как на подбор крепкие, а некоторые даже обладали исключительной силой. Драка обыкновенно происходила под вечер, в воскресный или еще какой-нибудь праздничный зимний день. По обычаю, начинали подростки, затем в бой вступали и взрослые, а в разгар сражения даже именитые купцы сбрасывали с плеч дорогие лисьи шубы и с криком «Наших бьют!» бросались в самую гущу дерущихся.

Āīīōēā-ēāçā-ēā

С гиканьем, воем, свистом, улюлюканьем гнала мимо наших окон одна «стена» другую. Через некоторое время победители превращались в побежденных, и ураган с шумом проносился уже в обратную сторону. Валились на землю тела, в жуткий хаос сливались отдельные победные выкрики, ругань, гулкие удары...

Мы, трепещущие, прижимались носами к окнам и со страхом смотрели на этот разгул, на это дикое удалство. Мать каждый раз боялась, что враги помирятся и тогда кулаки их дружно застучат по беззащитным еврейским спинам.

Однако нас не трогали. Через несколько лет робкие еврейские мальчики и сами были не прочь принять участие в побоище.

Но это потом. Пока в нашей жизни произошло важное событие: приехал меламед, он же шойхет...

Приехал он уже лет пять-шесть спустя после внедрения обоих семейств в казачью среду. По станции, таким образом, разгуливал типичный ортодоксальный еврей в длинном сюртуке, с пейсами, в ермолке. Казачата бегали за ним и свистели, но в общем появление его не вызвало особого шума, и внимание привлекло к себе ненадолго. Разгорелась русско-турецкая война; казакам стало не до того.

Най иу аїаодіаї еацаеа Еїї ао ОїО аїеа

Старшие мальчики уже успели поступить в гимназию, но и они, и младшие дети, в том числе девочки, принялись долбить по примитивному способу: «Конец алеф – о, конец бейс – бо»...

Женщины оживились: почувствовали себя в привычной обстановке. Было с кем посоветоваться насчет обрядов, поговорить о родине, о еврействе. Появилось разнообразие в пище, на стол ставились всевозможные мясные блюда. Мальчикам тем не менее меламед не пришелся по душе. После гимназии, кроме уроков, теперь приходилось еще заниматься еврейским языком. Кроме того, благодаря гимназии завязались новые знакомства, даже товарищеские отношения... Жизнь брала свое. Травля постепенно прекратилась. Дети явно тяготели к местной среде, к улице, становились вольными казачатами и отлынивали от занятий с меламедом. К величайшему, разумеется, огорчению матерей. Отцы на это смотрели сквозь пальцы, напирая больше на гимназические занятия...

Что касается меламеда, то через несколько месяцев он сам махнул рукой на свою деятельность. Ему стало скучно в казачьей станции без еврейского общества, без «миньяна», без близкого окружения. После долгих уговоров остаться его пришлось все-таки отвезти на железнодорожную станцию.

А́тí пèá èàçà-èè.

Èтíáö ÒЮ – íà-àèт ÒÖ áàèтá

Зато потом у нас в течение трех-четырех лет перебивал чуть ли не десяток меламедов. Некоторые сами сбежали, других пришлось выпроводить. Дело в том, что ехать в такую глушь соглашались, несмотря на хорошую плату, только очень немногие, но это были или закоренелые неудачники, или забубенные головушки. Попадались и те, что тайком от матерей с удовольствием потребляли трэфную колбасу. Потребляли, надо признаться, к великой потехе отцов. Но едва матери узнавали о преступлении, мелаеды с позором изгонялись. До приезда нового меламеда проходило несколько месяцев, и дети успевали забыть пройденное.

К концу семидесятых годов младшее поколение обоих еврейских семейств ничем не отличалось от казачат – ни готовностью в любой момент вступить в драку, ни физической силой. Несмотря на то что матери говорили с ними исключительно по-еврейски, дети стали забывать родной язык и говорили на нем с грубым русским акцентом. А позже на еврейскую речь обычно отвечали по-русски. В таких случаях моя мать плакала и кричала:

– Гои! Гои! Говорите же по-людски!

И приставала к отцу с требованием уехать в еврейский город. Она боялась, что дети окончательно отпадут от еврейства.

Í à ýòì àðéà

1910 ãã

– Мне легче было бы видеть их в гробу, – говорила она, заливаясь слезами. Но уезжать отцы не хотели. Дела развивались блестяще. Многие казаки вернулись с войны с крупными деньгами и с награбленным в Турции добром. Заказы оплачивались щедрой рукой. В мастерских работали уже с десяток рабочих. Кроме того, по инициативе отца его приятель-мануфактурщик завязал связи с Москвой и начал там торговлю готовым платьем, сшитым прямо в станичной мастерской. Шاپочник открыл на базаре свой магазин и вдобавок к тому бойко торговал казачьими фуражками с красным околышем по всем окрестным ярмаркам. Их примеру последовали другие. В станице появились магазины готового платья, головных уборов.

Тем не менее дни пребывания обоих семейств среди казаков были сочтены. Где-то на далеком Севере меняли внутреннюю политику государства. Кучка народовольцев начинала свою героическую борьбу; смутные отголоски ее долетали и до отдаленной станицы. Шепотом передавалась весть, что в Петербурге арестовали студента, сына полковника-водовоза, нашего соседа. Появились какие-то подозрительные лица в самой станице...

АаӀеӀе а еӀӀӀӀӀӀ І а-ӀӀӀ 00 аӀӀӀ

Одновременно пошли разговоры о том, что все евреи, забравшиеся на Дон, будут оттуда изгнаны. От разговоров вскоре перешли к делу. Пришли сведения об уже произведенном выселении евреев из низовых станиц, из Новочеркасска.

Местное казачье начальство во главе с атаманом заявило:

– Наших жидов не дадим трогать!

К этому времени оба ремесленника снова сделались «нашими жидами».

Из Новочеркасска доставили строгое предписание: выселить.

Местное купечество при поддержке атамана, мирового судьи и чиновников подало наверх петицию, где подчеркивалось, что оба еврея чрезвычайно полезны станице как ремесленники высокого уровня, способствующие развитию торговли, и люди отличного поведения. Выселение удалось оттянуть почти на год.

Конец всему положил неожиданный приезд в станицу окружного атамана.

Маленькая еврейская колония потянулась на волах к ближайшей железнодорожной станции – за сто верст... Дети везли с собой живую память о своей «казачьей» жизни: пару прирученных кобчиков.

«АаӀеӀеӀӀӀӀ еӀӀӀӀӀӀ», 1925 аӀӀ

УЩЕЛЬЕ ГЕЕННЫ

Ἀἰεὶ Ὀδῶν-Γὰρ ἴα

Лия, Гомер, Исав – вот главные герои моей истории. И хотя имена условны, персонажи вполне реальны. Все, о чем я рассказываю, происходило на моих глазах. То есть я воспроизвожу только то, что видел сам. Я даже не нуждаюсь в воображаемых сценах, которые имели место, но которые я не мог наблюдать. Хотя они, возможно, были еще напряженнее того, что я видел.

История моя – не обыкновенная, а необыкновенная. В духе библейских повествований или древнегреческих трагедий. Потому и взяты имена-символы: Лия, Исав, Гомер.

История, которую я расскажу, началась в восьмидесятые годы в среде евреев-отказников. Нас было много. Говорят, в одной Москве собралось около пятидесяти тысяч. И хотя мы жили в разных районах столицы, на разных улицах, получалось так, что это была большая община евреев, которые задумали вырваться из Совдепии куда угодно: в Израиль, в Америку, в Канаду, в Австралию. Лишь бы не жить там, где евреи несправны. Мы не хотели, чтобы наши дети росли, женились и заводили детей в такой стране. Нам казалось, что евреи имеют право на другую долю. С одной из таких семей мы сошлись довольно коротко. Его звали Исав, ее Лия. У них был сынишка лет четырех по имени Сид. До подачи документов в ОВИР Исав работал инженером на машиностроительном заводе, один из цехов которого выпускал телескопы для подводных лодок. Исаву отказали в заграничной визе из-за «секретной информации, которой он обладает». Так он и Лия стали отказниками. А с ними и маленький Сид.

Я познакомился сначала с братом Лии – Арамом. Дело в том, что Арам руководил подпольным еврейским театром. Меня пригласили играть в клязьмерском квинтете, который сопровождал спектакли. Я к тому времени потерял работу, а был второй скрипкой в оркестре Театра эстрады. Перебивался я уроками музыки и ночными дежурствами на автомобильной стоянке, а как только выдавалось несколько свободных часов, мчался на репетицию в наш еврейский театр. Кстати, на стоянку меня устроил Исав, у которого было множество знакомств. Такой сумасшедшей жизнью жили тогда отказники: случайные заработки, очереди на прием в ОВИР, бесконечные встречи у кого-то из друзей, и разговоры, разговоры, разговоры о том, как вырваться из Совдепии, как получить выездную визу... Репетиции наши устраивались на разных квартирах и проводились кое-как, потому что труппа никогда не собиралась в полном составе. На этот счет была придумана система замен. Например, со мной приходили жена или сын. Они были искренними поклонниками еврейского андеграундного театра. Иногда кто-нибудь из них заменял меня. Жена играла на рояле. Сын – на гитаре. Так что в квартире, где мы репетировали, кроме актеров, всегда были дублеры и фанаты. Одним из фанатов театра стал Гомер, которому кто-то дал телефон Арама, брата Лии.

История Арама такова: он заканчивал режиссерское отделение Театрального института. Но в последний момент ему не разрешили дипломную постановку. Арам хотел возобновить на сцене спектакль по пьесе Лермонтова «Испанцы». Возобновить в том виде, в каком драму эту играли в Еврейском театре у великого режиссера и актера Михоэlsa. Дирекция Театрального института наложила вето на идею Арама. Он же не хотел ставить ничего другого. Дирекция уперлась. Арам не пошел на компромисс, не получил диплома и подал документы на выезд в Израиль. Подал одновременно с сестрой Лией, ее мужем Исавом и маленьким Сидом. Им всем отказали. И вот тогда Араму пришла в голову идея организовать подпольный еврейский театр. Арам стал там режиссером и ведущим актером. Он был создан для сцены. Рослый, с горящими глазами, с мощным голосом, в шапке цыганских кудрей и с курчавой бородой, Арам был рожден, чтобы играть еврейских героев: Бар Кохбу, Иуду Маккавея, Владимира Жаботинского.

Лия достойно выступала в паре с ним: стройная, длинноногая, с нежным, удлинненным, как у Нефертити, лицом, напряженными, чуть вытянутыми губами, красивой грудью и волнующими бедрами. Она любила носить шелковые цветастые платья с глубоким вырезом. Примерно тогда на горизонте нашего подпольного театра появился Гомер.

Он был профессиональным переводчиком с греческого. Чаще всего это были технические или медицинские переводы. Гомер пробовал себя и в художественной литературе. Например, он перевел пьесу современного греческого драматурга Петропулоса «Давид и Голиаф» и начал предлагать ее разным театрам. Сначала театрам Москвы и Питера. Потом Архангельска и Новосибирска. Затем Тулы, Калининна, Омска и Барнаула. Ему отказывали. Даже иробидажский театр отказал. Гомер потратил весь гонорар, полученный в разное время за переводы для реферативного журнала, на почтовые расходы и телефонные переговоры с завлитами театров, но ему вежливо говорили «нет», даже не объясняя причины. Да и не надо было объяснять. Какая цензура позволит ставить пьесу, в которой еврейский пастух Давид побеждает циклопа-палестинца?! Гомеру советовали: «Ты нам предложи пьесу, хоть греческую, хоть турецкую, лишь бы с современным и прогрессивным сюжетом». Среди хороших таковых не нашлось. Зато он открыл для себя замечательного греческого поэта Кавафиса. Гомер просто бредил стихами Кавафиса.

Он знал почти всего Кавафиса и многое перевел. На этот раз Гомеру страшно повезло. Его переводы напечатали в журнале «Иностранная литература». С ним заключили договор на издание книги Кавафиса на русском. И не кто-нибудь, а издательство «Радуга». Он почти стал знаменитостью. Но давняя мечта увидеть на сцене «Давида и Голиафа» не оставляла Гомера. Так он пришел в наш подпольный еврейский театр.

Отчетливо помню день и час, когда Гомер пришел к Араму. Был вечер холодного апрельского дня начала восьмидесятых. Красное, как георгиновый куст, солнце падало за колокольню Елоховской церкви. Мы репетировали в квартире Ильиных. Их дочка Надя, рыжеволосая, очень хорошенькая, изображала сестру Бени Крика Двойру, которую выдавали замуж. Арам ставил «Одесские рассказы» Бабеля. Сам играл налетчика Беню, а Лия – красивую русскую девушку Катюшу. В это время в квартиру позвонил Гомер. Из-за шума (мы играли в полном составе, клязьмерский квинтет весь был на месте: скрипка, аккордеон, гитара, ударник, труба) никто не услышал, как в дверь позвонили, никто не видел, как кто-то вошел и, тихо улыбаясь, смотрел нашу репетицию. Это был Гомер в черном драповом пальто с накинутым поверх белым шелковым шарфом. Волосы цвета осеннего дуба расчесаны, намажаны и разведены белой линией пробора. Впору было бы увидеть белую гвоздику в петлице пальто. Стройный, утонченный, загадочно улыбающийся аристократ. Мы репетировали в кабинете-библиотеке. Актеры располагались посредине. Музыканты сидели на стульях, приставленных к стеллажам. Зрители и дублеры сбились в кучу на кожаном диване весьма почтенного возраста. Подозреваю, что «времен Очакова и покорения Крыма», – до того сморщенной была его белесая слоновья шкура. Гомер слушал, уставившись на Лию. Она остановилась. То есть перестала задирать в пляске голые дразнящие ноги и распевать залихватскую одесскую песню: «Гоп са смыком эта буду я...», сочиненную из смеси еврейских и русских жаргонных слов. А до того, как перестала распевать, она (Катюша) кокетничала с Беней (Арамом), призывно покачивая бедрами. Остановились и другие актеры. Оркестранты перестали играть. Гомер подошел к Лие, взял ее за руку и прочитал любовные стихи (потом мы узнали, что это из Кавафиса):

«Θαῖτ ἰτὶ τὸ ἰάοιέμει,

εἰεὶ τὸ δαῖτ ἰτ ἄμ ἑρᾶεε,

ἰά οἰέμει εἰεᾶ ἑρᾶε,

ἰά οἰέμει ἰά ἄεᾶ ἰφ ἄεᾶό

ēpāāē,

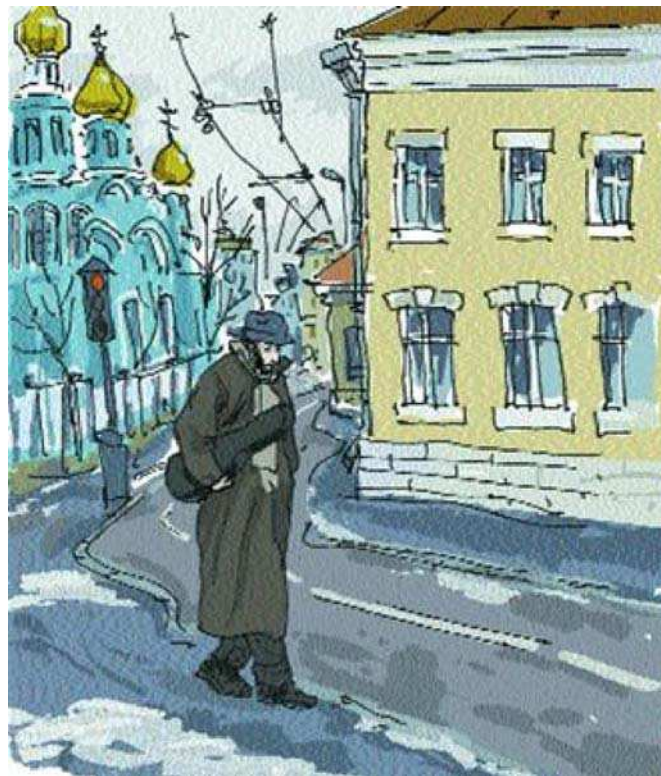
ēīōīōāy pēāāōō ēāēāīīō

āqēyāō

āīqēpāēāīīūō ē ēāēāīēīīōā

ēpāīāīīāī ēōēēā...»

Прочитал, глядя на Лию, лицо которой освещало красно-георгиновое, уплывающее за колокольню солнце. Прочитал стихи, держа Лию за руку, а потом поцеловал ее длинные пальцы с красными виноградинами ногтей. Она сказала: «Спасибо». И поцеловала Гомера в щеку.

Муж Лии, Исав, никогда не засиживался на репетициях, хотя тоже был яростным фанатом нашего театра. И, конечно же, верил в сценическую звезду своей жены. К сожалению, ему всегда было некогда. Он вечно спешил. В спешке забегал на репетицию, в спешке исчезал, в спешке ел, пил, спал. Наверняка, и целовал жену в спешке. Зато никто не мог так мгновенно слетать куда-то в даль собачью, чтобы достать нужный кусок картона для декорации или фонарь для световых эффектов. Фонарь с желто-сине-зелено-красными фильтрами. Или невероятного фасона парик. Словом, всяческий реквизит, который именно сейчас, немедленно, требовался гениальному режиссеру Араму для воплощения новейшей его сценической идеи. Исав выслушивал просьбу, звонил кому-то, мчался куда-то, доставал все необходимое и мгновенно исчезал по своим делам, направленным на добычу денег и продуктов для семьи. Он, как правило, вечером заезжал за Лией и маленьким Сидом на своих «Жигулях»-шестерке, которыми очень гордился, подрабатывая, к тому же на них, как нелегальный таксист. Заодно подвозил кого-то из нашей семьи или всех вместе. Мы жили на остановку ближе, чем Исав, Лия и маленький Сид. Мы – у метро «Аэропорт», они рядом с «Соколом». Исав был невысоким темноволосым крепышом. Он сгорал от переизбытка энергии. В самый лютый мороз носился по Москве без шапки и с распахнутым воротником рубахи. Волосы выползали из-под рубашки, как дым из жаровни. Исав обожал свою Лию и своего маленького Сид.

Арам и Лия были близнецами. Оба яркие, красивые, горячие, цыганистые. Как породистые арабские кони, готовые сорваться, услышав сигнал, и мчаться по беговому кругу под рев трибун до самой победы. Мы все были так увлечены театром, так заняты повседневными грошовыми заработками, так поглощены непрерывной упорной борьбой за получение выездных виз, что поначалу не заметили

влюбленности Гомера и Лии друг в друга. Конечно, мы видели, что Гомер все чаще и чаще приходит на наши репетиции, вступает с Арамом в обсуждение пьесы, написанной режиссером на основе рассказов Бабея, словом, день за днем все больше становится нашим коллегой. Он был щедрым малым, этот переводчик с греческого языка. То в морозный день притащит пакет, набитый горячими «с пылу, с жару» пирожками, купленными у метро, то в июльскую жару принесет охапку «эскимо» на палочке для всей труппы, то подарит каждой актрисе букетик ландышей. Но постепенно мы стали замечать, что Гомер и Лия все чаще застывают в каком-нибудь углу нашего «репетиционного зала» и говорят-говорят-говорят – о чем-то наверняка хорошем и романтическом, потому что бесперерывно улыбаются, иногда касаясь пальцами плеч, щек, рук друг друга. Это все всплывает в воспоминаниях теперь, когда история пришла к абсолютному концу. Так бывает очевиден исход грозы: потемнело, налилось, засверкало, отгремело, излилось, утихло... Или: потемнело, налилось, засверкала молния, дом сгорел от пожара. А тогда? Слишком тяжела была наша жизнь в отказе, чтобы присматриваться к чьим-то мимолетным увлечениям. Если кому-то что-нибудь даже и увиделось.

Наверняка они говорили о возвышенной любви. Но и о реальной жизни говорили.

– Лия, вы замечательно играли сегодня.

– А вчера?

– И вчера.

– А позавчера?

– Каждый день.

– Если каждый день играть одно и то же, надоест смотреть.

– Мне никогда не надоест.

– Что значит – никогда?

– Лия, вы любите Исава?

– Он мой муж и отец Сида.

– Я буду вашим мужем и отцом Сида.

– Это убьет Исава.

– А так погибаем мы оба.

– Что будет с Сидом?

– Я усыновлю его.

– Но для этого мне надо развестись с Исавом.

– Конечно! Лия, любимая! Ты разведешься. Мы поженимся, и я усыновлю Сида.

– Исав на это не согласится!

– На развод?

– И на развод, и на усыновление. К тому же придется забирать документы из ОВИРа. И мне, и Исаву. И переподавать на выезд с самого начала. Ты меня любишь, Гомер?

– Очень!

– Тогда все можно сделать. Я разведусь с Исавом. Мы поженимся. Нам пришлют новый вызов из Израиля. Мы подадим на выезд втроем: я, ты и Сид.

– Я люблю тебя, Лия.

– И я тебя, Гомер.

– Пускай Исав уезжает, а мы останемся здесь.

– Ты не хочешь ехать с нами?

– Я вообще не хочу уезжать. Я хочу жить в России, переводить с греческого на русский, любить тебя. Это все, что мне нужно, Лия.

Думаю, такие разговоры происходили у них нередко. Разговоры разговорами, а любовь любовью.

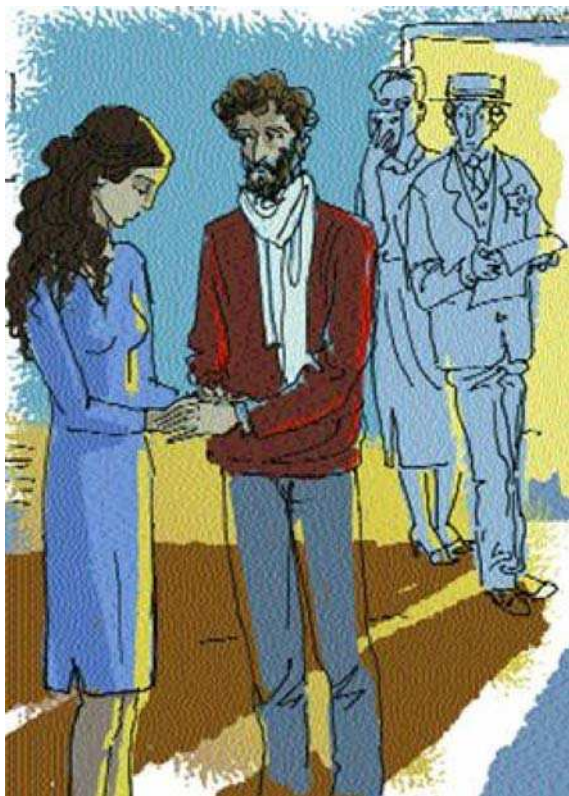

Пьеса по рассказам Бабеля была поставлена в сентябре восемьдесят второго. Кажется, так. Потому что потом наступили последние годы «отказного» нашего существования, еще более безнадежные. Да, пожалуй, наш театр помогал отказникам выжить. Пьесу мы играли на разных квартирах, кочуя по Москве со всем реквизитом. Знали об этом власти? Не сомневаюсь – знали. Почему же делали вид, что не замечают? Время было сложное: Афганистан, где бесславно увязли советские войска, хронические неурожаи, вынуждавшие просить Америку и Канаду поставлять в СССР зерно, какие-то глубокие разногласия между ЦК и КГБ, да и внутри каждой из этих дьявольских организаций. Словом, власти запихнули нас в мешок отказа и ждали подходящего момента, чтобы выслать в Сибирь или продать, получив за это какие-то неслыханные барыши. А пока наш подпольный театр продолжал существовать. Арам приступил к постановке пьесы Петропулоса «Давид и Голиаф», переведенной с греческого Гомером. Вполне понятно, что Арам играл Давида, а Лия – его возлюбленную, Авигею, жену богатого и злого Навала, которого Г-сподь покарал смертью. Покарал смертью, а жену его Авигею отдал Давиду, победившему злого Голиафа. Такой вот мифологический сюжет, отчасти совпадавший с реальностью, репетировала наша труппа. Правда, Исав был добрый, а не злой. К тому же он так любил Лию и Сиду, что пересиливал свою ревность. Поскольку Гомер не собирался уезжать, а Лия твердо решила эмигрировать, то не было смысла затевать развод.

Воспроизвожу только то, что видел сам. Исав больше не заезжал за Лией и Сидом. Их провожал Гомер на такси. Дела у Гомера шли хорошо. В Театре драмы и комедии приняли в его переводе пьесу древнегреческого драматурга Аристофана «Облака», а в Питере выходил переведенный Гомером исторический роман одного из современных греческих писателей. Все знали об адюльтере. Вначале кто-то их осуждал, кто-то оправдывал, кто-то даже перестал знаться с Лией, а некоторые и с Исавом (за его «беспринципность»). Но пять лет – большой срок. Почти тюремный. Так что разговоры улеглись, и близость

Лии и Гомера стала рутинной. Мы встречались с влюбленными не только в нашем театре. Страсть их, казалось, стала еще сильнее. Это видели все – на репетициях, спектаклях и «в свете». Для нас «светом» были встречи у американских дипломатов с просмотром новых кинофильмов, обильными угощениями и возлияниями. Лия ходила на просмотры с Гомером. Чаще всего такие вечера устраивались американским атташе по культуре или его помощниками. Начался последний год нашей «отказной» жизни. Мы, конечно, тогда не знали, что последний, но чувствовали приближающиеся политические перемены и надеялись, что вот-вот получим разрешение на выезд. Особенно это ясно стало после Чернобыля. С тревогой ждала перемен Лия, все еще надеясь, что Гомер в последнюю минуту передумает, получит вызов из Израиля и подаст документы в ОВИР.

Однажды мы с женой были приглашены в гости к американскому дипломату Двэйну Макроу и его жене Изабел на просмотр мюзикла «Скрипач на крыше». Была весна, но пока еще хмурая, неустойчивая. В стране начались перемены. И тем не менее каждый поход в дипломатический дом был рискованным. Но у нас не было выхода. Американские дипломаты были единственными, кто поддерживал нашу борьбу за выезд. Супруги Макрой жили в многоэтажном доме на Кутузовском проспекте. Как раз напротив пирамидальной громады гостиницы «Украина». Дипломатический дом был отгорожен от проспекта каменным забором с воротами, у которых дежурили вооруженные милиционеры, выполнявшие роль пограничников. Мы должны были терпеливо ждать, пока хозяин выйдет и проведет нас через охраняемые ворота. Мы с женой пришли раньше и ждали, беседуя о всяких незначущих вещах, чтобы заполнить вязкое ожидание. Белесое солнце, как летучая мышь, скользнуло крылом по милицейской будке и свалилось за Триумфальную арку в конце Кутузовского проспекта. Вскоре пришли Лия с Гомером. Мне показалось, что глаза Лии опухли и покраснели, будто она недавно плакала. Гомер был необычно замкнут. Наконец, из ворот вышел Двэйн Макрой, высокий красивый белоzubый. Его сияющая улыбка на темном лице, казалось, разогнала тучи ненастного мартовского дня. Мы прошли мимо охранников, вошли в подъезд и поднялись на лифте. У Макроев было тепло, уютно, безопасно. Да, пожалуй, нигде, кроме квартир наших друзей из американского посольства, мы не чувствовали себя спокойно. Хотя и это, в сущности, была иллюзия. Понятно, что каждое наше слово прослушивалось и записывалось на магнитофон совдеповской службой безопасности. Мы к тому времени научились выбирать слова или заменять их жестами. Или пользоваться блокнотами с самостирающимися записями. В прихожей громоздился айсберг холодильника с охлажденным пивом. На столике в телевизионной комнате теснились блюда с колбасами, сырами, зеленью, сладостями. Бутылка с калифорнийским «Ширазом» была гостеприимно откупорена. Из кофейника шел экзотический запах. Мы пили, закусывали и смотрели «Скрипача на крыше».

Фильм кончился. Мы допивали вино и кофе. В воздухе еще плыла главная музыкальная тема: тема любви и печали. Разговор зашел о соотношении любви и жертвенности. Изабел, жена дипломата,

сказала: «Когда любишь по-настоящему, жертвовать собой ради любимого человека – это само по себе наслаждение!» Дипломат и его жена были афро-американцами, пылкими, искренними людьми. Каждое слово Изабел шло из глубин души. Моя жена спросила: «Изабел, милая, вы говорите вообще или ваши слова основаны на собственном опыте?» Все посмотрели на хозяйку: что она скажет? А Лия попросила, словно о помощи: «Пожалуйста, расскажите о себе. Я уверена, вы пережили нечто подобное...» Она не уточнила, о чем идет речь, но мы поняли. Изабел посмотрела на мужа. Он наполнил наши бокалы «Ширазом» и улынулся жене. Изабел стала рассказывать: «Я родилась в деревне неподалеку от городка Сельма, что в штате Алабама. Мой отец был фермером среднего достатка. Он мечтал, чтобы хоть кто-нибудь из пятерых его детей окончил колледж. А потом, по возможности, выучился на врача. Такая была мечта у моего покойного отца. Я училась хорошо, и выбор отца пал на меня. Я окончила колледж при Бирмингемском университете и была принята на медицинский факультет. Уже студенткой второго курса на вечеринке у друзей я познакомилась с молодым талантливым дипломатом. Он приезжал в Бирмингем навестить свою мать. Мы начали переписываться. Он звонил мне чуть ли не каждую неделю. Потом снова приехал. И пригласил меня в Вашингтон. Музеи, театры, ночные клубы. У фонтана перед зданием Конгресса он сделал мне предложение. Я вернулась домой с бриллиантовым колечком на безымянном пальце. Мы решили, что летом поженимся, я останусь в Бирмингеме получать диплом врача, а потом навсегда приеду к нему в Вашингтон. Но жизнь рассудила иначе. Моего жениха неожиданно направили в Латинскую Америку на пять лет. Он примчался ко мне. Надо было немедленно выходить замуж, бросать университет и уезжать с ним... Или... Я выбрала Двэйна». Лия обняла и поцеловала хозяйку: «Спасибо, Изабел, милая. Спасибо вам всем! Гомер, нам, пожалуй, пора». Они ушли. Мы сидели молча. Каждый знал, какое трудное решение предстоит теперь выбрать Лие и Гомеру.

В мае мы получили разрешение на выезд. Началось какое-то движение. Регулярно звонили друзья-отказники: «Визы выдали тем-то и тем-то». Еще и еще. Мы погрузились в предвыездную суету. Надо было выполнить тысячу формальностей, в том числе получить разрешение Ленинской библиотеки на вывоз книг. Не всех сразу, а каждой в отдельности. У любого из нас были особенно дорогие сердцу издания, с которыми прошла жизнь и которые, как близких друзей, нельзя было бросать: Пушкин, Шолом-Алейхем, Есенин, Эренбург, Ахматова... И не только они: еще и профессиональные справочники по инженерному делу, медицине, истории, литературе, музыке... Мы с сыном набили два портфеля книгами и отправились в Ленинскую библиотеку. Отдел, где проводился досмотр, находился на задах библиотеки, в маленьком переулке, выходящем на Калининский проспект. Кое-какие книги пропустили, за некоторые мы заплатили пошлину, а многие «запретили к вывозу». Такую суконную формулировку выдавала из себя бесцветная дама, высккивавшая имя, фамилию автора и название книги в конторской книге, проштампованной тюремными печатями. После «селекции» мы с сыном вышли из этого отдела несколько подавленные. Тем неожиданнее была наша встреча с улыбающимся, энергичным Исавом, тащившим на спине туристский рюкзак, набитый книгами, как трюм грузовой баржи – товарами. Рядом с Исавом шагал Сид, быстроглазый подросток, на спине которого громоздился другой рюкзак, поменьше. Мы остановились. Как всегда уверенно, без тени сомнений или колебаний, Исав сказал: «Взял билеты до Вены. Первый класс! Иначе Лиичка не хочет. Дел невпроворот! Но мы все успеем. Главное, что получили визы!» Я согласился, что это, конечно, самое главное. Мы пожелали им счастливого перелета. Они нам. Темные волосы клубились на голове Исавы и вылезали у него из-под рубашки, как дым реактивного самолета.

Мы видели, как вся троица (Исав, Лия, Сид) мелькала на бульварах Вены, где по вечерам музыканты в разноцветных средневековых костюмах и шляпах с плюмажами играли Моцарта, Сальери и Штрауса. Сквозь витрины игрушечных кафе можно было наблюдать, как благополучные венцы степенно лакомятся пирожными или невероятно аппетитными венскими булочками. Как медленными глоточками отпивают свой венский кофе из игрушечных венских фарфоровых чашечек, чуть раскачиваясь на вензелеподобных венских стульях. Да, да! Иногда (или нам казалось?) мы видели в окнах кафе Исавы, Лию и Сида. Потом нас перевозили из Вены в Рим под охраной автоматчиков (впервые возникла тема терроризма!), и ранним утром я увидел в коридоре поезда лицо Исавы, освещаемое вспышками солнца, сменяемыми черноту тоннелей. Освещаемое солнечными вспышками, как отблесками выстрелов. Мы видели это святое семейство и в Риме. Около пустоглазого Колизея. Сид кормил обрезками колбасы длинноногих бродячих кошек, предкам которых некогда доставались объедки с пиршественных столов Нерона и Веспасиана. Сид кормил, а Исав и Лия молча наблюдали за ним, никого не замечая вокруг. Мы встречали их среди толпы на площади перед собором Св. Петра, в Ватиканском музее, на вилле Боргезе. Они останавливались около мраморных красавиц античного мира, но глаза Исавы смотрели только на Лию. Мы старались не сталкиваться с ними лицом к лицу. Мы боялись прикоснуться к открытой ране. А говорить о пустьках не получалось. Вообще не хотелось возвращаться к прошлому. Но в конце концов пришлось.

Из Рима нас переправили на побережье Тирренского моря в город Ладисполь. Там, пользуясь покровительством еврейских благотворительных организаций, бывшие отказники должны были жить около двух месяцев и снова ждать виз. На этот раз въездных – в Америку. Кроме того, нас опекал любовичский

раввин. Добрый малый, он носился по Ладисполю на мотоцикле, заставляя невероятно страдать несколько православных старушек, эмигрировавших вместе с русскими дочками и евреями-зятьями. Старушки не знали, как им быть: отрещиваться от моторизованного иноверца или креститься, чтобы Г-сподь помог ему не сломать шею? Очень уж сердечный человек был любавичский раввин. Он подкармливал старушек (еврейских и православных) конфетами и персиками. При синагоге были библиотека и спортивная площадка. Так что я, заходя за книгами, наблюдал играющего с другими детьми Сиду и читающую в тени платана Лию. Мы обменивались несколькими дружескими фразами. По вечерам, когда июльско-августовская жара спадала и божественная приморская прохлада опускалась на землю, мы прогуливались по прибрежной улице, останавливались потолковать у фонтана с московскими приятелями, или фланировали вместе с коренными ладиспольцами по главной улице; кажется, то была виа Гарибальди. А может быть, виа Виктория... Бывало, нас догонял Исав. Он успел загореть, как араб. Темные разводы пота разрисовали ему рубаху, волосы, по обыкновению, лезли из нее наружу жесткими завитками, и ветер свистел вокруг его головы. Он догонял нас, останавливался на секунду, спрашивал, не видели ли мы Лию и Сиду, бросал на ходу: «Хозяин, у которого мы снимаем квартиру, устроил меня к своему брату на бахчу. Собираю и грузу арбузы. На бахче вместе с поляками. Они ждут визы в Канаду. Плохо, что ли? (Это – и о поляках, и об арбузах). Ешь от пуза и бери домой!» В рюкзаке перекатывалась тяжелая голова арбуза.

Однажды мы встретили всю семью у фонтана. Было воскресенье. Выходной день на бахче или все арбузы собраны? Мы болтали о пустяках. Сид кружил на велосипеде («Нашел на свалке. Починил-почистил. Как новенький!») Это Исав о велосипеде). Мой сын ушел погулять с компанией молодых итальянцев. Мы стояли около фонтана среди эмигрантов. Исав не мог и минуты прожить без дела. Он рванулся («Я вернусь через минуту!») и куда-то побежал. Жена спросила: «Лия, как ты?» Та подняла глаза, полные тоски. «Я зайду к вам на днях. Можно?» Примчался Исав с букетом «эскимо» на палочках, невообразимо вкусных. «Желато! Желато!» – непрерывно слышалось в толпе фланирующих ладиспольцев. Для нас, эмигрантов, даже мороженое было невероятной роскошью. А тут целая охапка самых дорогих желато! Да, Исав гусарствовал, как молодой ухажер!

Мы ужинали на кухне. Через открытый балкон доносились голоса детишек, музыка из кафе, вечерние шумы приморского итальянского городка... В тот миг, когда я потянулся за двухлитровой зеленой бутылкой столового вина, в дверь позвонили. Это была Лия. Лицо ее распухло от слез, волосы в беспорядке падали на лоб, плечи, шею. Она была в истерике. Она не могла говорить, а только рыдала, повторяя: «Я больше так не могу, не могу, не могу...» Мы пытались успокоить ее. Говорили о сыне, о долге, о чем-то еще, обо всех najważнейших и ничемных в ее теперешнем состоянии вещах. Говорили как нормальные люди и члены семьи, защищающие ее нормальность, упрямо отрицающие все, что эту нормальность способно разрушить... Словом, как могли, мы успокоили Лию (успокоили, конечно, только внешне), посадили ужинать, налили вина. Начали вспоминать свой «отказной» театр, актеров, музыкантов. И, конечно же, Арама, нашего режиссера, брата Лии. Он уехал в Израиль. «Может быть, и мне надо было ехать в Израиль? Или остаться в Москве? Но как же Сид? Ведь через несколько лет – армия». Она снова зарыдала. В конце концов за Лией пришел Исав и увел ее домой.

Мы оказались на побережье Атлантики, в Бостоне. Они – на Тихом океане, в Сан-Франциско. Год или полтора перед праздниками мы обменивались поздравительными открытками. Потом все оборвалось. Ничего удивительного. Несколько лет ушло на привыкание, поиски работы, обретение новых знакомых и приятелей, словом, всего, что входит в понятие эмиграции. Наши открытки, адресованные Лие и ее семье, начали возвращаться. Их открытки, отправленные нам, наверняка тоже не находили адресатов. Поначалу приходится часто менять жильё.

Лет через десять после переселения в Америку мы решили поехать в Израиль. Времена там по-прежнему оставались беспокойными. Но откладывать поездку снова и снова было невозможно. Да и наступит ли когда-нибудь покой на этой земле? В Иерусалиме и Тель-Авиве жили родственники, друзья. Ведь Эрец – это магнит, который пробудил в нас желание иной жизни и в конце концов оторвал от России. Мы с женой отправились в Израиль, получив приглашение остановиться в Мишкенот Шаананим – Иерусалимском центре литературы и искусств. Он начал строиться в середине XIX века английским аристократом еврейского происхождения сэром Мозесом Монтефиоре. Центр этот был задуман как пристанище для евреев, совершающих паломничество к святыням иудаизма. Прежде всего – к Стене Плача. Студии-кельи, одну из которых предоставили нам с женой, стояли у подножия старинной ветряной мельницы, тоже принадлежавшей семейству Монтефиоре. Все это напоминало монастырь. Стены нашего жилища были сложены из крупных кусков гранита. Студию каменной оградой отделили от оврага, окружавшего Старый Город. Овраг пересекали тропы, круто спускавшиеся к едва видимой сверху и утрамбованной тысячелетиями каменной дороге. Можно было часами стоять и смотреть на Старый Город, паривший над миром, как божественная сфера. Чтобы попасть туда, следовало по тропе спуститься на дно оврага, пересечь каменную дорогу и снова вскарабкаться вверх по тропе. Вискарабкаться к воротам. От

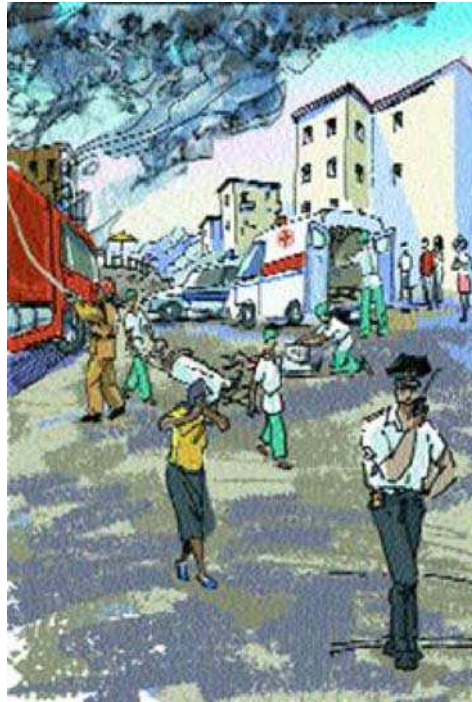
оврага вправо отходил узкий мрачный «рукав», заросший бурьяном; над ним-то и возвышались остатки ворот. Это было Ущелье Геенны, где обитали души грешников. Мессии предстояло пройти через эти ворота, пересечь Ущелье Геенны, спасти несчастных мучеников, подняться вверх, войти в Главные Ворота Иерусалима, дойти до Стены Плача и восстановить Храм.

У входа в нашу студию-келию росло молодое гранатовое деревце: ствол сантиметра три в обхват, несколько веток у вершинки. Боковая веточка – с единственным красновато-коричневым плодом. Трещина, разломившая верх плода, сползала вниз как ущелье. Гранат готов был взорваться от набухших зерен. Если идти вправо вдоль каменной ограды, то через полкилометра окажешься у ступенек ресторанчика, веранда которого буквально нависала над Ущельем Геенны. Мы иногда завтракали или обедали в этом ресторанчике. И в тот раз мы неспешно шагали туда вдоль ограды, каждые несколько минут останавливаясь, чтобы порадоваться очередному виду Старого Города, открывшемуся сверху. Это была хрустальная сфера внутри голубого поднебесья. А в ней сияли купола храмов: золотые, синие, зеленые. Хотелось думать о вечном счастье, о вечной жизни, о бессмертной любви. «Как там наша Лия?» – неожиданно спросила жена. «Почему ты вспомнила о ней?» Как истинный еврей, я ответил вопросом на вопрос. «Забыла тебе сказать, перед отъездом звонил Островский. Помнишь, он играл Голиафа?» – «Конечно, помню!» – «Так вот, Островский сказал, что Исав переехал из Сан-Франциско в Иерусалим». – «А Лия? Сид?» – спросил я. «Наверно переехали с ним, – ответила жена. – Впрочем, кто знает?» Такой разговор был у нас в то утро, пока мы шли завтракать в ресторанчик над Ущельем Геенны. Мы сели за стол у края веранды, заказали кофе, омлеты, булочки и принялись снова рассматривать Старый Город. Где-то вдалеке от Ущелья раскинулась по склону Масличной горы Оливковая роща. Та самая, где был схвачен римскими легионерами Иешуа Назаретянин. Я сидел спиной ко входу на веранду. Официант ушел на кухню выполнять заказ. Вдруг жена вскрикнула: «Посмотри – Лия! И с кем! С ума сойти!» Я оглянулся. В дверях стояла Лия с бело-голубой детской коляской. С нею был Гомер. Мы не знали, что делать и говорить. Подавленные? Ошеломленные? Потрясенные? Наверное... В общем, полные смятения, крамольных мыслей, вполне уместных в данном случае суеверий и прочей нигилистически-метафизической белиберды, мы не знали, как себя вести. С какими словами подойти к новоявленной троице? Радоваться за них? Снова огорчаться из-за Исав? Бесспорно, девяносто процентов сомнений принадлежали мне и только десять – моей не ведающей колебаний жене. Она вскочила со стула и побежала обнимать Лию и Гомера. Я пошел вслед за ней, раздираемый противоречивыми чувствами. В коляске лежал малыш. Ему, по-видимому, было меньше годика. Он перебирал цветные целлулоидные шарики на нитке, протянутой поперек коляски, и весело гулил на языке детей, птиц и ангелов. «Это Давид, – сказала Лия. – Помните, мы играли в пьесе Гомера?» «Мы как раз недавно об этом вспоминали! – сказала моя жена. – И об этом, и обо всей нашей жизни в отказе».

Но какое это имело значение теперь, когда в коляске лежал маленький Давид, беседуя с людьми, с ангелами, птицами и побрякивая цветными целлулоидными шарами? Мы уселись за стол, и Лия рассказала, как все произошло.

«Вы помните, мы с Исавом и Сидом поселились в Сан-Франциско. Исав выучился на компьютерщика и получил работу. Мы сняли хорошую квартиру. Сид пошел в школу. Я подыскивала работу себе. Еще перед отъездом из России мы решили с Гомером, что наш роман кончен навсегда. Он обещал, что не станет разыскивать меня. Я поклялась, что напишу ему только через десять лет. Через десять лет, когда, может быть, мы совсем успокоимся. Я старалась не думать о Гомере. Ходила на курсы английского языка. Даже с друзьями старалась не переписываться и не перезваниваться, чтобы не бередить рану. Даже с Арамом, моим любимым братом, мы не говорили о Гомере, когда я звонила ему в Иерусалим. Только иногда я срывалась... «Ты однажды и нам звонила из Сан-Франциско. Но не могла говорить. Заплакала. Повесила трубку», – вспомнила моя жена. «Да, однажды. Словом, эта мука продолжалась около двух лет. Исав страдал не меньше. А может быть, еще сильнее. Наконец, он не выдержал. Мы объяснились. Можете себе представить, как нам далось это объяснение». «Ты должна позвонить Гомеру. Кто знает, ведь прошло больше двух лет», – сказал Исав. Я знала: Гомер ждал меня. Исав послал ему вызов. Гомер прилетел к нам. Я решила уехать в Москву с Гомером. Мы развелись с Исавом. Надо было решать, с кем останется Сид. Ни я, ни Исав не давили на него. Уже большой мальчик, он должен был решать сам. Он выбрал отца. Мы договорились с Исавом, что на каникулы Сид будет приезжать ко мне. Представляете?! После всего, что с нами было в отказе, снова оказаться в Москве? Конечно, я безумно скучала по Сиду. Но я была счастлива. Мы не могли жить друг без друга. Правда, Гомер? (Гомер улыбнулся и поцеловал Лию в шею). Поначалу приходилось тяжело. Литература не давала никаких заработков. Гомер пошел работать на автостанцию мойщиком. Я научилась делать маникюр. Моими клиентками были богатые дамы из «новых русских». Постепенно литературная жизнь приходила в норму. В новую норму. Гомер попробовал себя в жанре научной фантастики. Получилось. Первый его роман о пересадке человеческих генов шимпанзе разошелся мгновенно. И пошло-поехало. Теперь он знаменитый фантаст. Не хуже Пелевина или братьев Стругацких. («Читали, читали твои романы, Гомер. Занимательно, ничего не скажешь! А вот что рядом с тобой наша

театральная прима в качестве личной музы обитает, даже не догадывались!» – это сказал я). Исав с Сидом переехали в Израиль. Сначала они жили в Иерусалиме у моего брата Арама. Сид окончил школу, отслужил в армии. Теперь учится в университете. Исав живет с ним. Так и не женился во второй раз. Мы прилетели из Москвы только вчера. Договорились встретиться с Исавом и Сидом в этом кафе. Какое совпадение, что и вы тут оказались!

«Так вы ждете их здесь?» – спросила моя жена. «Ну да! С минуты на минуту, – ответила Лия. – Они еще не видели Давида». Мы заторопились уходить. Было бы многовато для одного дня. Или и в самом деле у людей есть шестое чувство?

Мы попрощались. Я записал их адреса-телефоны. Они – наши. Я посмотрел вниз. К Ущелью Геенны от Оливковой рощи по склону спускалась человеческая фигурка. Мы крикнули, чтобы наш адрес дали Исаву и Сиду – вдруг соберутся в Америку. Солнце палило вовсю. Начинался жаркий иерусалимский день. Мы вернулись в нашу келью, взяли рюкзак, бутылку воды и карту: пора было отправляться на экскурсию к Мертвому морю. Когда я запираю чугунную калитку, справа, как раз там, откуда мы вернулись, раздался взрыв. Мы бросились назад к ресторанчику – туда, где встретились с Лией и Гомером. Туда, где полчаса назад в детской бело-голубой коляске играл с красивыми разноцветными шариками маленький Давид. Играл и гулил на языке детей, ангелов и птиц. Ресторанчик был охвачен пожаром. Выли сирены. Место оцепили полицейские. Санитары переносили жертвы в машины «скорой помощи».

Назавтра в газетах появилось сообщение: «Молодая палестинская женщина, мать трехлетней девочки и годовалого мальчика, взорвала себя бомбой, убив восемь и ранив одиннадцать посетителей и служащих ресторана. Среди убитых была мать с грудным ребенком. Террористка оставила заявление, записанное на видеопленку: “Моей давнишней мечтой было превратить свое тело в смертельную шрапнель, чтобы уничтожить побольше сионистов и постучаться в двери рая расколотыми черепами наших заклятых врагов”».

Í òí à à à à ñ ÿ ÿ à à ù 2004

ЦАРЬ, ЦАРЕВИЧ, САПОЖНИК, ПОРТНОЙ

(ÆÓDÍ ÀÈÛÍ ÛÉ ÂÀÐÈÁÍ Ò)

Béïá Óáïòáð

Yááðáðó Áíðì àòáí èí

-У прошлого есть одно большое достоинство: его невозможно изменить. – Велвл откусил солидный кусок булки и тут же глотнул кофе из кружки с замысловатым вензелем. В холодном воздухе Цфата кружка курилась, словно маленький вулкан.

Вокруг столика миниатюрного кафе на самом склоне горы сидели четверо: марокканский еврей Эди Азулай в крохотной вязаной кипе, кокетливо прикрывающей стартовую площадку плечи; Велвл – бреславский хасид с пейсами, толстыми, словно корабельные канаты; пламенный хабадник Ури и я. Столик упирался в перила террасы, за которыми сразу начиналась огромное светящееся пространство утра, убегающее к Кинерету. Слева, на более пологом отроге, желтело кладбище кабалистов, справа нависала Галилея, осыпанная зелеными купами олив.

– Оно словно фотография, – Велвл отставил пустую кружку. – Можно увеличить, размножить, развернуть, но изменить – увы.

– Замечательно можно, – Азулай, словно отвечая на вызов, со свистом втянул кофе из одноразового стаканчика. – Размножить, развернуть, подклеить, затушевать, вырезать, прибавить, исказить. Запросто.

– Тогда это уже не прошлое, а другая реальность. Вранье, попросту говоря. Художественная литература.

– Факты сами по себе не имеют никакого значения, – вмешался Ури. Кофе он давно допил и наслаждался первой сигаретой. – Какая нам разница, взяли французы Акко или утерлись несолоно? Главное – какой личный урок вынес ты, товарищ, из египетской кампании Наполеона. Изменился ли к лучшему или жируешь по-прежнему?

Сигарета кончилась. Ури утопил окурочек в кофейной гуще, оставшейся на дне стакана, и, по своему обыкновению, поблагодарил Ребе.

– Да здравствует Ребе – наш повелитель, Ребе – наш учитель, Ребе – святой Мошиах!

То обстоятельство, что самого Ребе уже шесть лет как не было в живых, совершенно не смущало Ури. Для настоящего хасида такие мелочи не имеют никакого значения. Кроме того, Ури искренне верил, что на самом деле Ребе сейчас скрывается в Галилейских горах, прячась от осаждавшей его паствы, словно рабби Шимон бар Йохай от римлян.

– Значит, все-таки есть настоящая история и есть придуманная, – Велвл довольно улыбнулся. – Настоящая состоит из подлинных свидетельств верных свидетелей, а всякую другую строчат всякие другие. Что бы мы знали про Аризала*, – он кивнул головой в сторону кладбища, на желтом фоне которого чернели молящиеся возле могилы Ари, – если бы не Хаим Виталь? Так, россыпь забавных историй, одна половина которых искажена, а другая придумана. Та, что я собираюсь рассказать, – абсолютная правда. Ее передают из уст в уста здесь в Цфате на протяжении трех веков.

– Из уст в уста? – иронически хмыкнул Азулай. – В лучшем случае из уст в уши, а в худшем...

– Нет-нет. Тут все проверено. Сумасшедшие, объявляющие своего Ребе Мошиахом, руки к ней не приложили.

Я бросил взгляд на Ури. Александр Македонский, как известно, великий полководец...

– Рассказывай, – Ури раскурил новую сигарету и, скрипнув спинкой стула, расположился поудобнее. – Когда же еще слушать истории о праведнике, как не в день его смерти: он наверняка бродит где-то рядом, может быть, даже сидит с нами за одним столом. В такой день я чувствую особенный душевный подъем и на мелкие подколы отвечать не намерен.

– Секунду, – Азулай поправил начавшую сползать кипу. – А как узнать, кто верный свидетель, а кто просто болтун?

– Элементарно, Эди! – Велвл вытер пальцы салфеткой, скомкал ее и бросил в стаканчик Ури. – Верные свидетели умеют оживлять мертвых.

Итак, давным-давно, незадолго до всеобщего признания, Аризал учил кабалу в маленьком домике на самом краю кладбища. Домик представлял собой одну комнату, в которой располагались заваленный книгами стол и две скамейки. За дверью толпились ученики, но Аризал выходил только на полчаса в день, окунуться в микве. По его словам, ручей, наполняющий впадину в скале, течет прямо из рая, и погружение в его воды разом очищает человека от многих прегрешений.

Пробиться сквозь строй желающих получить благословение мог только очень настойчивый человек. Впрочем, поскольку все ученики Аризала отличались настойчивостью и упорством – иначе они

просто не стали бы его учениками, – то протиснуться между ними было практически невозможно. Но один раз это все-таки произошло.

В Цфат приехал очень, очень богатый купец из Марокко. Что там у него стряслось, никто не знал, но выглядел он чрезвычайно удрученным и изо всех сил стремился повидать Аризала. Покрутившись возле домика, он не пал духом по примеру прочих незадачливых богатеев, а придумал вот какую штуку. Сам придумал или кто подсказал – история не сохранила. Да и так ли это важно, главное, в один из вечеров неподалеку от домика остановилась вереница телег, груженных разнообразной снедью. Слуги ловко накрыли столы, и купец, низко кланяясь, пригласил святых учеников святого Ари принять участие в пиршестве, которое он давно обязался устроить по случаю удачной финансовой сделки. Ученики Аризала вели чрезвычайно скромный, если не сказать нищенский, образ жизни, и поэтому вид жарящихся на вертелах барашков привлек многих. Короче говоря, ко времени выхода Аризала толпа перед дверью в его домик значительно поредела. Купец, пробившись не без помощи дюжих помощников, уже поджидал в первом ряду.

Аризал выслушал взволнованный шепот богача, нахмурился и пригласил его войти. Ученики обомлели. Такое случалось крайне редко, только если под угрозой оказывалась человеческая жизнь. Известно, что Аризал, непревзойденный знаток практической кабалы, совершал многие дивные деяния не выходя из своей комнатки, рассказы о которых до сих пор передаются из уст в уста.

Через двадцать минут купец вышел из домика, низко склонив голову. Ни с кем не разговаривая, он отправился прямо на постоялый двор. На утреннюю молитву купец явился одним из первых, и Аризал, мгновенно выделив его из толпы, посадил рядом с собой. О подобном почете ученики могли только мечтать. Впрочем, когда обстоятельства дела стали известны, завидовать купцу перестали.

Выяснилось, что много лет назад он совершил ужасное преступление, какое – никто не знал, и, измученный укорами совести, приехал за наказанием. Наказанием, которое бы загладило его грех. Выслушав все обстоятельства дела, Аризал объявил, что столь тяжкий поступок может искупить только смерть.

– Я согласен, – тут же ответил купец.

– Но в наше время нет Сангедрина, и смертная казнь не применяется, – сказал Ари. – Кроме того, в такого рода случаях наказание было особенно болезненным – провинившемуся вливали в рот ложку расплавленного свинца.

– Я согласен, – повторил купец. – Святой учитель для меня все равно, что семьдесят один судья Сангедрина.

Ари задумался на несколько минут.

– Хорошо, – наконец произнес он, – семь дней ты будешь поститься, учиться и молиться, а на исходе субботы я сам волю в тебя свинец.

Всю неделю ученики осторожно наблюдали за купцом. Тот вел себя как человек, дни которого сочтены, – молился с необычайным рвением, спал на земле перед порогом синагоги, ел только ночью и только черствый хлеб и пил сырую воду. С учебой дело обстояло хуже: стоило купцу раскрыть книгу, как он моментально засыпал.

В субботу он пришел, одетый во все белое: просторный, напоминающий саван халат, высокий тюрбан, льняные шаровары. Эту ночь он провел не на земле, а на узкой скамейке, на которой обычно спал Аризал. Сам учитель до самого утра просидел на стуле, изучая при свете свечи старинную книгу в тяжелом переплете.

Сразу после Авдолы начались приготовления к казни. Из домика вынесли всю мебель, положили на пол медный лист, а на него установили жаровню. Через час свинец закипел, испуская тяжелый запах смерти.

Купец, белый, как собственный халат, прочитал «Видуй», последнее признание в совершенных прегрешениях, опустил на колени перед жаровней. Аризал зачерпнул почерневшей железной ложкой кипящее варево и приказал:

– Закрой глаза и открой рот!

Купец завел руки за спину, словно опасаясь, что они выйдут из повиновения, и выполнил приказание. Прошло несколько секунд. Из широко распахнутого рта струйкой вытекала слюна.

Аризал протянул руку и положил на язык купца конфету.

Велвл пригладил бороду, с шумом повернулся на стуле и посмотрел в сторону кладбища.

– Когда изумленный купец раскрыл глаза, Аризал погладил его по голове и сказал:

– Ты был настолько готов принять наказание, что ангел смерти отказался тебя забрать, а демоны-обвинители со слезами разорвали приговор. Сейчас твоя книга раскрыта на чистой странице, постарайся больше ее не пачкать.

Купец с трудом поднялся на ноги и неверной походкой выбрался за дверь. На следующий день он уехал из Цфата, и его дальнейшая судьба неизвестна. Известно только, что он оставил городскому раввину крупную сумму денег и попросил выстроить для Аризала нормальную синагогу. Денег хватило и на постройку миквы. Так они и стоят до сих пор, одна на вершине горы, а другая у ее подножия, стоят уже триста лет, то ли напоминая о грехе, то ли свидетельствуя о раскаянии.

Велвл замолк, и на террасе стало тихо. Солнце поднялось чуть выше, и сквозь сияющую дымку проступил Кинерет. Терракотовый склон Галилеи опирался на его влажную голубизну, в белой полоске на стыке с трудом угадывалась Тверия.

Азулай взболтал в стаканчике остатки кофе.

– Совсем остыл. Вместе с моим энтузиазмом доверять рассказам о чудесах. Хотя этой притче я склонен поверить. Тут больше психологии, чем мистики. Кстати, Велвл, а откуда берутся верные свидетели? В смысле – умеющие оживлять. И сколько таких наберется – трое, четверо?

– А настоящая история не нуждается в большом количестве показаний. Для получения Торы хватило одного Моисея...

– Моисея, говоришь... – Азулай поправил кипу и улыбнулся. – Давно хотел спросить, вот ты – бреславский хасид, да?

– Да, – скромно, но не без гордости подтвердил Велвл.

– И ты действительно веришь, будто письмо, полученное несколько лет назад, написал рабби Нахман? Моя простая сефардская голова такого не принимает. Или он не умер в начале XIX века, или письмо фальшивое!

– Кто сказал, что он умер? Сам рабби Нахман объяснил: «не плачьте, я просто перехожу из одной комнаты в другую». А из соседней комнаты не только слышны голоса, но и письма вполне доходят.

– Ну что ж, ты вполне соответствуешь определению верного свидетеля. По крайней мере, одного из мертвых тебе удалось оживить. Поздравляю!

– Принимаю поздравления. Возможно, в общепринятом смысле рабби Нахмана не существует, но для нас, его хасидов, он такая же реальность, как эти горы.

Велвл повел рукой от охряных предгорий Голан через Кинерет, намереваясь завершить движение у вершины горы Мерон, но на его пути возникло неожиданное препятствие в виде шляпы Ури. Шляпа покатила по полу, и Велвл сконфуженно бросился ее поднимать.

– Ладно, чего уж там, – Ури обдул шляпу и осторожно водрузил ее на прежнее место. – Раз хабадник, значит, все можно.

– А что, у смерти есть еще смысл, кроме общепринятого? – вкрадчиво поинтересовался Азулай.
– Интимный такой, для внутреннего пользования?

– Это зависит от того, в какую комнату ты открыл дверь, – глубокомысленно произнес Велвл. – Вернее, какую из дверей сумел рассмотреть в тумане бытия.

– Ты меня запутал, – Азулай поправил кипу. – Двери, комнаты, туман смысла. У вас, ашкеназим, просто каша в голове. Чрезмерная мудрость опустошает. Насколько у нас проще! Как рав Овадия сказал, так и правильно.

– Правильно – это как приближенные объяснили, что рав сказал, – Ури облокотился на стол. – У вас не правление праведника, а диктатура секретариата. Вот за покойным Баба-Сали никто не бегал с разъяснениями. Сам говорил и сам объяснял.

– Много вы знаете про Баба-Сали, – усмехнулся Азулай. – Хотите историю, которую я слышал от очевидца, его секретаря? Но предупреждаю – без насмешек. Тут все правда, ненормальные поклонники давно умерших раввинов еще не успели всунуть свои длинные языки. Почти все участники до сих пор живы, любую подробность можно проверить.

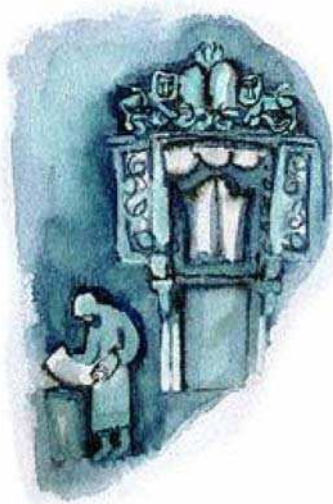
– Давай, – милостиво разрешил Ури, снимая локти со стола. – Тем более: твой черед рассказывать. А за ненормальных поклонников ответишь. Придет Мошиах – расстреляем.

Я бросил взгляд на Эди. Восток – штука тонкая...

– Баба-Сали отплыл из Марокко в Хайфу на исходе субботы, – словно не услышав последней фразы, неспешно начал Азулай. – Обычно рейс занимал двое суток. К изумлению команды, Хайфа показалась на горизонте следующим утром. Всевышний не захотел утомлять праведника морским путешествием и сократил для него путь.

Спустившись на берег, Баба-Сали попросил секретаря немедленно нанять телегу.

– Поспеши, мы отправляемся в Цфат. Город в опасности.

Секретарь давно научился не задавать лишних вопросов. Через час телега со скромными пожитками праведника миновала пропускной пункт порта. Баба-Сали, погруженный в учение, шел следом. В книгах он не нуждался, все необходимые тексты всегда стояли раскрытыми перед его мысленным взором. До самого Цфата праведник прошел пешком, словно не заметив тягот горной дороги.

– Абуя, – несколько раз обращался к нему секретарь, – присядьте на телегу, отдохните немного.

– Каждый шаг по Эрец Исраэл – величайшее блаженство. Неужели я уступлю его бессловесной скотине?

Пристыженный секретарь слезал с телеги и шел рядом. Но очень скоро силы его иссякали, и он снова забирался на облучок. До Цфата путники добрались глубокой ночью. Баба-Сали сразу ринулся в микву Аризала. Окунувшись несколько раз в крошечной темноте, он поспешил к синагоге. Дверь оказалась запертой на массивный проржавевший замок.

– Найди сторожа и попроси отпереть. Если не захочет, скажи: рабби Исраэл Абу-Хацира требует передать ему ключ под личную ответственность.

Секретарь отправился искать сторожа по ночному Цфату, а Баба-Сали приступил к молитве.

Заспанный сторож долго не мог понять, чего от него хотят.

– В этой синагоге давно не молятся, – наконец выдавил он, – все, кто проводит там больше получаса, – умирают. Городской раввин запретил впускать в нее кого бы то ни было.

– Рабби Исраэл Абу-Хацира, – грозно произнес секретарь, – требует передать ему ключ под личную ответственность.

– Как, сам Баба-Сали? – смутился сторож. – Но ведь он живет в Марокко.

– Мы только вчера приехали, – пояснил секретарь, принимая ключ.

Стояла глухая середина ночи. В этот час под перепуганный вой собак на поверхность выходят демоны наказания. Прижавшись к склону горы, Цфат беспокойно спал; лишь иногда из-за плотно прикрытых дверей доносился детский плач или голос женщины, разговаривающей с мужем.

– Ты останешься за порогом, – произнес Баба-Сали не допускающим возражений голосом, – и переступишь его только по моему сигналу. Что бы ни случилось, внутрь не заходи.

Проржавевший замок долго не поддавался; наконец, дужка со скрежетом отворилась. Баба-Сали зажег свечу и напомнил секретарю:

– Что бы ни случилось, оставайся снаружи. И не гаси свечу, ни в коем случае не гаси свечу.

Из-за двери потянуло сыростью и холодом, непонятно откуда налетевший ветерок задул пламя. Баба-Сали налег всем телом на дверь и протиснулся в образовавшуюся щель. За дверью стояла крошечная тьма – как видно, все окна в синагоге были наглухо заколочены. Секретарь зажег свечу и, прикрывая ладонью огонек, поднес руку к проему. Баба-Сали с несвойственной ему быстротой бросился внутрь, к шкафу для хранения свитков Торы. По донесшемуся из темноты скрипу секретарь понял, что створки распахнулись, и в ту же секунду синагогу озарило голубое сияние. Баба-Сали выхватил из шкафа свиток, метнулся к биме – возвышению посреди зала – развернул свиток и принялся читать вслух. Сияние окутало Баба-Сали, словно вода ныряльщика, сквозь его плотный кокон с трудом можно было различить очертания человеческой фигуры. Прошло несколько минут, голос наполнил старое здание до самой крыши, но слов секретарь не различал. Эхо металось из угла в угол, будто преследуя голубые лучи, испускаемые сиянием. Звук боролся со светом, желтый огонек в руке секретаря выглядел смехотворно, и он несколько раз порывался его погасить, но, вспомнив предупреждение, сдерживался.

Сияние начало ослабевать, оседая вокруг Баба-Сали словно пена, и вскоре превратилось в голубой круг на полу. Внезапно круг разомкнулся, превратившись в ленту, и ринулся к дверному проему.

Столкнувшись с огоньком свечи, лента отпрянула и ринулась обратно в синагогу. Совершив несколько кругов по залу, она скрылась в шкафу, озарив его изнутри голубым светом. Баба-Сали продолжил чтение, и через несколько минут сияние исчезло.

– Теперь можешь войти, – произнес Баба-Сали, обернувшись к секретарю.

– Что это было? – спросил секретарь.

Баба-Сали отрицательно покачал головой.

– Лучше тебе не знать. Эрец-Исраэл – сердце мира, а Цфат – сердце Эрец-Исраэл. Нынешней ночью мы избавили еврейский народ от большой опасности.

– Сердце Эрец-Исраэл? – удивленно протянул Велвл. – Мне всегда казалось, что сердце – Иерусалим, а не Цфат.

– При всем уважении к рассказчику, – вмешался Ури, – сердце этой земли там, где пребывает глава поколения. Последние пятьдесят лет оно располагалось в Нью-Йорке, в резиденции Любавичского Ребе.

Собеседники вежливо промолчали, а Ури, обрадованный отсутствием возражений, ответил любезностью на любезность.

– Ну, Цфат, конечно, тоже не пустое место.

С Ури я знаком лет двадцать пять и без ложной скромности утверждаю, что оказал на него значительное, если не решающее влияние. Первый раз мы пересеклись в середине восьмидесятых, точнее я не помню даты. У меня зазвонил телефон.

– Алло? – спросил я усталым голосом. Дело шло к середине ночи и вступать в разговоры не было ни сил, ни желания.

– Кто это там гавкает? – поинтересовалась телефонная трубка.

Я опешил и, моментально проснувшись, парировал:

– А это кто, собственно?

– С тобой, свинья, говорит капитан Жеглов!

Голос звучал торжественно, если не сказать победоносно. Я уже повел руку с трубкой к телефонному аппарату, дабы одним движением покончить с этой бредятиной, когда сообразил, что на меня идет сакральный митьковский текст. Полгода назад у меня гостил митек из Питера, милый парнишка общеинтеллигентного направления без особого рода занятий. Приехав на неделю, он задержался на месяц и, продымив мне внутренности митьковским лексиконом, отбыл – наконец-то! – на хладные берега Невы.

– Ты... фитилек-то... прикрути! Коптит! – произнес я ритуальную фразу.

– Братка, – заверещала трубка, – не обманули, значит, братовья, когда адресок списывали!

Решив на сегодня быть безжалостным, я прервал этот визг решительным ударом прямо под лопатку быку:

– А ведь это ты... ты, Мирон,.. Павла убил!

Прием, конечно, был нечестный, но сработал безукоризненно. Примерно через полминуты молчания из трубки смущенно донеслось:

– Улет! Обсад! Лапы вверх.

– Так в чем, собственно, дело? – произнес я уже обыкновенным тоном. – Только не кривляйся, говори по-человечески.

– Да я вильнюсик посмотреть, собственно, архитектурушку, поведали люди добрые – живет там братан истовый, иконушки покажет, в монастырчики сводит.

– Я, братишка, уже по другой части, – ответил я, соображая, что деваться некуда и что представитель сего сходу предъявит записку от моих старых питерских приятелей с просьбой подогреть и обобрать. Но попытаться отогнать никогда не поздно.

– Синагога, литургия еврейская, кладбище, могила гаона. Это могу.

– Синагогушка, – радостно запричитала трубка, – еврейшки мои милые, жидки ненаглядные, я тоже вашего роду-племени, отворитесь, отопритесь, на могилку к гаонушке хочу, пустите меня на могилу гаона!

Этим он меня купил.

– Ладно, – сказал я, – приезжай. Ты где сейчас?

– Да я внизу, в автоматике. Из окошечка выгляни, я и тут.

Действительно, в будке перед домом кто-то стоял. Значит, я не ошибся, адрес у него был.

– Поднимайся, – сказал я, – только без штучек, входи как человек и не ломай мебель от восторга.

– Хорошо, – сказала трубка нормальным голосом. – Уже иду.

Эдик оказался еврейским мальчиком из Ленинграда, студентом художественного училища. Он прожил у меня около месяца – почти все каникулы. Митьковская дурь начала сползать через неделю, словно кожа после загара, и к моменту его возвращения домой исчезла почти без следа. Чуждые идеи не живут долго, даже при всем внешнем блеске. В Ленинграде он сразу примкнул к хабадникам и во время нашей второй встречи расхаживал в стильном вельветовом картузе и цицис навывпуск. Теперь его звали Ури, а от митьковского периода остались только отдельные словечки в лексиконе. Через десять лет мы снова встретились, уже в Израиле.

– Да, – торжественно промолвил Велвл, – Аризал – это была голова! Нынешнее поколение по сравнению с ним просто пятка, покрытая заскорузлой кожей.

– Но и у пятки есть достоинства! – ответил Ури. – Для гордыни нет места. Какая у пятки гордыня? А Ребе, как хороший сапожник, сшил для нее красивую обувь. Словно знак, что не все пропало, что будущее – прекрасно.

– Типа золушкиных башмачков? – хмыкнул Велвл.

– А Золушка кто такая? – спросил Азулай.

– Ну-у-у, – протянул Ури, – жена одного амстердамского раввина. Круто выделялась на почве благотворительности.

– Да, – подхватил Велвл, – особенно по части обуви. Просто бегала по Амстердаму за босыми сиротками. Как отыщет, сразу обувку покупает.

– А сама-то жила в бедности, хоть и жена раввина, – завелся Ури, – муж только в синагоге сидел, обучался, а там не зажируешь. Такая вот традиция в этой семье была. Отец Золушки все достояние на

благотворительность распустил, оставил дочери лишь грандиозные стенные часы с боем. Огромного милосердия был человечие.

– Башмачки для сироток – просто мелочи по сравнению с филантропией отца, – увлекся Велвл, – словно зола против огня. Оттого и называли ее Золушкой. Другие говорят, как зола пачкает все, к чему прикасается, так и Золушка помогала всем, кто встречался на ее пути. Но было и у нее в семье несчастье. Младшая дочь Золушки, всеобщая любимица, охромела.

– Да, – грустно подтвердил Ури, – как-то в детстве бежала она по дорожке и уколола ножку о ржавую иглу, ножка распухла, воспалилась, а там пошло да поехало, во весь рост. Пока не захромала, бедняжка. Злые амстердамские языки утверждали, будто благотворительность Золушки преследовала совершенно конкретную цель. Мол, дочку хотела отомстить, оттого и бегала с башмачками навывлет.

Велвл бросил косой взгляд на заскучавшего Азулая и продолжил.

– Однажды в студеную зимнюю пору в амстердамской гавани бросил якорь корабль еврейских беженцев из Испании.

– О! – оживился Азулай. – Сефарды!

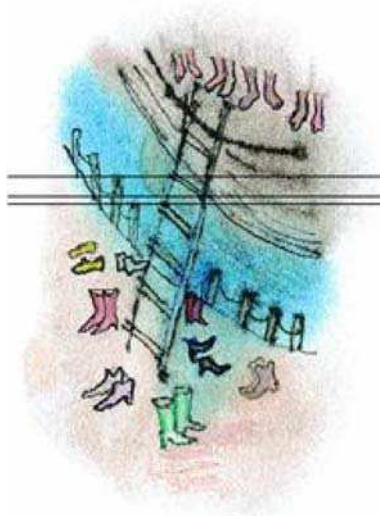
– Самые что ни на есть подлинные сефарды. Инквизиция выгнала их без копейки, да еще и обувь отобрала. А в зимнем Амстердаме босиком не поразгуливаешь. Золушка без секунды промедления снесла часы на соседнюю улицу в лавку ван Акена, знаменитого амстердамского часовщика. Вырученных денег как раз хватило на обувь всего корабля. А на этом корабле приплыл знаменитый доктор Акоста. В родной Кастилии он пользовал министров и даже самого короля, пока кто-то из завистников не написал Торквемаде подлый донос. Из огромной семьи Акосты уцелел только он один. Остальных растерзали в застенках инквизиции злобные ашкеназим.

– Кто-кто? – вытаращил глаза Азулай.

– Альгвасилы, – невозмутимо поправился Велвл, – продажные слуги мировой католической реакции. В благодарность за доброту Золушки доктор Акоста взялся лечить ее дочь.

– И вылечил? – с надеждой спросил Азулай.

– Нет, – ответил Ури, – случай оказался безнадежно запущенным. Но во время лечения кротость и доброта девушки покорили сердце доктора, и вскоре он повел ее под хупу. Невеста хромала, но на это никто не обратил внимания.

Ровно через девять месяцев после свадьбы у Золушки родился внук, и счастливый доктор назвал сына...

– Уриелем, – вмешался Велвл. – От него и пошла славная династия сефардских комментаторов и талмудистов.

– Да, да, – подтвердил Азулай, – у нас в Нетивоте тоже была семья с такой фамилией. Только они не «марокканцы», а из Алжира.

– На обрезание маленького Ури, – продолжил Велвл, – собралось много гостей. Пришел и часовщик ван Акен. Посреди пира он попросил минуту тишины. Когда все смолкли..

– Вот это уже действительно сказки, – буркнул под нос Ури.

– Не мешай, – парировал Велвл, – итак, наступила тишина, ван Акен встал и выложил на стол небольшой мешочек из грубой кожи.

– На прошлой неделе часы, которые я купил у мадам Золушки, остановились, – произнес он в полной тишине. Десятки глаз впились в мешочек, и ван Акен, мягко улыбаясь, продолжил:

– Случай для такого механизма невиданный, и я с большим удовольствием принялся за починку. Причиной поломки оказался вот этот мешочек!

Он поднял его над головой и плавным жестом показал собравшимся.

– В мешочке оказалось драгоценное ожерелье. Посоветовавшись с городским судьей и бургомистром, я рад объявить, что ожерелье по праву наследования принадлежит мадам Золушке.

Ван Акен поклонился и передал мешочек в прекрасные ручки счастливой бабушки. Публика онемела.

– А раввин-дедушка, – подхватил Ури, – благословил бескорыстного часовщика: «Так же, как ты, открыв миру сокрытое, поразил умы присутствующих, так и твои потомки удостоятся видеть сокровенное и поражать умы». И действительно, вскоре у часовщика родился внук, которого назвали Иеронимом, то есть – видящим.

– Прекрасная история! – воскликнул Азулай. – Сколько мудрости, глубины, тайны. Вы позволите пересказывать ее от вашего имени?

Ури и Велвл переглянулись.

– Когда такие почтенные люди, – как ни в чем не бывало продолжал Азулай, – столь добропорядочные евреи рассказывают таковские рассказы, их, несомненно, нужно передавать дальше. И обязательно с упоминанием источника. Не правда ли?

– Ну-у-у, – протянул Ури, – за подлинность истории мы поручиться не можем, давно это было, и верных свидетелей не осталось. Что же касается имен, я предпочту скромный титул «один еврей» – самое достойное, на мой взгляд, определение.

– Со свидетелями, – подхватил Велвл, – вообще беда. Чудес вокруг происходит, судя по рассказам, десятки в день, но как начинаешь искать подлинных очевидцев – якорь не достает дна. Цепочка, как правило, замыкается «одним евреем». Похоже, все чудеса происходят именно с ним.

– Вовсе нет! – воскликнул Азулай. – Вот, например, я – подлинный свидетель одной истории. В Нетивоте жизнь текла размеренно и спокойно, словно в Марокко. Шесть дней евреи работали, на седьмой прекращали всякое дело и предавались покою. Молились не торопясь, потом долго и много ели, спали всласть, ходили в гости. Так оно и шло как завели испокон веков, пока не явились просвещенные ашкеназы и построили в городе бассейн. В будни у кого есть время для купания? – поэтому основной наплыв ожидался по субботам. Самое ужасное состояло в том, что бассейн был общим, то есть для совместного купания мужчин и посторонних замужних женщин. Еще во время строительства Баба-Сали разослал всем

жителям Нетивота письмо с просьбой обходить бассейн десятой стороной, а перед самым открытием по городку пошли слухи, что первый, кто искупается в бассейне, – утонет. Но кого сегодня могут остановить раввинские предупреждения? В первую же субботу у дверей бассейна выстроилась очередь, на травке установили мангалы, принялись жарить мясо, набивать питы хумусом и тхиной вперемежку с пунцовыми стручками перца, а потом, разгорячившись, бултыхаться в прохладной водичке.

Суббота прошла, и ничего не случилось. Ничего не случилось и в следующую субботу, и еще через одну. И только спустя месяц городок облетела страшная весть: утонула первая красавица города манекенщица Ямин. Утонула бессмысленно и страшно, заснув после работы в собственной ванне. Поначалу никто не увязал ее смерть с бассейном, но потом люди припомнили, что именно Ямин в роскошном купальнике «Готтекс» первая вступила в его лазурные воды. После нее остался мальчик двух с половиной лет и муж. Муж был безутешен! Несколько дней он провел на свежей могиле, и весь как-то почернел, скукожился. Через полгода у него начались проблемы с сердцем, а еще через год он умер от избытка жидкости в легких.

Баба-Сали попросил секретаря усыновить ребенка, но ашкеназские чиновники министерства внутренних дел отказали. После долгих хлопот и волокиты секретарю удалось вырвать мальчика из нерелигиозного пансионата, куда его поместили чиновники, и устроить в хороший сефардский интернат неподалеку от дома Баба-Сали. Вот такая история.

– И какое место в ней занимает уважаемый рассказчик? – вежливо поинтересовался Ури.

– Я тот самый мальчик, – ответил Азулай. – И кстати, когда в музее Прадо нашей группе показывали «Воз сена» Босха, экскурсовод объяснял, что Иероним на латинском означает – «святое имя». Возможно, в историю про Золушку вкрались еще неточности, стоит проверить.

– Во весь рост, – прошептал Ури, – с оттягом и во весь рост!

Велвл молчал, только пальцы чуть слышно постукивали в такт лишь ему слышной мелодии. Велвл сочинял, внезапно выпав из разговора. Я знаком с ним больше двадцати лет и могу засвидетельствовать, что вдохновение посещает его в самые неподходящие минуты.

Он приплыл в Вильнюс на байдарке вместе с подружкой, тоже студенткой московской консерватории. Подружка тренировалась на рояле, а Велвл – до ухода в религию Эдик – проходил по композиторскому делу. Байдарку они отправили в Москву малой скоростью, а сами заявили ко мне на недельку, посмотреть Вильнюс.

В те годы сквозь мою квартиру несся поток друзей, знакомых и знакомых друзей со всего Союза. Чаще всего наезжали москвичи и ленинградцы, у которых я не оставался в долгу, при первой же возможности уматывая из Вильнюса в одну из двух столиц. Поскольку интересовали меня живопись, музыка и литература, то поток формировался из частиц, включенных в той или иной степени в эти сферы. После возвращения к религии я ожидал, что напор спадет, но не тут-то было. Изменились только формирующие частицы, а давление скорее возросло, нежели снизилось. Блажен, кто посетил сей мир в его минуты роковые, особенно проживающий в зоне архитектурных памятников. Н-да...

В Израиле с Эдиком, теперь уже реб Велвлем, я встретился в Иерусалиме на свадьбе общей знакомой. Свадьба была раздельная – женщины сами по себе, мужчины сами – и потому очень веселая. Бородатые отцы семейств озоровали, веселя жениха, словно восьмиклассники. Присев отдышаться после особо зажигательного танца за первый попавшийся столик, я обнаружил там Велвла. Борода и шляпа изменили его внешность, но не настолько, чтобы сделать неузнаваемой. Разговаривать в свадебном шуме невозможно, мы обменялись телефонами и начали перезваниваться.

Он закончил консерваторию, написал, по его словам, несколько «забавных вещичек» и уехал в Иерусалим. В святом городе Г-сподь послал ему жену, милую американочку, к тому же оказавшуюся из весьма зажиточной семьи. Сочетание этих обстоятельств позволило Велвлу вести поистине райский образ жизни: первую половину дня он проводил в изучении Талмуда и других интересных предметов, потом обедал, спал часа полтора и до глубокой ночи сочинял. Жена ходила на цыпочках и шикала на детей, чтоб не мешали папе. Нечего сказать, повезло человеку...

Со славой ему подфартило не меньше. Поначалу на его сочинения и смотреть не хотели, вид человека в черной шляпе и средневековом кафтане вызывал у музыкальной общественности только ксенофобию. Помог конкурс, посвященный пятидесятилетию Израиля. Устроители организовали его анонимным в целях объективности и прочего прекраснодушия. Все участники проходили под номерами, и никто из членов жюри не знал истинного облика претендентов. Нежданно-негаданно работа Велвла заняла первое место. В назначенный день он нацепил свой самый черный кафтан, приладил штраймл – огромную меховую шапку и, выпустив цицит чуть не до полу, явился на вручение призов. Пускать его не захотели, привратник вежливо пытался объяснить, что господин перепутал и ближайшая синагога находится через две улицы. Но Велвл не сдавался, человека, способного подняться вверх по Нерису на байдарке, не остановит даже самый исполнительный привратник.

Когда после объявления фамилии победителя он поднялся на сцену, в зале наступила мертвая тишина.

– Сегодня не Пурим, – сдавленным голосом попытался возразить ведущий, но Велвл, вытащив из-за пазухи паспорт, удостоверение личности, водительские права и диплом об окончании московской консерватории, вручил их лично председателю жюри. Враг проник на территорию генштаба и, ехидно посмеиваясь, размахивал знаменем полка. Игра в объективность сыграла с устроителями злую шутку.

Однако деваться было некуда, и Велвла отчествовали по полной программе, включая лазерный диск с его произведениями и концерт в тель-авивской опере. Неожиданно оказалось, что в странном облике композитора есть некоторый шарм, этакая эксцентричная сумасшедшинка, тем более, что при общении он оказался вполне разумным и даже симпатичным человеком. Короче говоря, Велвла признали своим, но с закидонами, и с удовольствием демонстрировали на международных форумах, концертах и прочих ритуальных сборищах – вот, мол, какие птицы водятся в наших краях.

Несколько лет назад он позвонил мне посреди ночи и, сотрясаясь от волнения, изложил сенсационную новость. От беспрестанной дрожи пейсы терлись о телефонную трубку, создавая шум, похожий на морской прибор.

– Вчера реб Шмелке получил письмо от рабби Нахмана. Собственноручное! Двести лет моталось по разным почтам, а вчера пришло.

–И реб Шмелке двести лет подряд ждал это письмо? – ехидно заметил я. Но Велвл слушал только себя.

– Рабби Нахман сообщил нам удивительное заклинание – «лахаш». Тот, кто повторяет его несколько раз в день, круто меняет свою судьбу. Отступают болезни, приходит достаток. Неженатые – женятся, а бездетные рожают. Просто подарок с Неба, а не письмо.

– И ты в это веришь? – не выдержал я. – Предположим, письмо не фальшивка, хотя даже предположить такое мне очень трудно. Но предположим... Теперь объясни, как несколько фраз могут изменить судьбу человека. Только давай без метафизики, сфирот и нониуса полярной звезды в астролябии тувельки. Механизм объясни, тогда поверю.

– Про святой индусский звук Ом слышал? – ответил Велвл. – Его произнесение создает в гортани особую вибрацию, положительно влияющую на мозг. Так они верят, индусы. Произнеси сотню раз в день ом-ом-ом, вот и мозги укрепились, а если так каждый день, то от приятного массажа что-то с твоим серым веществом произойти может. Кстати, наше омейн не из того ли источника? И сто благословений в день с сотней омейнов ничего не напоминает?

Пока я соображал, чем возразить, Велвл, расценив паузу как свидетельство поражения противника, предложил:

– Хочешь послушать?

– Что послушать?

– Как что? Лахаш!

– Давай лахаш, почему не послушать.

Трубка на несколько секунд замолкла, а потом из нее понесся торжественный баритон Велвл.

– На, нах, нахма, нахман ми уман! Каково?!

– Да никого, – вежливо отозвался я. – Бред сивой кобылы, по-моему. Профанация иудаизма. Вы, ребята, уверенно вступаете на путь идолопоклонства.

– Иди спать, миснагедская рожа, – рассердился Велвл. – Ему из сердца достнешь, а он...

– Спасибо, что пока только из сердца, – ответил я. – А насчет спанья, так это ведь ты меня разбудил, мог бы и извиниться.

– Не хочешь спать – иди

в баню, – отрезал Велвл и положил трубку.

Прямо скажу, к особым вибрациям и прочим мистическим достижениям мятущегося человечества я отношусь весьма настороженно, если не сказать агрессивно. Не нравится мне все это, есть тут некий привкус шарлатанства и очковтирательства. Хотя допускаю, что люди с особо чутким слухом улавливают всякого рода тонкие вещи, недоступные простому уху. Вот, например, тот же Велвл. Благодаря его композиторским ушам мне удалось отыскать пятую дверь в синагогу.

Иврит я освоил довольно быстро и вдруг оказался главным специалистом по иудаизму на весь Вильнюс. Как выяснилось, старики в синагоге молились, почти не понимая смысла слов. Читать их научили в хедере, обычаи они помнили с мальчишеских лет, но пришедшие вслед за этим советская власть и война прервали едва начавшееся образование. В синагогу старики ходили как в клуб, собирались за час до молитвы, долго и горячо обсуждали на идише последние и не последние новости, потом молились 15 минут и снова шумели не меньше часа. Первым авторитетом был реб Берл, габай синагоги. Он помнил больше других и мог даже, хоть и с трудом, перевести смысл молитв. Но разобраться в чуть более глубоких вещах он уже не мог. Сотни, тысячи книг пылились на полках синагоги без всякой пользы. Пробившись через первый строй языка, я начал после молитвы засиживаться в кабинете габая и потихоньку пробиваться дальше.

Проблема состояла в том, что в конце каждой посиделки надо было звать Яцек, сторожа синагоги, жившего в соседнем дворе. Яцек шел, но ругался:

– Зачем здание без присмотра оставляешь? Набегут хулиганы, кинут спичку, кто тушить будет? Ты, что ли?

К моему удивлению, реб Берл выдал мне ключ без второго слова.

– Такой святой мальчик, – умиленно пробормотал он, протягивая солидное произведение из ржавого железа. – Учиться хочет, а не по гулянкам бегать. Святой, святой мальчик...

Эпитет мне очень польстил, чего нельзя было сказать о самом определении. Я уже считал себя достаточно взрослым мужчиной, кое-что понимающим в жизни. Но, наверное, с высоты возраста и опыта реб Берла это выглядело несколько иначе.

Чтобы оправдать мнение габая, я стал засиживаться еще дольше. На улице стояла сырая виленская зима. Снег то валил, как подорванный, то стремительно таял. Но в кабинете было всегда тепло, Яцек перед молитвой как следует растапливал огромную кафельную печь. Когда стариковский стрекот за стеной стихал и в последний раз тяжело ухала входная дверь, в синагоге наступала абсолютная тишина. Только иногда чуть подрагивали стекла из-за проезжавшего по улице троллейбуса и потрескивали, остывая, плитки печи. Старинные часы на стене гулко отбивали каждые четверть часа, но время текло незаметно.

Иногда мне казалось, что внутри, за старыми стенами синагоги, течет совсем другое время, не совпадающее с потоком советской жизни.

Часы, часть мебели и портрет последнего раввина Вильны спрятал от немцев отец Яцека, тоже сторож синагоги. Эта должность в их семье была наследственной.

– Рабочая династия, – шутил реб Берл. – Служитель служителей культа.

Комната габая на самом деле была кабинетом последнего раввина, и все в ней напоминало о нем. Портрет реб Хаима-Ойзера висел на стене, я сидел в раввинском кресле за раввинским столом и читал раввинские книги. Читал, громко сказано! Сквозь комментарии к Хумашу я еще пробирался, прыгая от слова к слову, как убегающий от погони заяц, но книги самого Хаима-Ойзера, обнаруженные мною на одной из полок, оставались совершенно неприступными. Они словно были написаны на другом языке, ни одно из слов мне так и не удалось разыскать ни в словаре Шапиро, ни в тайно привезенных американскими туристами учебниках иврита. Много позже, в Бней-Браке я понял все нахальство мальчишки, самоуверенно листавшего непонятные книги. Тексты реб Хаима-Ойзера полностью состоят из аббревиатур, каждое слово, на самом деле, представляет собой почти предложение. Эти сокращения хорошо известны людям, постоянно изучающим Талмуд, и расшифровать их знающему человеку не составляет никакого труда. Как выяснилось, книги Хаима-Ойзера специально дают тому, чьи знания хотят проверить. К стыду своему признаюсь, что и сегодня, спустя жизнь в Бней-Браке, я продираюсь сквозь его сокращения с большим трудом и многими ошибками.

Но тогда, отыскав в «Шулхан Орух» разъяснение спорного вопроса стариков и с грехом пополам, словно неумелый портной, скроив какое-то подобие ответа, я стал большим авторитетом в последней синагоге Вильны.

– Ингале ферштейс, – уважительно качали они головами.

Впрочем, надо сказать, что к моим услугам они практически не прибегали. Их жизнь катилась по давно накатанным дорожкам, а спорные вопросы они давно научились решать сами. Однако сам факт, что в синагоге кто-то сидит до глубокой ночи и читает старые книги, необычайно льстил стариковскому самолюбию. Видимо, потому, что это был молодой человек с высшим образованием.

– А вот у нас, – выговаривали они беспутным сыновьям и шаловливым зятям, – в синагоге югерман сидит. Не шалопай, вроде тебя, а инженер с дипломом. И ничего, и не стесняется.

Однажды вечером, после того как последний старик, кряхтя и покашливая, покинул синагогу, в комнату ввалился Яцек. В руках он держал два больших ведра с углем и поэтому двигался тяжело, словно «каменный гость».

– Подтоплю, подтоплю, – произнес он, как будто отвечая на вопрос. – Сидишь тут до ночи, а тепло-то выдувает. Сколько Берлу говорил, пора окна менять, сплошные щели. Да где там...

Я был польщен и тронут. Яцек славился ворчливым и несговорчивым нравом. Спуску он не давал никому, относясь к синагоге, как к семейной усадьбе. В слякотные дни он часами простаивал у входа, придирчиво проверяя, вытирают ли старики ноги о половик. И горе тому, кто с недостаточной внимательностью относился к столь важной процедуре.

Его отец утонул, когда Яцеку было шестнадцать лет. Гулял в парке, повздорил с советскими солдатами из гарнизона, и те то ли в шутку, то ли нарочно столкнули его в Вильняле.

Яцек жил с матерью в маленькой квартирке по соседству с синагогой. Рассказывали, что в молодости он сватался к еврейской девушке, но та не согласилась выйти за поляка. Его избранницу звали Эда.

Большинство посетителей синагоги он ни во что не ставил, относясь к их просьбам и требованиям с неизменным раздражением. Уважал он только реб Берла.

К вечеру в комнате действительно становилось прохладно. Из окна тянуло холодом, но я набрасывал пальто и спокойно читал дальше. Услуга Яцека была ненужной и поэтому особенно трогательной.

Он ловко выгреб золу, запалил принесенные в отдельном мешочке щепки, подсыпал угля. Пламя загудело, Яцек сыпанул еще совок, подождал немного и распахнул дверцу. В ту же секунду синагогу озарило голубое сияние, блики заплясали по стенам, затанцевали по потолку. Сияние окутало Яцека, словно вода ныряльщика, сквозь его плотный кокон с трудом можно было различить очертания человеческой фигуры. Быстро забросив оба ведра, Яцек прикрыл заслонку и пересел на низенький табурет возле печки.

– Вот, говорят, нет лучше антрацита, – он постучал кочергой по ведру, словно опасаясь, что я не пойму, о чем идет речь. – А по мне, самолучший уголь – силезский. Хоть не такой фэйный, как антрацит, зато золы почти не остается. Антрацита два ведра засыпешь, полтора обратно унесешь, а от силезского горстка пыли – и все дела.

Он хитро посмотрел на меня, намекая, что речь на самом-то деле идет вовсе не об угле. Честно признаюсь, намеки Яцека остались для меня загадкой.

– Антрацит, говорю, красивыми камушками приходит, блестящие цацки, хоть детям давай, а силезский мелкой дробушкой, почти галька. Смекаешь?

Я отрицательно покачал головой.

– Ладно, – согласился Яцек. – Тогда читай дальше.

Сквозь чугунную решетку в багровое нутро поддувала сыпались искры, печка уютно гудела, пробуждая древнее чувство близости у сидящих вокруг огня. В такие минуты нет ничего лучше молчания.

– И он так сидел, – нарушил тишину Яцек, кивнув на портрет. – Я совсем маленьким был, отец приводил меня, усаживал возле печки на этот самый табурет. Посиди, говорил, возле святого человека.

Я не знал, что ответить. Да и нужно ли говорить в таких случаях. Самое лучшее – молчать, выжидая, пока истомленный собеседник выскажется сам. Так и произошло. Через несколько минут Яцек снова заговорил.

– Вот ты книги читаешь, святые книги. А Б-га ты видел?

– Кого? – изумленно спросил я.

– Б-га, владыку неба и земли.

– Нет, – честно признался я. – Пока не доводилось.

– А я видел.

Яцек приоткрыл печку, хорошенько пошуровал кочергой и, тщательно прикрыв дверцу, посмотрел на меня. Паузу он держал мастерски, как заправский актер.

– Перед самым приходом русских немцы решили рвануть синагогу. Натаскали взрывчатки, разогнали жителей. Червона Армия была совсем близко, от канонады тряслись стекла домов. Мы с отцом стояли на углу, смотрели, как зачарованные. Отец все повторял:

– Не может быть, не может этого быть.

Но дело шло к концу, саперы протянули шнур, подключили динамо. Тут сзади раздались сердитые звуки клаксона: огромный «опель-адмирал» гудел не переставая. Черный, блестящий, в таком ездил только губернатор Вильнюса. Оцепление расступилось, «опель» подкатил прямо к синагоге и остановился. Выскочил адъютант в гестаповской форме, распахнул дверцу. Из машины с трудом выбрался старик в такой же форме, но со знаками различия, каких я до сих пор не видел.

Старик подозвал к себе командир

а саперов. Тот бросился бегом и, подбежав, вытянулся в струнку. Задав несколько вопросов, старик принялся кричать на командира, указывая стеком в сторону фронта. Потом хлестнул стеком по голенищу своего сапога и отдал приказ. Командир саперов козырнул, круто повернулся и побежал к своим солдатам. Саперы быстро смотали шнур, вынесли из синагоги взрывчатку, погрузили ее обратно в грузовичок и умчались. Старик постоял еще немного, сел в машину и уехал вслед за саперами.

Яцек замолк, снова открыл печку и принялся шуровать кочергой. Он ждал вопроса.

– А где же Б-г? – я не обманул его ожиданий.

– Б-г везде, – философски ответил Яцек. – Куда ни посмотри, везде он. Закавыка состоит в том, что со стариком из гестапо я был хорошо знаком.

Яцек снова умолк, но, не додержав паузы, продолжил.

– Он часто сживал в том кресле, в котором сейчас сидишь ты. И читал те же книги. А за год до начала войны я шел за его гробом.

Закрыв печку, Яцек поднялся с табуретки и, подойдя к стене, осторожно прикоснулся к холсту.

– Реб Хаим-Ойзер собственной персоной явился с того света, чтобы спасти свою синагогу. Так-то вот оно, молодой человек.

После такой фразы опускают занавес, и Яцек, почувствовав это, собрал ведра, аккуратно приставил кочергу к краю печки и вышел, не прощаясь. Любые слова были бы лишними.

С того вечера началась наша дружба. Вернее, дружбой это трудно назвать. Яцек приходил по вечерам и молча сидел на табуретке у печи, покуривая трубочку. Я доставал ему через столичных друзей голландский табак «Амфора», и комната постепенно пропитывалась пряным ароматом. Реб Берл только головой качал:

– Хоть специально нюхать приходи!

Иногда мы перекидывались несколькими фразами, иногда целые вечера проходили в безмолвии. Он действовал на меня успокаивающе – честно говоря, от одиночества в ночной синагоге у меня бегали мурашки по телу. С Яцеком все стало проще и как-то домашнее.

Велвля Яцек покорила тем, что несколько раз устроил ему возможность поиграть на органе в костеле святой Анны. Помимо пламенеющей готики фасада, костел отличался совершенно удивительной акустикой. Узнав об этом, реб Берл рассвирепел:

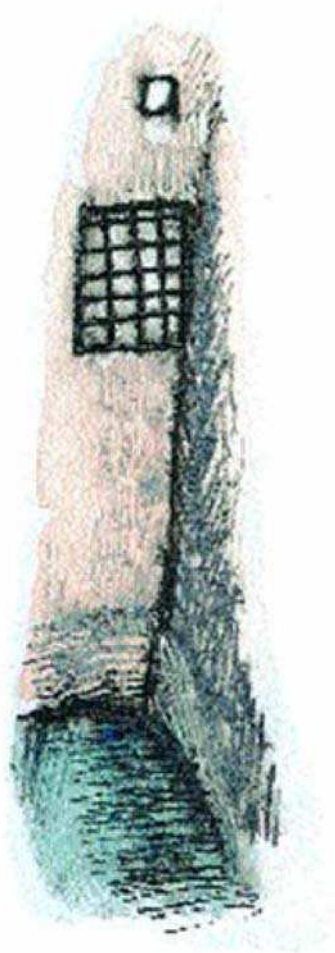
– Гони мешугенера из синагоги поганой метелкой, – приказал он Яцеку, не подозревая в нем виновника преступления. – Возьми самую грязную метлу и как появится – по морде, по морде.

Эпитет «поганый» реб Берл воспринимал буквально, без всякого переносного смысла. Сам он обходил костелы и церкви стороной, чем сильно затруднял свое хождение по Вильнюсу. В жаркий день реб Берл переходил на солнечную сторону улицы, чтоб – Б-же упаси – не насладиться тенью, отбрасываемой костелом. В зимний предпочитал скользить по мостовой, чем ступить на посыпанный песком тротуар перед «капищем идола поганого».

Отношения реб Берла с литовским католицизмом были сложны и запутанны: семью его родителей выдал немцам ксендз из деревни по соседству с местечком, а сестру всю войну прятали монахи бенедиктинского монастыря в Вильнюсе.

– Кого ты привел, – грозно вопрошал он, потрясая указательным пальцем. – Сегодня он играет на органе, а завтра возьмет и, не дай Б-г, крестится, не про нас будет сказано!

Мои объяснения он брезгливо отбросил, словно муху из борща, и Велвлу, во время его наездов в Вильнюс, пришлось обходить синагогу круглым путем. Но именно он помог мне обнаружить пятую дверь.

В крыле синагоги располагалась давно заброшенная миква. Когда-то это было самое посещаемое помещение во всем здании, но старым еврейкам это стало ненужным, а молодые вместо миквы ходили в турпоходы на байдарках. Много лет не открываемая дверь прикипела к косяку, и открыть ее мне и Яцеку стоило немалых усилий. Миква состояла из прихожей, в которой женщины ожидали своей очереди, и маленького зала, в котором размещались бассейн для окупания и проржавевший бойлер. Теперь бассейн густо оброс пылью, стены покрывала плесень. Восстановить микву казалось невозможным делом. Казалось, только казалось...

Деньги на ремонт я собрал со стариков. Вопрос «зачем» у них даже не возник – ну какая синагога без миквы! Вытаскивая пятерки и десятки, они блаженно шурились, припоминая, наверное, давно оставшиеся за спиной вечера, когда их жены, благоухая банным мылом, возвращались из этой комнаты к семейному очагу. Хорошую часть суммы я положил сам, понимая, что буду почти единственным посетителем восстанавливаемого заведения.

Трое молодых поляков, приведенных Яцеком, за двести рублей соскоблили плесень, выбелили потолок, покрасили стены голубой масляной краской и навели чистоту. Ремонт бойлера я отложил до осени и, трясаясь от нетерпения, наполнил микву водой. Везти ее пришлось из Нериса в двадцатипятилитровых канистрах. За несколько поездок бассейн наполнился почти до краев. Собственно говоря, бассейнов на самом деле было два – один махонький, в который я налил речную воду, и второй побольше, для окупания. Бассейны сообщались между собой через отверстие и, таким образом, наполняя большой бассейн чистой водой из водопровода, я присоединял его к речной воде в малом бассейне, превращая их в одно целое. Сегодня тогдашние усилия вызывают во мне саркастическую улыбку: начерпанная вручную речная вода теряла очищающие свойства и уже не годилась для миквы. С таким же успехом я мог бы наполнить бассейн из водопроводного крана.

Но тогда несколько дней я блаженствовал, окунаясь в микву перед молитвой. Старики заходили в зал, одобрительно качали головами и, вежливо уклонившись от предложения окупнуться, возвращались к своим клубным разговорам.

Спустя неделю я заметил, что уровень воды в малом бассейне неуклонно снижается. Через две вода уже не доставала до отверстия. Маленький бассейн протекал, и его ремонт представлял куда как более сложную задачу, чем побелка и покраска.

В самый разгар беспокойства приехал Велвл. С некоторых пор он стал навещать меня довольно часто. Мы много гуляли по Вильнюсу, разговаривали. Наверное, его решению начать соблюдать заповеди в какой-то мере способствовали и наши прогулки.

Реб Берл в тот день навещал дочку в Каунасе, и поэтому мы с Велвлом спокойно направились в синагогу. Яцек, с которым я договорился заранее, ждал нас у главного входа. Пройдя сквозь центральный зал, мы оказались перед арон-кодеш, величественным сооружением из мрамора, украшенным затейливым барельефом и арками с декоративными дверьми. Яцек легонько придавил завитушку барельефа, и одна из дверей распахнулась, оказавшись вполне настоящей. Спустившись по ступенькам, он включил фонарик и приглашающе взмахнул рукой. Ступеньки вели в узкий коридор, наполненный сырым спертым воздухом.

– Осторожно голову, – предупредил Яцек.

Коридор привел нас в большую комнату с узкими окнами под потолком. Стекла были изрядно перепачканы, но света проникало достаточно. Теперь я сообразил, где мы находимся. Окна выходили на фасад синагоги у самого основания и были почти полностью перекрыты решетками и проржавевшей проволочной сеткой.

В углу комнаты возвышались два каменных уступа, похожие на печки, но доходящие до самого потолка. Один из них вплотную примыкал к стене, второй отстоял от первого на полметра.

– Это бассейны, – сказал Яцек. – Маленький – тот, который у стены, а большой – поближе. Сверху штукатурка хотя и в трещинах, но мокрых пятен не видно. Я уж рассматривал-разглядывал – везде сухо.

Мы тоже принялись разглядывать, ощупывать и выстукивать шершавую поверхность штукатурки. Велвл ухитрился протиснуться в щель между бассейнами и, приложив ухо к стене, долго

прислушивался. Увы, обследование закончилось ничем, воды в подвале было не больше, чем в Синайской пустыне.

– Течет где-то внутри, – Яцек хлопнул по малому уступу, подняв облачко пыли. – Сочится малой струйкою и заходит в землю. Надо ломать и выкладывать заново. Куча денег.

Настроение у меня испортилось, и после молитвы я не остался, как обычно, в кабинете реб Берла, а потащился вместе в Велвл на оперу. «Донас Карлосас» – в литовской транскрипции это звучало смешно, но мой гость чуть не плакал.

– Они что, партитуры в руки не брали! – возмущался Велвл. – Или нотам не учены?

– А по-моему, вполне прилично. Очень красивая музыка.

– Свое мнение можешь оставить при себе, – огрызнулся Велвл. – Тоже мне, специалист. Полдня бегаешь по цеху под шум прессов и прочей железной дряни, вторую половину сидишь в синагоге под стариковский клетот. Музыка и до этих оболтусов была красивой, специалисту интересны подробности, мелкие такие закорючки, из которых складывается искусство. Понял?

– Но, в общем-то, красиво, – пытался возражать я. – Оркестр, хор, декорации-то какие. Сюжет, одним словом!

Велвл только фыркнул.

– В расчет принимаются не домохозяйки, а настоящие свидетели. Те, кто понимает. Для них правильно расставленные запятые важнее хора и декораций, тем более что этим никого не удивишь. Мнение восхищенных кухарок остается на кухне, настоящую славу создает узкий круг подлинных ценителей.

В общем, после первого отделения оппозиция покинула зал и в совсем паршивом настроении потащилась домой пить пиво. Надо заметить, что в некоторых жизненных ситуациях эта горькая жидкость неплохо подслащает. После третьей бутылки Велвл вдруг произнес:

– Ты знаешь, мне кажется, что за стеной капает.

Вот чего мне не хватало – искать посреди ночи сантехника!

– Да не здесь, – поморщился Велвл. – В подвале. Малый бассейн примыкает к стене. Я точно не уверен, но там, похоже, пустота, и капли падают на камень. Шлеп, шлеп, шлеп.

– Что ж ты сразу не сказал? – удивился я.

– Не был уверен. А вот после «Донаса Карлосаса» понял, что не ошибся.

– Так выпьем за литовскую оперу, самую догадостную оперу в мире!

Выпили. Поговорили. Выпили еще. Короче, на утро я встал с головной болью и потащился на работу, проклиная все на свете. Велвл, спокойно отоспавшись до полудня, встретил меня в прекрасном настроении.

– Ну что, пойдём на прослушивание? – предложил он, едва я успел переступить порог.

– Только без вас, – сообщил я и, заметив, как уголки губ Велвла поползли вниз, тут же добавил:

– Реб Берл вернулся.

– А-а... Тогда иди сам. Ищи ближе к окну, там, где трещина в стене.

И как он ухитрился рассмотреть эту трещину в полумраке подвала, я не пойму до сих пор. Но трещина была, и с нее-то все и началось.

Не желая обижать приятеля, я отложил посещение подвала до его отъезда. Велвл, как назло, никуда не торопился. Дни тянулись за днями, и только через неделю он, наконец-то, собрал рюкзачок и отбыл на вокзал. По нашей традиции, мы не прощались. Просто выходит человек из дому; может, за хлебом пошел или вдоль реки прогуляться. На троллейбусной остановке мы молча пожали друг другу руки.

Еле дождавшись следующего троллейбуса, я вскочил в него и, сгорая от нетерпения, поехал в синагогу. Было еще рано, до начала молитвы оставалось около двух часов, и поэтому я поднялся к Яцеку. Дверь открыла его мать, хромя старуха с тяжелыми бровями.

– Яцек скоро приде, почекайте.

– А где он?

– В университете, на лекции.

Вот так новость! Яцек учится в университете. Совсем старик сбрендил на старости лет.

Присев на диван, я оглядел комнату. Пусто, голо, бедно. Старая обшарпанная мебель, довоенная кровать с панцирной сеткой и с проржавевшими шарами на стойках. Огромный платяной шкаф в углу. Зачем Яцеку такой шкаф, он же вечно ходит в одной и той же одежке? Любопытство разбирало меня все сильней и сильней.

– Будете чаю?

– Да, с удовольствием!

Старуха пошаркала на кухню. Еле дождавшись, пока она выйдет, я в два шага преодолел расстояние до шкафа и приоткрыл дверцу. Внутри шкаф казался еще больше, все внутренние стенки были из него удалены, и вместо них вставлены полки. На полках ровными рядами стояли книги.

Яцек поспел раньше чая. Выслушав мой рассказ, он изменился в лице.

– Давай не спешить, Эдик, давай соберемся поосновательней.

Терпеть не могу, когда меня называют Эдиком. Эд на иврите свидетель. Эдом я готов быть, но Эдиком – упаси Б-же! Я давно сменил это имя прощелыг и ловеласов пятидесятых на более солидное «Авраам» и приучил к нему всех знакомых. Один только Яцек переучиваться не захотел. Впрочем, в тот момент я готов был простить ему не только «Эдика».

– У меня есть провод, метров сто, от иллюминации на Октябрьские, подключим лампочку, и все трещины наши.

Похоже, он волновался больше меня. Его движения утратили обычную плавность, Яцек двигался рывками, как изображение в старых фильмах.

– За сорок лет сюда никто с лампами не лазил, если вообще, – бормотал он, спускаясь по ступеням.

Двухсотсвечовая лампочка выявила все неровности кладки, а трещина на стене оказалась правильной формы, четко очертив прямоугольник.

– Вот она, пятая дверь! – Яцека била дрожь. – На общей связке до сих пор висит ключ, только давно позабыли, где спрятан замок. Вот она, вот она где...

Он вытащил из кармана связку и, перебрав пальцами ключи, показал мне прутик с плоским треугольником на конце.

– Такой ключ? – удивился я.

– Это не обычный замок. Давай искать скважину.

Прощупав пальцами весь прямоугольник, мы через несколько минут обнаружили забитую пылью щелку. Яцек приник к ней губами и выдул мусор. Осторожно, словно лаская, он вставил клинышек в щель и нажал. За стеной что-то заскрипело, и трещина слегка увеличилась. Яцек надавил еще, запустил в образовавшуюся щель жало отвертки и придавил. Дверь распахнулась.

Из темноты пахло сыростью и тленом. Яцек вытянул руку с лампой и осветил внутрь. Пол за дверью полого уходил вниз, стены из позеленевшего грубо отесанного камня сходились на высоте человеческого роста. Из темноты доносились звуки падающих капель.

– Не ошибся твой друг, – Яцек осветил вниз. Темное пятно уходило в глубину хода.

– Пойдем, пока провода хватит, – предложил Яцек. – Не боишься?

Я отрицательно помотал головой.

– Мне отец рассказывал: когда строили синагогу, наткнулись на подземный ход короля Ягайло. В древности он вел из Нижнего замка за город, но давно осыпался. Когда обследовали уцелевшую часть, выяснилось, что она проходит через еврейский квартал. Раввин на всякий случай приказал сохранить вход, но где находится дверь, оставил в секрете. Тут одна пыль, бояться нечего.

Провода должно было хватить метров на двадцать пять, тридцать. Сразу у входа на стене расплывалось черное пятно, в середине которого медленно набухали капли.

– Ничего не выйдет, – покачал головой Яцек. – Тут ремонта на несколько тысяч. Эта вода стечет, а новую не заливай.

Осторожно ступая по грязи, мы стали спускаться вниз, как вдруг потолок чуть задрожал.

– Мы сейчас под улицей, – сказал Яцек. – Наверное, троллейбус.

Проход сузился, идти рядом стало невозможным. Я взял лампу и поднял ее над головой. Тени сползли вниз, и на серо-зеленом фоне проступила надпись.

– Что это, – спросил Яцек, – можешь прочесть?

– Анахну кан, – с трудом разобрал я. Кто-то процарапал в камне буквы, а потом закоптил углубления факелом.

– Это гимн партизан виленского гетто, – сказал я. – Анахну кан, мы здесь, мы еще живы.

Даже в полутьме стало заметно, как Яцек побледнел. Оставившая его дрожь вернулась. Он прислонился плечом к стене и, испуганно поглядывая на меня, отирал катящийся по лицу пот. Я никогда не видел, чтобы надпись, сделанная пятьдесят лет назад, оказала на кого-нибудь такое воздействие.

– Пусти меня вперед, – отодвинув Яцека, я осторожно двинулся вдоль прохода. Через несколько метров лампочка осветила завал. Потолок рухнул, из беспорядочной мешанины камней и земли торчали обгоревшие деревянные балки. Перед завалом белели кости, прикрытые остатками голубой материи. Череп с ключьями рыжих волос смотрел в стену, словно отвернувшись от нас. Мокрая полоса заботливо огибала останки, уходя под завал.

Оттолкнув меня в сторону, Яцек подскочил к скелету, наклонился, словно разыскивая какие-то ему одному понятные признаки и, узнав, рухнул на колени прямо в грязь.

– Эда, прости, – он зарыдал, робко, будто стесняясь собственного голоса. – Это я их послал, прости, прости.

Он согнулся, припав головой к земле около полуистлевших ботинок, и завыл во всю мочь.

Вот тут я испугался. Под землей, с сумасшедшим поляком! Никто не знает, где мы, куда пошли. Если что, хватятся не скоро.

Я подхватил его под мышки и потащил к выходу. Лампочка упала на пол, свет погас. Темнота отрезвила Яцека, он затих и послушно засеменил, по-детски шмыгая носом. Блуждать было негде, через несколько минут показалось светлое пятно – сквозь открытую дверь подвала пробивался скудный свет. Я вытащил Яцека наружу и прислонил к стене.

– Хватит! Возьми себя в руки! Хватит!

– Да, да, сейчас, сейчас...

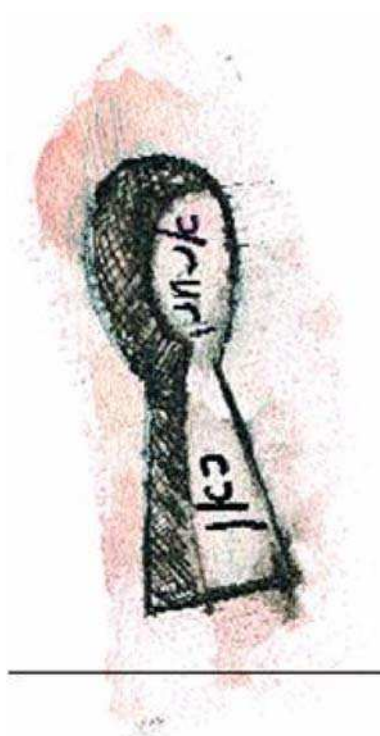
Спустя полчаса Яцек пришел в себя. Смотал провод, запер дверь в подземный ход и заступил на свой пост у парадной двери в синагогу. Старики, почтительно здороваясь с Яцеком, старательно шаркали ногами. Все шло по-прежнему, но я знал, что главный разговор впереди, после молитвы, когда мы снова останемся одни в кабинете последнего раввина Вильны.

Поначалу все шло своим чередом: Яцек растопил печку и молча устроился на табуретке. Я, тоже молча, уткнулся в книгу. Читать, правда, не получалось – смысл слов и сокращений приходилось буквально вытаскивать из памяти, хотя еще вчера они выпархивали оттуда, словно голуби из голубятни. Яцек никак не решался начать разговор, и я бросил ниточку.

– Ты в первый раз в этом подполе? – спросил я, демонстративно закрыв книгу.

Яцек только того и ждал.

– Зимой сорок второго года, еще до уничтожения гетто, немцы развесили на улицах объявление с портретом. Разыскивалась опасная преступница – террористка по кличке «ведьма». Тому, кто сообщит, где она скрывается, обещали огромную сумму. Но с фотографии смотрело лицо совсем юной девушки, еще девчонки. Лицо было мне знакомо; покопавшись в памяти, я понял, что эта девушка иногда появляется в районе синагоги. Я стал присматриваться и вскоре встретил ее на улице. Узнать ее оказалось непросто – косынка скрывала половину лица, – но я узнал. «Ведьма» прошла мимо синагоги в сторону рынка. Я осторожно пошел вслед за ней. Сделав крюк, она вернулась, спустившись почти до бывшей библиотеки Страшуна и, развернувшись, снова пошла к рынку. Шла она не спеша, и каждый круг занимал около часа. Судя по всему, «ведьма» кого-то поджидала или просто тянула время. Стемнело, я брел за ней на приличном расстоянии и, когда она вдруг метнулась во двор синагоги, не успел сообразить, как поступить. Осторожно приблизившись, я увидел, что дворик пуст! Но на улицу она не выходила, значит, у «ведьмы» есть ключ. В здании было темно, я подергал дверь – заперто. Ключ можно было принести из дома, место, куда отец прятал его, мне было известно, но войти в синагогу я не решился.

Через час пришел отец, и я, сочинив какую-то причину, потащил его в синагогу. Там никого не оказалась; видимо, за это время «ведьма» успела уйти. Но что она искала в пустом здании: старые книги, сломанные стулья? Я терялся в догадках.

Второй раз я встретил ее через неделю. Одетая «ведьма» была в ту же одежду – потертое пальто поверх линялого голубого платья, грубые мужские ботинки и косынка во всю голову. История повторилась: дождавшись темноты, террористка скрылась в синагоге.

В это время тяжело заболела моя сестра. Да, да – тогда у меня еще была сестра. Я даже не знаю толком, о какой болезни шла речь, наверное, сегодня она называется по-другому. Требовалась срочная операция, но за нее нужно было платить и платить очень много. Сестренка угасала с каждым днем, а по ночам плакала от постоянных болей. Отец кормил ее хлебом, вымоченным в водке, и к утру она забывалась. После пробуждения ее рвало, и все начиналось с самого начала. И тогда я решился на страшный поступок. Я никому не рассказывал об этом, тебе первому.

Яцек замолчал. Печка слегка потрескивала, волны уюта и тепла заливали комнату.

– Через два двора в новом доме квартировал офицер гестапо. Я подкараулил его на улице и рассказал, где можно найти «ведьму». Через два дня возле синагоги раздались выстрелы, потом начался обыск. «Ведьму» опознали, она бросилась наутек, немцы открыли огонь. Она забежала во двор синагоги и пропала. Гестапо перерыло весь квартал, но так никого не нашли. Больше она не появлялась на нашей улице.

К офицеру я все равно пошел, он потрепал меня по щеке и дал шоколадку. Услышав про деньги, усмехнулся и отрицательно покачал головой. Я настаивал, тогда он нахмурился и похлопал рукой по кобуре.

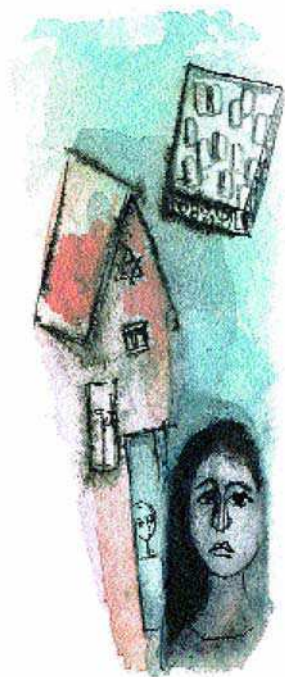
Шоколадку я отнес сестренке. Она так обрадовалась: долго рассматривала красивую обертку, шуршала фольгой, принохивалась. Потом откусила несколько долек и, радостно улыбаясь, съела. Оставшуюся часть шоколадки аккуратно спрятала под подушкой.

Через час у нее начались рвота, судороги, лицо почернело, язык вывалился наружу. Она умерла в страшных мучениях: шоколадка, которую мне подарил офицер, была отравлена.

Яцек снова замолчал. Молчал и я. Слова были не нужны, любое из них казалось избыточным, под его тяжестью хрупкая крыша тишины могла обвалиться, похоронив нас обоих.

– После войны я расспрашивал уцелевших партизан о «ведьме». Синагога тогда была чем-то вроде клуба, в ней искали родственников, наводили справки, оставляли записки.

Про «ведьму» слышали многие, так называли связную Абы Ковнера, командира объединенного командования гетто. Звали ее Эда, фамилию никто не знал. Зимой сорок второго года она исчезла, не вернулась с задания. Все были уверены, что Эда попалась, выдал кто-нибудь из бывших соседей или опознали по фотографии; плакаты о розыске были расклеены по всему Вильнюсу. Теперь мы знаем, куда она исчезла.

– Но как «ведьма» возвращалась в гетто? – спросил я. – Проход-то завален.

– Завал, как видно, возник позже, когда немцы взрывали гетто, – Яцек приоткрыл печку и заглянул внутрь. Несколько минут он, не отрываясь, смотрел в огонь, потом осторожно прикрыл дверцу и взглянул на меня. В его зрачках еще полыхало пламя.

– Наверное, ее ранили, она успела забежать в подвал, но дойти до гетто уже не смогла. Очень тебя прошу, никому не рассказывай, пусть этот ход останется ее склепом. Очень тебя прошу, очень!

Я пообещал. Тогда Яцек привстал с табуретки, и, бросив быстрый взгляд на портрет Хаима-Ойзера, упал на колени.

– Ты теперь тут главный, больше спрашивать не у кого. Научи, как искупить, что сделать. Поищи в книгах, твой бог поможет найти ответ.

Он замолк, пожирая меня глазами. В комнате надолго воцарилась тишина. В уголках полуоткрытого рта Яцека поблескивали капельки слюны...

С тех пор прошло много лет, я давно живу в другой стране и не знаю, продолжает ли Яцек таскать по улицам Вильнюса бремя своей вины. И эта история, мне так хочется рассказать ее сейчас, на террасе перед кладбищем кабалистов, откуда броском открывается огромное светящееся пространство утра, убегающее к Кинерету. Но я не верный свидетель и не знаменитый раввин. Я даже не тот, кто понимает. Мой удел внимать и восхищаться, восхищаться и внимать. И с годами я все больше прихожу к выводу, что самая стоящая вещь на свете – это неопределенность.

Ρέεε Οαίταιθράε: Ασίηεε (1922 - 1982) ε Αεεάδεε Ναι αίηάε: Οδεά (1922 - 1998) - εεήηάδαι αόόδθε-ηάαοήδαι. Ίί εο ηηάηάδελί ιηηόαεεάτú çáι αίεοúά οεεήú: «Νέοαεεε άα όήάαδελά», «Αίθε, ηθε, ι ή çáçáá», «Ψεήάε», «Οαδελε Όηελ ηε αίεοήδ Ααοήι», «Νεαç í όηι, εαε όαδú Ι αοδ αδαιά αελεε»...

Ίάα ι ηηεε:-ε. Δράηηεε. Ο:-εεεήι ά ηαιηε οεήεά ε ά ηαιηι εεάηηά Α ηαιηι εήηεοόοά ε ία ηαιηι οαεεήúοάα (ηηάηαδήι, η ΑΑΕΕά). Ίηαεήεεε. Ίηεο:-εεε ηη άηηόου εαο ε «άα:ίηά ηηηεάηεα» çá ηηεοαήεά ία Νοαεήά, εήοήδρά αηόοι αú ηηοήεεε.

Ίάεεε ι ηεήαηε :-αήηάε - ίαο αεεçεεε çáεήι ηε Αδú-Έαεά - αηόδαιεεήηη η ηεή ε οααδεληηεε εεε ι αοδίαηεε ίοοαίάεηη αεεαήηά ηάα. Όηεηη :-οι όδελ οαεήι-εαηηάη ίοαδαι αε οεεήú, ά οεοδαο εήοήδρά Ασίηεε ε Οδεά αεεηόαοαεήι ίοηόοηόαηάεε. Ίί εήαήη ηε, οαε ηεαçαοή «çá εααδήι» ηόηεη αά αεεηόαοαεήι ίαδαιεηηεε ηηάηάδεε. χοι ε ίδελεήι ε ίει ίαοαηη αεεçεήηά çáεήι ηά Αδú-Έαεά.

Ίί, ίαααηεε αηηόηεεε Έεοεήηεοόοά, ηηόαηδεε ία:οι «αεή οαεεαεαήεη ε εεήι». Çαεç:-εε αηάηαδ ηηοήαηεεαεήιηε ηόοαεε. Ίάηεή ηόηεε:-ίηά ία:αεήηόαη «ηηάο ίάεε ά εήεαηά» - çáι ο:-εεε ηηηόαεεαί ε... Ίά ι ηεε αú Αú, Αεεάδεε Ναι αίηάε:, ε Αú, Ρεεε Οαίταιθράε: (Αεεάδεε ε Ρεεε), - ία ι ηεε αú αú εαε ι ηάε:εά ηδρσαηηεήαεή αηάηδε αηήηά ίαηηάδραήηά αηόεηά «αί όι ά ε εήηάεεε»?

Όηάα όεα όηεεήι ηδεληάηη, εηηεηηάηηά αηηεαηόαεε Ίεεααηεε ά εήηδελε:αηεεε ηηάηδε ι αεεαδελόαο «Αεήοηε ηηάηάη», - ηδεληάηη, ααοήδραή εήοήδρά ηδελάεεαεεο αδηάι αú Αεεαηάδρ Ι ηεηηάε:-ο Αίεήαηεή

Ίηε, αηηεήι ό :-αήηάεç :-οήαú ηεηόου (ε αεοή), όδελαοήηη ηηάηάα Ίδηηόι ηαιηι ό οααοααο αεήοεά (αηηόαοή:ίη δαηόαηδελόου όήδρ:εο), ά αδελι ό ίααηάηι ίααúοαοήηη...

Ό Οδεάα ε Ασίηεηά αηεεά «οααδεληηεε» ία όηεηη ά οαηδ:-αηεήι ηεαήά Νοαηάδελόου-ηάαοήδαι (ε αη αηόά ε ηηδρçú) ία ηηά:εήεεηηú «ία çáá» αηεήαηεε εεαηδε εεαοήúó, ά αδελεο ίοηόαεεαηη ηηά ιδεληη αεεεοήηη ηηηεεεαί ε η δαι ε, η εαη ηηεαεçηό ηαι ε. Έ çáηεοαεεε οαεçç ηδελεεαεç, ηηεο:-εά ηη ηηεααήι ό δαι αήεç...

Ί ú ηδρ:-εοαεε Άαοό δαηόό - ηεαçεε Ασίηεεε ε Οδεά ίαοαη ό αεεçεήι ό çáεήι ηι ό Αδú-Έαεά - Αú εçηάδελεααοά ίοδελόαοαεήιηά (ηη ηηεαοό) αδηη εαε ηηεήαεοαεήιηά (ηη ηηδε). Ίί ηηι δαηεοεεα:αήηάη. Αα ηηεçç:-αηό εç εήηεοόοά Ίά ίαηαη ηηάδαιεε, αçáι αή όηά :-οήά ηηεαγδύηη, ηη :-εοααο ηόεδε ηηηεααήηά ε ηηηεαήηά «εεαδεληη ηηγδά»:

Ὅτι οἱ, εἰ αἶα ὁ αἶι ἂ
Ναἶ ὁαἶ ὁ αὐ ἂ ἰ ἰεἶαἶ ὁ εἶ ὐ,
Ὅτι οἱ εἶ ἂ ὁ ὐ εἶ ὁ αἶ,
Ἄ ἰ αἶ ὁ φ αἶ ὁ εἶ ἰ ἰ ἂ
Ἀ ἰ ἰ ὁ αἶ ὁ εἶ ὐ, ἂ ἰ ἂ ὁ αἶ ὁ εἶ,
Ἄ αἶ ὁ εἶ ὁ - ὁ αἶ ἰ ἰ ὁ αἶ ἰ...
Νεἶ ἰ ἰ, αἶ εἶ ὁ φ αἶ ὁ εἶ ὁ αἶ,
Ἰ ἂ ἰ ἰ ὁ αἶ ὁ εἶ ἰ ἰ ὁ εἶ,
Ἐ ἂ εἶ ἰ ἰ ἰ ἰ ὁ εἶ - ὁ αἶ ἰ ἰ.

– Вы предлагали кому-либо эту роль? – спросил Дунский.

– Шукшину? – угадал Фрид.

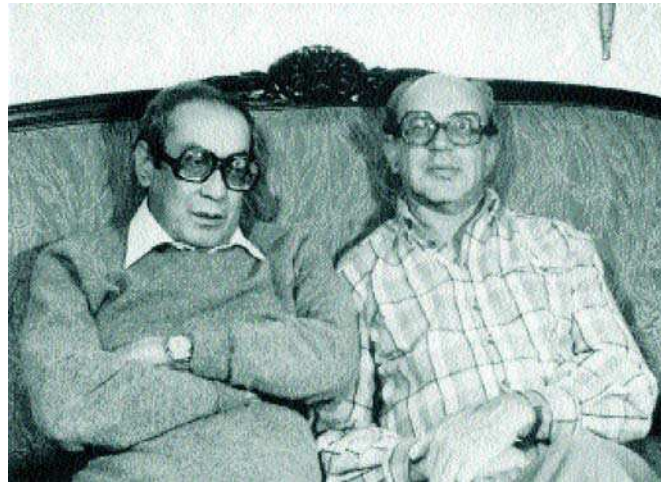
– Ага, – подтвердил Арье-Лейб, наш близкий знакомый. – Василий Макарович отказался.

Наотрез.

– Вот и мы, – улыбнулся Фрид, – не согласны.

– Мы там, – сказал Дунский, – уже побывали. И больше, представьте, не хотим.

– С нас, – засмеялся Фрид, – довольно и форточки.

Р. Асиреев и А. Одетт 1982 г.

ФРИДУНСКИЕ В ТРЕХ ЧАСТЯХ С ПРИЛОЖЕНИЕМ И ПОСТСКРИПТУМОМ

Ади́а-Éае́а

А́НО́О́Í_É_А́Í_É_А́, É_É_É_А́А_О́НО_А́Í, Í_О_Д_Í_×_А́НО_А́Í, Í_Í_É_О́Í_É_А́А_Д_Н_É_О_А́О_У́

Н_А́Í_А_É_Í_У_А́_О_Д_А́_É_О_É_É

Мать Фрида приколола на книжный шкаф бумажный плакатик:

Í_а_о_а_д_и_í_í_é_é_а_í_ æ_а_а_í_ú_í

а_а_а_а_а_í_í -

Ç_а_а_í_í_é_í_é_æ_ Í_а_а_а_р_ò_í_í_í_ Í_а_а_í_í_ ...

*Н_ú_í_ А_а_é_а_д_é_é_ í_д_é_í_é_í_æ_ Í_а_Í_а_í_д_í_ò_а_*

А_ú_а_é_д_а_é_ é_р_а_ó_р_ ñ_í_í_é_é_ -

Í_ú_á_а_а_ú_é_р_а_é, а_Í_а_а_í_é_é_..

О_í_é_ú_é_í_í_é_р_ó_у_æ_ é_í_é_а_é_ú_í_æ

Í_а_а_а_р_ò_ç_í_а_é_í_í_ú_í_é_í_é_æ.

А́А_É_É_É_А́Í_Н_О_У́_Í_Д_А_É_А́_А_Н_А́_А́Í

После студенческой вечеринки, далеко полночь, Валерик малость навеселе приплелся домой.

– Вы к кому? – спросил сосед из-за двери.

– К Фриду.

– Его нет дома.

– Благодарю вас. – Валерик сел на ступеньки и мирно проспал до утра.

ÀDÁÑÒ È ÈÀÁÁÐÛ, ИЛИ ÁËÀÁÍÀВ ×ÀÑÒÛ

ХРАНИТЬ ВЕЧНО

Такая пометка стояла на папке, и следователь сказал:

– Видишь, Фрид: ты умрешь, а Дело твое будет жить вечно.

ÐÌÁÑÒÀÁÍ ÛÁ ÑÁВСÈ

О дядюшке говорили редко, – вспоминает Маргарита Дунская. – Я даже не знала, где он и что с ним. Бабушка рассказывала, как дядя Юлик (тогда еще мальчик) нашел подкову «на счастье».

– И что за счастье ему привалило? – спросила я.

– В тюрьме сидит, – понурилась бабушка. – Который год....

ÀÓÍÑÈÈÈ – ÒÐÈÁÓ ÈÇÌ ÈÍÈÀÀÁ ÈÀÐÁÍÍÈËËÁ

Как тебе нравится иудейская война? Я с большим интересом читаю теперь все газеты.

Í ðèì á:áí èá

Èðááèèáÿ áíèá – áíðáá ñ «ááðáíáí ùì è èíí ñííèè òáì è». Ñì. Èðáò èòð ááðáèèèòð ÿí òèèèíí ááèð, ò. IV, ñ 525-527.

Ñáì áèíáÿ í áðáí èíèá

Óááèááì áÿ ò áðóóèá!

Í á í á: áèüÿ íáí ì í á ò ú,

Í á ò áíÿ ÿ òí çááí ò óóèá:

В – æèèáð áðáí è í èáí ò ù.

Í á ò á æèçí ùí ááí ñí ááÿ,

Í í èí ùì ò á: áð çáèí í áì ...

Óí: áèü ÿ ò ááÿ í í ðí ááð

Í í çá èí ì è ò ù ñ èáèèè èí í í ?

Óí ò ù ì ðè áðèí ÿ ðááí ò áð

(«Òðáá èí ò áèèèááí ò í ù è, á çí í á»),

Í í í í ò áí á ò í æ á áí ò áð

(«Èçíÿí ÿðíí í á æ áðáí á»),

B èai ú âîæó ñ ääö äæè ài è
(«Í á ã öâþñî ï îéúñâò ïî »),
Êîéõ èèè-óò «öæàòíâè ài è»
È «äâñò âîèè ài è» ï ðè ÿò ïî .
Î ù ò âî äðî ääö èèéó öâäâî ,
Í î ñ ñññèî äéî é çî æèî ù
(«Â èçîæèèè ï ù ï èäââî ,
Í î - æèäâèè ï î-äðñî ï ó»).
Âîò èîññâ äâðññ- èâðÿ:-èòñÿ
(«Çà ï îññèèî è äîçñââð»),
Í èéúâ ï î í á çàî à:-èòñÿ
(«Âññ äîññâ ï áú äââò»).
B ñ-èòâþññî æèò ùî òðââðî ,
Äâæá ðîòñèè ï á ï öèÿþ;
Âîð:-âî , çèî ï èð í á ñ è ï âð ðàî
È çà æî öðèè à í á öèÿþ...
(Í äâññâ: «Âîðàî è ñò äðñî è
B çà öââò èó öââæ àâî , -
B, äâðé:-èé ñ îéóÿððàî è,
Í á äâþùèé ï è äññà èî !»).
Í ó, äîäèùñ ï. Î ï îäðîáî ï ñòÿö
B òî æè:-èââþ, çî äÿ:
Î ðè ò âîéõ-ò î
ï ðè ññññâ ï ñòÿö
Ñòàî äæù ò ù ññññ ñèàò í äÿ!..
Óæèþ. Óâî é Äæèäèé.

ΥΟÈÌ ÎËÎÁÈΒ

Бердыч – по-лагерному «посылка» – происходит от «ружья»: бердана, берданка... И глубоко ошибается тот, – говорил Фрид, – кто отсылает нас к славному городу Бердичеву.

Ï ΔÈÁÓΔÏË

– Давай, Гюбнер, принимай склад!

– Гражданин начальник, я не хочу. Опять будут говорить: вот еврей лезет на теплое место, в придурки.

– Так ты ж не лезешь – мы тебя просим.

– Спасибо, гражданин начальник, мне и в шахте хорошо.

Βί Άράϊάδ

Î ÔÈÖÈÁÏ Ò ÆÏ ΔÀ ΔΑÁÈÏ ÎÁÈ×

Псевдоним – Георгий Обедносец.

Ï ÁÒÁËÛ

Два очкарика-поселенца, Дунский и Фрид, заплутали в пургу. Темень, полярная ночь, мороз градусов 50. Никак не найдут свою развалюху... Постучали в какую-то дверь, спрашивают:

– Простите, где евреи живут?

Соседи тотчас, с охотой указали.

ΝÒÈÖÈ È Ï ΔÏ ÇÀ

(ÈÇ Ï ÈΝÁÏ ÆÓÏ ΝÈÏÁÏ)

Я стал толстый и морщинистый, а Валерик – худой и лысый. Когда ходит по комнате, на потолке прыгают солнечные зайчики от плечи. Носит кожаное пальто, именуя себя кожа да кости.

Íáíáæäü, á íáááæää
ííííéí è öüííäüü
Çà íáðð èæé þí úð áéííæéí íé
Áæéäðéé óæ ä èäðääí í óþ ääüü
Í à ò è ðíééé í ááí üüü è ÷ èé ðü í íé
È ò àì, èçí ú ääý á è þ á í á í é ò í ñéá
Á ó à ò ð á ó é ó í ò à ñ ä ä ý í é í à
È ö í è é í í í á í ü ü ö á í í é á ò è ð á ö á í á
È ð ä ñ ä æ ö ó è í á í á í é í á
Á ä ä ä é - í ó æ é í è ñ ò í à í á ð ä ð
Í ð í í ö é í ý í í ÷ í þ è ð ä ç í á ÷ ò ä é í ý ...
Í ÷ ä í ? Á í í ò í í æ á!

Если бы, думает, Пушкин женился не на этой шалаве Гончаровой, а хотя бы на Анне Петровне Керн, – сколько бы еще мог написать!

Í ÐÍ ÐÍ È

Старый солагерник, когда умер усатый вождь, спросил Фрида и Дунского:

– Угадайте, кого погонят первым из Политбюро?

– Кагановича? – предположили еврейские мальчики.

– Жиды, а глупые! – огорчился мудрый солагерник. – Первым делом погонят Берию... Сколько от него натерпелись, сколько лет тряслись...

Í Á Á Ñ Á Ñ Ð À Ç Ó

Инженер из Москвы. Посажен перед «делом врачей» с формулировкой «агент Михоэлса». Того реабилитировали, а этому – отказ.

– Как так? – он кричит. – Где логика?!

– Ты пока распишись, – урезонили. – Логику после пришлют.

Í Á Í Á Ö È Á Æ È Ñ Ò Í Á È À Á Ð Á Í Á Í Á Í É Í Û

Бери хворостину, гони жида в Палестину.

Í ÀÐÍÄÍÍÁ ÒÁÍÐ×ÁÑÒÁÍ

Ëáí éí ðòíöéí óíëáçé:

- Β í áçí é í óéè óéðáé,

Ì í á éóéè-, ò ááí í áóà

Ëáí óà-áðéóà-à-óàóà

Í ÁÒÁÍ ÍÐÓÍÇÚ

Тамара П., будущая израильтянка, бросалась когда-то на следователя с кулаками:

– Убью, жидовская морда!

А после лагеря – спецпоселенка – вышла за еврея.

– Хоть одному, – говорит, – испорчу жизнь.

Í ÀÉÁÑÒÈÍ ÑÉÉÁ Í ÐÈÍ ÁÁÈÈ

éí Áíþ ðíæááí èÿ ò í é íáí í é Òáí áðí

Ýòí ÷òí çà áíííí áéíÿ,

Ýòí ÷òí çà ò í ðæáíò áí?

Ýòí í ðæáí òþ ò ááðáé

Èóí áé Òíí èè ðíæáíò áí.

Òíí à Òíí à, Òíí í-éà,

Í ðèóæ áíííí íá Ðíí í-éà

Òú á áá, í áðáò íá,

Í ðíá áçà ááÿ ò í á!..

Ýó, çáí è, í íÿ æ ò áðà,

Ááííéáé, ááðí íóéà, æáðíí

Òú í í-í áçáí ó Òáí áðà,

À í í-éóí áí ó- Òáí áðí!

Èç Ðáííé á Í áéáíò éí ó

Òíí éá áááòú í á é èéóá

Ëþáé óááþò íáé í éí ó

À æéáú - íáí ó í áóá..

Ōāēā Ōī ōū ēç Ī āēāñēī ū

Ī ĩñēāāō āī āēūñēī ū -

Ā ēāōō īōēē, āāyēē,

Ī āōōē ā Ēçāēēā..

Ī ēōāō Āāōōēō ĩññō ðēōā:

«Ī ðēāīçē ĩñēī ðāī āī:ū-

ðññēē ēōī āāōēē ī āī ēōūñy

Ī āōā ī āōēy ī ā ī ðī:ū!»

Āīāī ðēē Ōāī āāā Āāōōē:

«Ī òāī:āē, ðāāī ī ē:āē?

Āñēē ðññēēē, òāē çāēāōēī

Āēy æēāī āñēēō ēōēē:āē».

Āāñēāā, ī āñy, ēāēñy,

Ēīēē ēāāī ī ĩñēāāī ā!

Ī ò ðāñōēēā

Ōī ī ā ī āēñū,

Āīāī ðēō: «Ī ĩēīæāī ī».

Āāāō Āāōōē ā «Ēāāēēyēā» -

Ī ī ōīōāōō «Ñōāī āāōō-Ī ēē».

Ñāī ā āāī īēēā, ā ēāī ĩññāēā

ðññēēāāō «Ōī āē, Ēōōīēē!»

Ī āōō āīāēē, ī āōō ī ēāā,

Ī ò çāīāēē: āōī:ēē;

Ī ēōāō Āāōōē ĩ Ōāēū-Āāēāā:

«B æāī ħññī ī ā ĩññēēā».

Āō ò ū, ĩññēē, ĩññēēā,

× ò ī æ òāī āāū Ōāī āōī:ēā?

Ā Ōāī āāā - ò ðō-ēy-ēy!

Áúσéà çàì óε çà Ñóóÿ.

Ó ì áÿ áááéíéé áéá

Β á áóá áí òéñí éò,

È ì ïÿ çàçí í áóσéà -

òíεá þáí ò í áóσéà!.

Ί ΔΕΙ ΑΧΑΙΕΑ.

Гарри Римини (Ромочка) – солагерник Фрида и Дунского, законный супруг Тамары.

Áíí εé Áóííéíá é Óðεάá í à Óþεúñ íé, 14, á Èí òά

ÇÀÉËΡ × ΑΙΕΑ, ÈÈÈ ÍÀ ΑΙΕΑ

ΑΙ ÑÓÄÀ ÐÑÒÁÍ Í ÛÉ ÇÀÉÀÇ

Дунский и Фрид работали на Министерство обороны. Там прочитали сценарий и спрашивают:

– А это обязательно – чтоб генерала в лагерь?

– Понимаете, – соавторы мнутя, – тридцать седьмой год... Если не взяли, значит, «стучал»... А так посидит малость, и нормально. Ну, как Рокоссовский... Все путём.

ÑÒÐÀ ÒÁÁÈΒ È ÒÀÈÒÈÈÁ

В жизни, как в лагере, – рассуждал Фрид. – С кем вась-вась, а с кем кусь-кусь.

ÑÍ ÁÁÈÁ

Фридушки завели щенка. Когда спрашивали, какой породы, отвечали – еврей-терьер.

Á Ì ÈÐÁ ΑΕΕΑΙ ÒÍ ÛÕ

Αεεά-άúεά áíéúσáÿ éðúñá

Ñ íáñí í íé ñú òá-í íé áóσíé.

Í í à ì á: ò à è à ñ ò à ò ù à è ò ð è ñ é,

À ñ ò à è à ñ à è ì: ù ð à í è ù ò í é.

Í Í Á Í Á Í Á Í Á Á, È È È Í À Ø È Á Í Ñ Ò È

Á ÿ ò í é ì à è á ù è í é è ì ì í à ì ù á

Í à ò ó Í à ò è, í à ò ó Á à ì è.

Ç à è ñ è ð: à ì ù ù ð ù ñ è ò æ á í,

Á ñ à ì ó æ: è í ù - Á à ì ù ÿ ì è í ù...

Í à à è è è?

Í à à è è è, à ì é à è à ì í!

Í Ð È Ì Á × Á Í È Á.

Увы! Помимо русских жен бывают и русские мужья. Например, бедный Павлик... А Вениамин, кажется, – любимый сын.

Сюда же:

Ð Á Ä È Í Á Á Á Ð Á È Ñ È Í Á È Ì Ñ

Í í à è ñ é -

Í í è ì é à ì è á

Í è ò ÿ á ð ÿ

Á í ð à ö

È

Ñ ò ð ñ è ò à è ù ù

È ì ì ò í è ç ì à

Ä Ð Ó Ä Á Ñ È Í Á Í Í Ñ È Á Í È Á

Виктору Штейнбергу, лицевому хирургу, на рождение сына Бори

Í í ñ ù ì ì à à è à è à è à ñ ù ì í à ñ à ò á

Ð à ç ì í í à ð à ç ì ù á è ð à ç ì ù á

À à ì ò à à ð ð ì à ì ù á à à ò è

Í í ñ ù è ì à ð ò à à ç ì á ð à ç ì ù á

Ç à á ù á æ è ì í ð ì ó à ì ò í í é í ì ð ì á

Íí èõ ðëáí èë ááç ì ðëëáæáí èý-

Í àòèííáèíí ùí è ìí òíðí á

Ñíí èëáíí è ìí ðááðæáí èþ.

Á-ÐÁÈÈÒÌ Ð ØÒÁÉÍ ÁÁÐÁ.ÓÐÇ

Фрид простудился. Жена Дунского спрашивает:

– Может, каких-нибудь таблеток – сульфален, бисептол?

– Самое лучшее, – бурчал Фрид, – олигофрен.

ÈÒÌ ÁÑÒÛ WHO?

Эйзенштнейн собирался некогда экранизировать «Капитал», а страстный его поклонник Володя М сочинил сценарий по какой-то статье или книге Владимира Ильича Ленина.

– Скажите, Володя, – спросил Фрид, – вот вы все время ссылаетесь на своего тезку. Он что, по-вашему, серьезный государственный деятель?

– Разумеется... А по-вашему?

– А по-нашему, – сказал Дунский, – главарь шайки разбойников, которые обманном путем захватили власть!

Á ÐÈÒÌ Ó

Рапопорт – Аэропорт... Так назывался московский район (пятачок возле метро «Аэропорт»), где поселились в кооперативных домах киношные и литературные деятели (включая Фрида и Дунского) – советская творческая элита.

ÝÒÈÈÁÒ, ÈÈÈ ÒÐÍÈÈ ÁÁÆÈÈÁÍ ÑÒÈ

Чаепитие в гостях. Фрид сосредоточенно играет в шахматы. Вдруг возникает хозяйка:

– Валерик, ты мог бы когда-нибудь ударить женщину?

Мгновенный ответ – «да». Ошеломление.

– А при каких обстоятельствах?

– Представь себе. Я играю в шахматы, а женщина подходит и спрашивает, мог ли бы я ударить ее... Ух, так бы и врезал!

ÑĖĬĂĂ, ÑĖĬĂĂ, ÑĖĬĂĂ

– Из нашего языка, – сказал Фрид, – почти совсем исчезло великодушие. А посмотрите у Пушкина: образование – 11 раз, образованность – 26, а добрый – 277, а благодарить, благодарный – 243...

«ĖŌĂĬ ĨĖĖĂ ĖĂĈĂĖĖ»

Пожалуйста, – просил Дунский, – не говори об этом фильме худо. Многие позволяют себе издеваться над Пырьевым, но мало кто знает, что он потребовал у своих ассистентов вызвать на съемку безработных актеров разгромленного еврейского театра и растягивал эти съемки, сколько мог. Актеры играли в массовках, зарплата невелика, но все-таки сыты, в теплых краях...

ĬĐĖĬ ĂĂĬĖĂ

Похоже на правду – ведь музыку к фильму писал Дунаевский, которого никто (по тем временам: 1949) не смел приглашать...

ĂĖĂ

Кинорежиссер Альберт Гендельштейн, зять Утесова, был очень хорош собой – стройный, смуглый, горбоносый, с волнистыми волосами и усиками... Он знал, что похож на мексиканца, и культивировал это сходство, даже носил – чуть не единственный в Москве – шелковый шейный платок. Однажды на дипломатическом приеме его подвели к мексиканскому послу:

– Скажите, кто по национальности этот сеньор?

Посол глянул безо всякого интереса.

– Обыкновенная, – говорит, – эурэя.

ĬĬĈĂĬBB ĬĐĬĈĂ ĖĂŌĂĂĂ

Фридунским (Фриду и Дунскому) нравилось... А Эйдельман:

– В стране двоечников и троечник – отличник.

ŌĐĖĂŌĬ ĨĖĖĂ ĂŌĬĐĖĈĬ Ū

1. У всякой сволочи есть свои достоинства. 2. (Об Эйзенштейне). Какой позёр все-таки!.. И английский знал плохо. Абсолютно бесчеловечен. 3. Широта взглядов и терпимость в искусстве – не свойства ума, а продукт высокой культуры. 4. Нас (Фрида и Дунского) величали в лагере wertvolle Juden – «полезные еврей»... Была такая категория в третьем рейхе – «экономически ценный еврей».

ĂĂÑĂĂĂ ÑĐĂĖĖÑÑĂĐĬĬ

ĬăăĖŌĬŌĬ, 1962

ĐăĖĖĬĬĂ Дай жить, Нехама, не приставай, дай дышать, делай ночь!.. А как оно по-еврейски?

ŌĖă Я уж забыл. Наверное, мах нахт, Нехама.

ĂŌĬĖĖĖ Мах нахт! Мах нахт!

Ñi àpòńy.

Báàèńńá Бабель – великий писатель.

Áóíńńéé Бабель, конечно, великий писатель. Я не понимал раньше, почему Ярослав Смеляков с трепетом вспоминал о нем. Как его, Смелякова, подводили к Бабелю. В те времена каждый порядочный письменник получал благословение Бабея.

Báàèńńá А ты знаешь, что Бабель благословил Зорина?

Áóíńńéé Но он же совсем крохотный был...

Báàèńńá Я думал, что это враки, но оказалось – правда.

Óðéä А как он получил благословение?

Báàèńńá Так. Горький вызвал Зорина, девятилетнего или семилетнего, и Бабея. И вот Зорин читал стихи. А Бабель вез его назад – Зорина.

Áóíńńéé На извозчике?

Báàèńńá Бабель сказал ему пророческую фразу: «В 29 лет, – говорит, – вы совершите великое».

Áóíńńéé В литературе?

Óðéä И он совершил?

Báàèńńá Написал пьесу «Гости».

Áóíńńéé Это за которую его били жестоко...

xíèàpòńy.

Óðéä (í íàò).

Ááàèńńéé àyáy Ñàí à

Èí àé ÷àò ù ðá àí ù à,

Í í àí ù à çàáðáéé ó í àí.

Òáí àáú íí ò èòéé, ì è ðí ù é,

Í ò è ðí àò éé pàáé ðí ù é

Í àáçéí àéy ñáðíòà ñáí àí.

Áí ò ðàç é í àí ó á í àéàò ù

Í ðéèé à ðéñò í è ðáò ù:

Áàçàéé ù éé Èááà Óóéá ðí àí...

Í ðèì á:áí èÿ:

1. Нехама, делай ночь! – реплика Менделя Крика в драме Бабеля «Закат». 2. Зорин Леонид Генрихович (1924) – драматург и прозаик. Был у Горького (с Бабелем) 7 июня 1934 года. Горький тогда же опубликовал статью «Советские дети». Пьеса Зорина «Гости» появилась в журнале «Театр» (1954, февраль). Постановку тотчас запретили, подвергнув зубодробительной критике. Зорин попал в больницу, где перенес несколько операций. 3.Смеляков Ярослав Васильевич (1913 – 1972) – советский поэт, солагерник Фрида и Дунского. 4. Еврейский дядя Сёма – одесский романс (с намеком на дядю Сэма?).

ÑËÓÆÈÈÈ ÁÁÀ ÕÌ ÁÀÐÈÙÀ

Успех одноименного фильма объясняли Фридунские так:

– Мы просто очень внимательно прочитали Бабеля...

× ÓÆÁΒ ÑËÁÁÁ

Фрид напел несколько запрещенных произведений московских бардов. Запись пошла гулять по России и продавалась на «черном» рынке с этикеткою:

Песни Галича в исполнении Фрейда.

Í ÐÈÈÌÆÁÍÈÁ

Дунский и Фрид сказали Арье-Лейбу – нашему, как известно, близкому знакомому:

– Лагерь, – сказали, – не для белого человека... Но вообще мы, евреи, сильный народ. Потому что сами смеемся над собой... Только слабый боится смеха.

Í ÍÑÒÑÈÐÈÍ ÕÕÌ

«КАК ЦАРЬ ПЕТР АРАПА ЖЕНИЛ»,

ÈÈÈ Í ÈÑÙÌ Í ÁÐÁÆÍÁÁÓ

Áíðíáé Èáííèá Èèùè-!

Íáíèì èç áëááííó ïáíáèòíá èááíèíáë:áíèíá ïáíòðíèáí èÿ áðááá ìíòèáèèçí à ÿáèÿàòíÿ á ïáíòíÿíáá áðáÿ ðííèáÿ èèòáðáòòá, èíòíðáÿ ïðáííòááèÿàò èííòíðè:áíèç ìíííá, áëááííá áíááòíòáí ìíòèáèèíòè:áíèíè èèèùòòù ïáøáè ìòðáíú. Íðèíèááÿ ðíèù ðííèíè èèèùòòù á èííòíðè:áíèíè è áúòíáíí ïðíòáííá, èííèááÿ áá áííèèá áíí áíèíòè:áíèèá ïðèíèèù, ïðèáçíááÿ áé á ïðíáðíèáííòè è ðáíð:áíèíè ìáí ïáíòíííòè, áðááè ìíòèáèèçí à ðáí ìáí ùí ïúòáðòíÿ ïííòí:èòù ðííèèè ïáðíá èáè áëááíç èíòáðíáèèíáèèíç ìèèò áííááðíòá, ïíèáçáòù áíí áúòíáí ïáí ïúíúí, ïáíííáíúí è èíòáèèáèòòáèèíí ò ðáíð:áíòáí

Ííááííí ÿðííòíí, áèòèáíí áááò áòáèò ïá ðííèç ðèèùòòù ïèðíáíè ìèííèçí, èáè çáðááèíúè, ðáè è áíòðáííèè. Ðèðíèí ïðáèòèèèòíÿ ïðíòáííèááíèá :áðáç èèíí, ðáèáèèááíèá è ïá:áòù áíòèíáðíáíúò èááè, ïíðí:áíèèò ïáøò èííòíðè è èèèùòòù, ïðíòèáíííòááèáíèá ðííèíá ìíòèáèèíòè:áíèíè á. Ñèííòíí áòè:íí á ÿòíí ì ùíèá ïíÿáèáèá ïá ìááòíèíí ÿèðáíá ðèèù á Á. Í èòòù «Èáè ðáðú Íáòð áðáíá ááíèè», á èíòíðíí ïòèðíòí ðíèááòíÿ áííòíèíòáí ðííèíè ïáøèè, ïíèááíáðòíÿ ïðíáðíèáíúá ïá:èíáíèÿ Íáòðá Í, ìíí áèááðòíÿ ðííèáÿ èííòíðèÿ è ïáø ïáðíá. Áí ìèò ïíð ïííáèá ðáíú, ïííÿíáííúá ïáøáíò ïáðèíáèèííò ïðíòèíí á ïíòáðòíÿ çáíðáòíúí è. ×ðáçáí:áèíí ððáíí, á :áíòí ïááíçí ïáèíí áíòðíèòù áííòááèò ðííèíá ðáíáèíèá ïáòðèíòè:áíèíá ïáíðááèáí èÿ, ðááíòáðíáá á ððáèòèèò ðííèíè ðáèèíòè:áíèíè èèèèù. Á òí ááá áðáí ÿ ïáí á çá áðááè ïðáíèçòíÿ ï áííááá áííòááèè ð.í. «áááíáðáá», èíòíðíè ïá èí áòò ïè:áí ïáíáá ì ððáèòèèÿ è ðííèíè èèèùòòù, ìááí ïáòðèíòè:áíèèí ïáòííí...

Áγωαεε δμμετέ εεεεοόου, ααη μμαοηεεε ίαδρα ατεε αη Ααι ααηηία:ίί αεαηάαδύι γα
εηηηοδεοεαίυα αηεεγ, ίαηδαεαίυα ία γαηεοο ε ααεηυαεοα δαγαεοεα ααεεεηα αοηηαίη
αηαοηοαα δμμεηα ίαδρα, γαεγρυαηηγ αεεεεη γαηααίεαη ηοεαεεγί α, αηηα -αηηα-αηοα

Ñ αοαίεεη οααεαίεαη

Î εοαεε Οηεηοηά

14ι αδòà 1976 αηα

Ï ΔΕÏ Α×ΑÏ ΕΑ.

Î υία ε γοηη οίεηη ό - ίεσαο αοόηαε «Î αο ηαδαι αηεε», - οεα ίαηαδύαεη υ ίαεηοηδύα
ηηγμαεγ. Οεεη εε ηδρ οαδγ Î αοδα ε αη αδαηα αηγαε /.../ αηεηοηε, οηοη ε ίαδρ ηεε ηεαηαε.
Βαεεηηα Α. Î εοδα (Βαεεηαε-) ααεηηοαηηυη αηηοηεηυη ίαηαηεεηη Î αοδα ηεαγαε αη αδαηα á
εηηηεηαεε Αεααεη εδα Αημοεηα. Νοοη εαδοεηύ η:αεαηα: á αεεηε Βηηεε οηεηεη ίαδμηεεε -αεηαε
η ίαεο αηοη οη ηυη ε αεαηδραηυη. Νοαηαδεε ηεαηεεε ηηυοηυα αδαηαεεη Αοηηεεε ε Οδεα, á
αηαηεηααηηοφ η ογυεο η:εηεε Α. Οηεοεα - ααοοηεε «ααεεεεε αηεε», á οηαα εεοη ηεδρ ηυε
εαοδαο Αηη δαι εε ΔΝΟΝΔ εη αηε Εδουηεηε /.../

«Αηγί ηαηη, οηα Οηεηοηά ηεαγαηηγ ηηα εαεεη-οη, ηοηραη ία ηηεοεαηυη, αεγηεαη »
(δαηεηοεγ ηαεδαοαδγ ΟË Î.Α. γεη ηηεηα) /.../

Αηο εαε! Î εαεηα ηεηεγί á á ΝΝΝΔ ίαο. Ουηγ:ε αδαεααη á Εγδαεεη ία οαγαηο. Ε
Αημοεεε, εηηεηγρυεε á δμμοηαηεηη οεεη α Î εοδου αεαηηφ δρεη, ία ηηεο ηηηοηγηηη αεηοεε η
η ηαηαηεαηη.

НОАХ

Èéáí à Áððè

Í íàð, í óæ í ðàáááí úé, áúè í áí í ðí-í úí á í í é í á í é ý ð í á í é á

(Áððè ò èí 6:9)

Творцу. Поколение «допотопных» людей вело себя ужасно. Только семья Ноаха оставалась верной

И сказал Всесильный

Ноаху:

– Конец всякой плоти настал предо мною... Сделай себе ковчег из дерева гофер, 300 локтей длина, 50 локтей ширина, 30 локтей высота. Просмоли снаружи и изнутри, а Я наведу Потоп, чтобы истребить всякую плоть, в которой есть дух жизни. Но с тобою заключу Я союз, и войдете в ковчег вы с супругой и сыновья ваши с женами. Возьми в ковчег всякой твари по паре, а чистых – по семь пар.

Ноах посадил деревья и, когда они выросли, срубил их и начал сколачивать ковчег. Работал «без перекуров» 120 лет. Подходили зеваки и спрашивали:

– Что делаешь?

– Для чего тебе такая громадная лодка?

Ноах им в ответ:

– Я вырастил эти деревья для ковчега, чтобы спастись от Потопа. Но его может и не быть, если вы исправитесь и раскаетесь.

– Из ума выжил, старый идиот. Не будет никакого Потопа!

Ноаху исполнилось 600 лет. Он выстроил трехъярусный ковчег. Сам остался с семьей на верхней палубе, на нижней поместил животных, а в трюме сложил запасы еды.

Потоп начинался потихоньку: пошел мелкий дождичек, потом припустил и полил сильнее. Все-таки была слабая надежда, может, люди раскаются. Но все оказалось напрасно. Человечество не желало исправляться.

Сообразив, что Потопа не избежать, люди столпились у входа в ковчег и не пропускали Ноаха внутрь:

– Чем ты лучше нас? Коли нам тонуть, так и ты погибай!

Тут из-за спины Ноаха выпрыгнули львы и тигры и с грозным рычанием разогнали толпу. Ноах со всем семейством поднялся на борт. Только задраили люк, как воды хлынули сверху и вскипели снизу. Даже вершины самых высоких гор скрылись под бурлящими волнами. В живых остались только рыбы, обитатели ковчега и великан по имени Ог. Он обещал исправиться и служить Ноаху, как верный раб. В ковчег его не впустили: он был слишком велик. Ог плыл рядом, а Ноах кормил его через специальное окошко. Дожил этот великан до времен исхода евреев из Египта и даже воевал против них.

Плаванье длилось год. Как-то Ноах запоздал с обедом для льва, и тот ударил его лапой. Ноах захромал, но простил царю зверей такое поведение. А больше никто из тварей не осмеливался докучать праведнику.

Дождь прекратился. Вода начала уходить. Ковчег бросил якорь на горе Арарат. Ноах открыл окошко и выпустил ворона. Тот покружил-покружил и вернулся назад.

Тогда Ноах отправил на разведку голубя. Голубь взмыл в небо, потом вернулся. Через несколько дней сделал Ноах еще одну попытку. Прилетел голубь обратно, сел к нему на плечо с веточкой оливы.

Послал Ноах голубя в третий раз. Тот не вернулся. Понял праведник, что земля уже просохла и можно выбираться из ковчега. Вышел сам с семейством и выпустил зверье. И тут раздался голос с неба:

– Больше Потопа не будет! Но каждый раз, когда придет час покаяния, Я буду показывать вам на небе радугу.

Однажды посадил Ноах виноградник. Урожай выдался на славу. Ноах собрал громадные грозди. Что с ними делать? Выжал виноград в большой чан и забыл про него. Сок забродил, получилось вино.

Подлетел петух:

– Кукареку! Если человек выпьет немножко, будет весел и задирист!

Подошел лев, слизнул малость:

– Ах, хорошо! Кто выпьет еще толику, вольется в жилы его храбрость, и море ему будет по колено!

Спрыгнула с дерева обезьяна. Зачерпнула из чана вина и заверещала:

– Еще выпьет – смешливость и болтливость ему обеспечены!

Попробовал осел:

– Иа-Иа, красота! Кто выпьет еще вина, станет туп и упрям!

Последней пригубила свинья:

Прекрасный напиток, но коли переборщит человек, то свалится в лужу и будет там спать!

И вспомнил наконец про виноградный сок Ноах и надрался как свинья. Еще и одежды свои изорвал. Свалился под куст и заснул. Проходил мимо его младший сын Хам. Прыснул в кулак и побежал к братьям:

– Хорош отец! Посмотрите!

Старшие братья Шем и Яфет не стали его слушать. Взяли плащ и, не глядя на отца, укрыли его. Проснулся Ноах. Обо всем узнал и очень рассердился на Хама.

Пришло время благословлять детей:

– Шему Тору учить, Яфету в ремеслах искусным быть. Хаму, если вообще человеком хочет остаться, вечно старшим братьям служить.

Расплодился потомки Ноаха, и произошли от них семьдесят народов. Все они общались на «лошон койдеш» – на святом языке Торы. На иврите. Продолжалось так до строительства «Вавилонской башни».

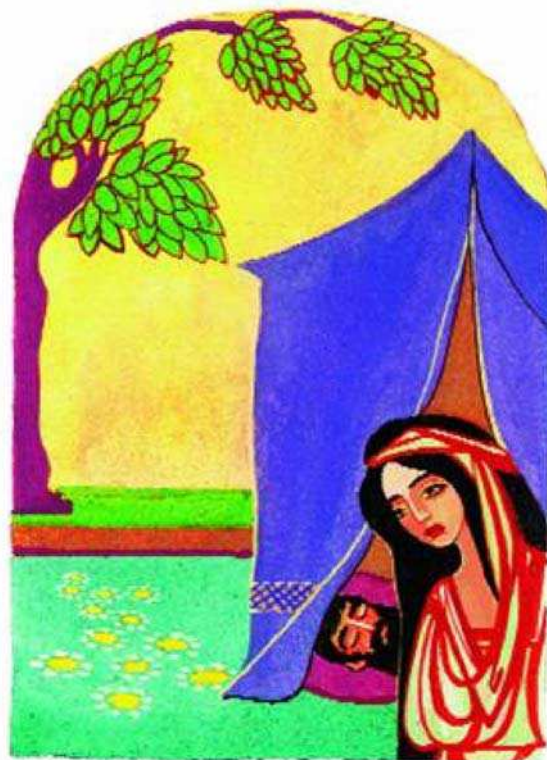
Дальше начинается совсем другая история.

ÆÁÍ Û

È nèàçæ Á-á Áññèèüñ ùé:

«Í áññèèüñ áúòüñ-æíááéó íáí ñí ó ññèèèè àí ó ííí ñùíéèè, ññíòááòñòááí ííáñ àí ó». (Áðáéèèò, 2:18)

Еврейский народ вышел из Египта. Остались позади столетия унижительного рабства. Угнетатели сгнули в морской пучине. Моше принес Тору с Синая. Отстроили переносной Храм. Князья одиннадцати колен Израилевых принесли в нем жертвы. Аарон а-коэн и другие левиты были призваны на священное служение. Все наконец-то успокоились.

Вдруг – что такое? А! Это Корах воду мутит! Почему? Не назначили главным над коленом левитов. На люди показаться стыдно, да и дома покоя ему нет. Жена уже чуть на две половины не распилила:

– Как ты допустил, чтоб тебя обошли? Шлимазл! И, вообще, кто такой этот Моше, чтобы должностями распорядиться? Ишь ты, все тепленькие места любимчикам раздал: себе – главы поколения, это все равно как царь, не меньше. Аарону – братцу – первосвященника. Ну, допустим... Но дальше по старшинству идешь ты и должен стать Князем колена Леви! Да-да! А этот пост отдали твоему младшему родственнику! А почему? Ты ли не богат? Ты ли не умен? Ты ли не красив? Во всем виноват Моше!

И Корах «закусил удила»:

– Мы все Царство священников, мы все святые! Аарон и Моше – самозванцы! Выгоним их вон!

Окруженный соратниками прошествовал к шатру Моше, стоявшему вне стана. Прокашлялся, оправил голубой талес и начал:

– Эй, Моше, скажи, нужно ли привязывать голубую нить к кисти цицис, если весь талес голубой шерсти?

– Да!

– А необходимо ли вешать мезузу на дверной косяк, коли в доме и так полно свитков Торы?

– Это заповедь! Затея твоя, Корах, не к добру! Бунт твой не против меня или Аарона, а против Б-га. Лучше раскайся, пока не поздно! – сказал Моше.

Корах расхохотался ему в лицо:

– Это мы увидим!

Подобрал полы одежды и был таков.

Смуглый, широкоплечий парень вбежал в свой шатер и швырнул накидку в угол.

– Ты знаешь, что происходит? – сказал он жене. – Корах собрал народ и поднимает восстание против Моше! Я тоже участвую. Сколько можно нами командовать! Раздал все посты своим родственничкам, а мы чем хуже...

– Ну, ничего, скоро все станет на свои места. Мы с Корахом порядок наведем! – выкрикивал парень, бегая из угла в угол.

– Ты бы присел, дорогой.

Жена опустила на колени и омыла мужу ноги из глиняного кувшина с витиеватой росписью. Потом перед ним появился поднос с едой и питьем. Когда он поел, женщина полила ему на руки. Он с наслаждением растянулся на ковре. Только после трапезы присела жена рядом и сказала:

– Я всего лишь глупая женщина и в ваших спорах ничего не понимаю. Но ты подумай! Если победа будет на стороне Моше, все останется как было. А ты будешь наказан. Если победит Корах, то он и будет править. Про твою помощь, в лучшем случае, забудут. Так зачем же класть свою голову между молотом и наковальней?

– А что делать? Я уже дал слово!

– Не волнуйся, выпей вина и ложись спать, а я все устрою, – ответила жена.

Рассвело. Женщина вышла, села на пороге. Показалась группа людей, направлявшаяся к их шатру. Быстрым и легким движением она распустила волосы. По плечам рассыпались длинные черные пряди. Мужчины застыли в изумлении. Услышали храп, доносящийся из шатра. Смуглились и ушли. Пялиться на чужую жену нельзя. Тем более, когда она в таком виде.

Когда муж проснулся, рассказала ему жена, какие ужасные события произошли с заговорщиками. Кораха со всем его семейством поглотила земля. Сообщников его из других колен Израилевых испепелил небесный огонь. «Всяк сверчок знай свой шесток!»

Обнял он свою супругу, поцеловал и сказал: «На сей раз, дорогая, ты спасла мне жизнь».

Говорят наши мудрецы, да будет благословенна их память: если муж праведен, то жена ему помощница, а если нет, то, ой-вей, этому человеку не позавидуешь!

КНЯЗЬ ИЗ КУСИ

Маркус Леман

Окончание. Начало см. в № 5 – 7 за 2004 год.

XV

На другой день Ричард со свитой и двумя своими спасителями возвратился к войску. Он испытывал искреннюю благодарность к рыцарю и рабби Шимшону: ведь те с угрозой для собственной жизни избавили его от позорного плена, быть может, даже от самой смерти. Рабби Шимшон очень пришелся по сердцу королю, и тот попросил его остаться при нем до тех пор, пока он сам, Ричард, не вернется на родину. А это время теперь не казалось английскому королю таким далеким. Филипп Французский уже тронулся в обратный путь, и Ричарду не давала покоя мысль, что сей враждебно относящийся к нему монарх станет угрожать его владениям. Между тем, и в самой Англии возникли распри между братом короля и Иоанном и кое-кем из влиятельных людей в королевстве. Ричард только хотел вначале захватить Иерусалим, посадить там на трон своего ставленника и уж потом, увенчанным славой, возвратиться домой. Но ему не было суждено взять Иерусалим несмотря на то, что во многих сражениях, закончившихся победой христиан, английский король проявил неслыханное мужество. Именно его доблесть часто решала исход битвы. Не сосчитать, сколько раз он сам бесстрашно шел навстречу смертельной опасности, и его меч неизменно сеял ужас и гибель в рядах врагов. Но раскол, но интриги и зависть, царившие в лагере христиан, скоро свели на нет все военные преимущества, достигнутые в единоборстве с таким хитрым, расчетливым и осторожным противником, как султан Саладин. Разногласия среди предводителей христианского воинства были настолько сильны, что, когда двое мусульман подло убили маркграфа Конрада фон Тира, которому предназначался титул короля Иерусалима, в этом злодеянии обвинили английского короля: он дескать, нарочно подослал убийц. А ведь было ясно, что убийцы входили в банду, командовал Сенан, старейшина с гор, глава измаилитов в Массиате, в Леванте. Это он поручил уничтожить будущего короля. Шло время, крестоносцы устали от слишком долгого пребывания на Востоке, и несмотря на свой беспримерный героизм Ричард Львиное Сердце скоро был вынужден сам заключить не слишком выгодный для себя мир.

В общем, единственным итогом, которого удалось достичь ценой жизни более чем полумиллиона храбрейших воинов Запада, оказался захват двух укрепленных городов – Птолемаиды и Яффы. В крестовом походе, за малым исключением, участвовали вся французская знать, весь цвет немецкого и английского рыцарства, не считая огромного числа добровольцев из Италии и северных королевств (они тоже взялись за оружие). Однако из этого похода те, кому выпало счастье вновь увидеть свою родину, нередко возвращались с тяжелым, обидным чувством, что они напрасно рисковали жизнью, ввязавшись в проигрышное дело.

Конечно, король Ричард, пусть и не посчастливилось ему добиться на Востоке особо громких побед, имя себе стяжал такое, что еще целые столетия спустя оно наводило ужас на мусульман. И сегодня араб говорит своей лошади, если та шарахнется в испуге: «Ты что, боишься, что Ричард придет?» Когда сарацинский ребенок кричит и не желает успокаиваться, мать и теперь грозит ему: «Замолчи, а то позову короля Ричарда».

Однако в Европе Ричард восстановил против себя почти всех власть имущих. Французский король, на сестре которого он не пожелал жениться, его возненавидел. Родственники маркграфа Конрада фон Тира, вопреки всем очевидным доказательствам, видели в нем убийцу близкого человека. Герцог Леопольд, гордость Австрии, был смертельно обижен на Ричарда за то, что во время похода тот приказал сорвать герцогское знамя с захваченной башни и втоптать его в грязь. Когда потом буря занесла корабль короля во французскую гавань, он не пожелал высадиться на земле врага и поплыл вдоль берегов Адриатики. Между Венецией и Аквилеей произошло кораблекрушение, но королю повезло целым и невредимым выбраться на сушу. Однако уже в Иллирии и Каринтии над ним вновь нависла серьезность опасность: эти земли находились под властью графа Майнхарда фон Герца, родственника и друга покойного маркграфа Конрада фон Тира. Ричард пошел на хитрость – скрыл свою внешность, нацепив длинную бороду и обрядившись в платье местного жителя. Он взял себе другое имя и лишь тогда продолжил путь через владения фон Герца. Но нашелся предатель, который выдал короля врагам, и лишь с большим трудом ему удалось уйти от погони. Во Фрише (в Каринтии), брат графа Майнхарда захватил в плен всю свиту короля, бежать удалось только ему самому с рабби Шимшоном и еще с кем-то из слуг. Они вместе благополучно добрались до Вены, но там Ричарда узнали и под стражей доставили к герцогу Леопольду. Он успел только крикнуть рабби Шимшону, чтобы тот ехал в Англию и передал британцам весть о пленении их короля.

Понуро бродил рабби Шимшон по улицам Вены, размышляя над тем, как бы побыстрее добраться до Лондона и убедить Элеонору, королеву-мать, немедленно начать борьбу за освобождение сына.

И тут его вдруг окликнули:

– Мой дорогой рабби! Вы? Возможно ли это?

Он поднял глаза. Перед ним стоял красивый еврейский юноша. Лицо его выражало крайнее изумление.

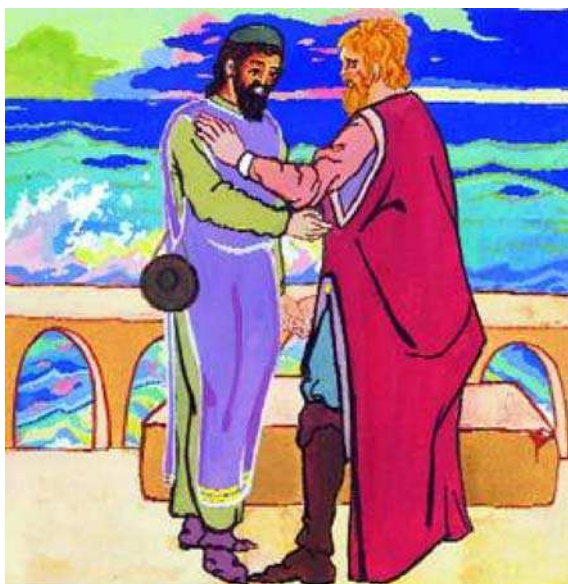
– Ицхак! – закричал рабби Шимшон. – Мой любимый ученик! Сам Б-г послал мне тебя в крайней нужде. Ты что же, теперь живешь в Вене?

– Да, – отвечал Ицхак. – Живу у дяди. Здешняя еврейская община хочет выбрать меня своим раввином – сразу, как только женюсь.

– Тогда веди меня к себе, дай поесть и переодеться.

Вскоре они оба уже сидели в комнате Ицхака, и, пока рабби Шимшон утолял голод и жажду, Ицхак рассказывал ему обо всем, что произошло в Куси. О том, как Хаим хотел заставить Цаиру выйти замуж за Абнера, который и книги-то сроду в руках не держал, и как он сам из-за происков недоброжелателя вынужден был уехать в Вену.

– Но пока что, – завершил свой рассказ Ицхак, – вашему брату не удалось настоять на своем. Цаира не уступает и рабби Моше ее в этом горячо поддерживает. К сожалению, до меня дошла весть, что рабби Моше собрался оставить наш город и перебраться на родину, в Испанию. Тогда ваша дочь, боюсь, не сможет дольше противиться воле жестокосердного Хаима.

– Ничего не бойся, Ицхак! Всемогущий Б-г был так милостив, что уберег меня от всех напастей. Он охранит и мое дитя до тех пор, пока я вернусь домой. А потом она сможет выйти замуж за того, кого выбрала сама и кого выбрал для нее я. Нынче же моя главная задача – вызволить короля. Поедем вместе в Англию, сделаем свое дело, и как только Ричард получит свободу, отправимся в Куси.

Когда крестоносцы, вместе с Ричардом тронувшиеся в обратный путь из Святой земли, добрались до Англии, они очень удивились, узнав, что их король так и не прибыл на родину. В стране воцарились печаль и тревога. Наконец, рабби Шимшон доставил Уолтеру, архиепископу Руфтскому, весть о том, что король в Вене попал в плен. Архиепископ без промедления созвал преданных слуг короля в Оксфорд – на совет, решить, какие меры следует принять для освобождения Ричарда.

Тем временем император Генрих VI потребовал у Леопольда выдачи английского короля: не полагалось, чтобы король находился во власти герцога. 23 марта 1193 года герцог Леопольд передал Ричарда императору, и тот приказал переправить пленника в замок Трифельс в Пфальце. Название места, где Ричард содержался под стражей, хранилось в глубокой тайне до тех пор, пока Блондель де Несль, менестрель из Арраса и личный друг короля, случайно не раскрыл секрет. Блондель де Несль переезжал из замка в замок, исполняя свои песни, и вдруг однажды, когда он пел в Трифельсе, из подземелья до него донесся громкий голос короля. Тот узнал менестреля.

Рабби Шимшон ездил из Англии в Германию и обратно, ища выхода. В конце концов, ему удалось уговорить друзей короля пойти ради Ричарда на немалую жертву. Сумма выкупа составила сто тысяч марок чистейшего серебра. Дело было сделано, и король получил долгожданную свободу. Ступив в Сандвиче на английский берег, он пал ниц и поцеловал родную землю. Потом обнял рабби Шимшона со словами: «Ты верный друг и преданный слуга. Один раз ты, без преувеличения, спас мне жизнь, теперь именно ты освободил меня из плена. Я щедро награжу тебя».

XVI

Цаира долго сопротивлялась, категорически отказываясь подчиниться желанию своего дяди и выйти замуж за невесту Абнера. Пока рабби Моше жил в Куси, она находила у него помощь и поддержку, и Хаим не осмеливался силой принудить дочь брата заключить союз, который был ей ненавистен. Но в один прекрасный день возникли обстоятельства, заставившие рабби Моше оставить Куси и вернуться на родину в Испанию. Семья рабби Шимшона сразу же сделалась легкой добычей для его безжалостного и корыстолюбивого брата.

– Хорошо, – сказал он плачущей Цаире. – Не хочешь выходить замуж за человека, которого я выбрал от всей души и ради твоего счастья, – не надо. Но тогда я умываю руки. Отныне вы лишаетесь всякого вспомоществования. Денег я вам больше не дам. Поживите в нужде! А потом посмотрим, не будет ли нищета, в которой окажутся и твоя мать, и твои братья и сестры, и ты сама, сильнее твоего упрямства. Голод – не тетка...

– Деверь, – возмущенно сказала Дина, – ты не сделаешь этого! Ты не позволишь, чтобы жена и дети твоего великодушного брата, вместо тебя подставившего шею под ярмо, нуждались в куске хлеба!

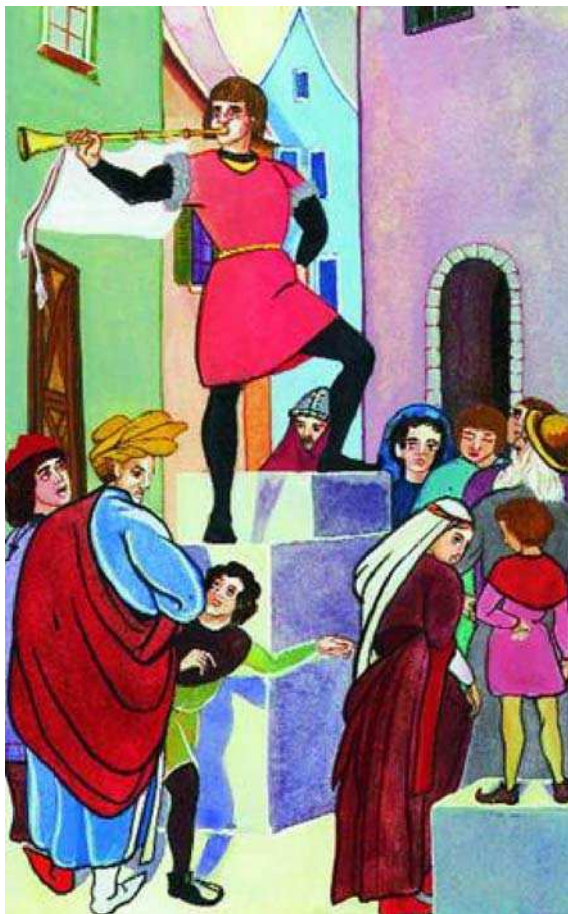
– И тем не менее, я собираюсь поступить именно так, – непреклонно объявил Хаим. – Семьсот драхм, что были выплачены за мое освобождение, я уже десятикратно вернул. Если ты, мать, не можешь сломить упрямство своей дочери, то изволь разделить с ней плоды этого упрямства. Раз вы не желаете исполнить мою волю, я вашему семейству больше ничем не обязан и впредь пальцем о палец ради вас не ударю.

Напрасно бедная Дина плакала и молила о пощаде. Хаим был тверд, как скала, и безоговорочно лишил семью брата денег, прежде исправно выплачиваемых им каждую неделю. Достаток, в котором они жили, кончился. Наступила самая настоящая, самая горькая нужда, поскольку все, что у них было, – дом, домашняя утварь и одежда – принадлежало Хаиму. Они не имели права ничего продать. К тому же все их еврейские соседи приняли сторону Хаима, ополчившись на несчастных и не уставая порицать упрямство Цаиры. Люди ведь почти всегда правым считают того, кто богаче... Дело кончилось тем, что Цаира, жалея близких, решила подчиниться. Помолвку отпраздновали со всей пышностью: настояв на своем, Хаим тут же снова стал щедрым.

День свадьбы был уже назначен, как вдруг из Лондона пришел неожиданный указ. Королева-мать, в отсутствие короля вынужденная принять бразды правления, ставила своих подданных в известность о том, что пока короля держат в плену, во всех землях, подвластных британской короне, включая Нормандию, запрещаются любые празднества и увеселения. Понятно, дело касалось и свадеб. Никто не радовался высочайшему повелению больше, чем Цаира.

Прошел месяц, за ним второй, потом третий... Наконец, королевский герольд прибыл в Куси и объявил об освобождении Ричарда, а стало быть, и о снятии высочайшего запрета. Одновременно местные жители узнали и еще одну необыкновенную новость: король изволил, по причине гибели под Птолемаидой князя Рауля де Куси, пожаловать его княжество другому своему приближенному. Уже на следующий день, возвестил герольд, в город вступит новый князь. Поэтому жителям велено как можно быстрее приготовить все нужное для достойной встречи его светлости.

У жителей Куси, прямо скажем, прибавилось дел. Им предстояло меньше чем за сутки соорудить триумфальную арку, привести в порядок и украсить замок. Но главное – всем очень хотелось поскорее узнать, кто стал новым князем де Куси. Герольду не давали проходу на улице, засыпали вопросами, но бедняга не мог ничего рассказать по той простой причине, что сам ничего не знал.

Хаим первым делом поспешил к невестке, чтобы уговорить ее назначить свадьбу прямо на завтра. С большим трудом удалось Цаире отсрочить торжество еще на день. Итак, сразу после пышной встречи нового правителя ей предстояло быть принесенной в жертву произволу беспощадного родственника.

В ту ночь потрясенные доставленным из Лондона известием о назначении в Куси нового князя, горожане и глаз не могли сомкнуть. Но спать им не давали не только волнение и любопытство. Им пришлось, напрягши все силы, работать не покладая рук, чтобы к наступлению дня завершить многочисленные приготовления, сопряженные с торжественной встречей. Только на рассвете закончили они возводить триумфальную арку, и почти сразу же над городом зазвучала музыка, послышались трубные звуки рогов, возвещавшие о приближении нового повелителя. Затаив дыхание, смотрели люди на конную процессию, вступившую под своды только что поставленной арки. Впереди ехали шесть трубачей, играя веселые марши, за ними – двенадцать фореиторов в алых плащах, расшитых золотыми галунами. Следом ехал князь в рыцарском облачении, на белом коне, полученном в дар от короля. Он наполовину опустил забрало, так что черты лица его было не разглядеть. Зато все видели, что это красивый рослый мужчина с горделивой осанкой. Слева от него цокал копытами черный жеребец; молодой человек, сидевший в седле и тоже облаченный в доспехи, забрало своего шлема, однако, поднял. Евреям, а их было немало среди тех, кто пришел посмотреть на процессию, лицо спутника князя отчего-то показалось знакомым. Даже очень знакомым. Они подталкивали друг друга локтями и тихонько переговаривались: «Послушай, не знаешь, кто сопровождает князя? Я его точно где-то видел». «Я тоже видел, – слышалось в ответ, – вот только не припомню, где и когда».

Князь и свита направились к замку. В парадном зале специально установили трон; с обеих его сторон, опустившись на одно колено, стояли герольды. Князь подошел прямо к трону, и когда в зале собралась вся местная знать, герольды выпрямились в полный рост и развернули большие пергаментные свитки, скрепленные королевской печатью. На этих свитках был записан указ о пожаловании княжества.

Князь сел на трон, герольды накинули ему на плечи горностаевую мантию и возложили на голову корону. После чего новый князь де Куси торжественно поклялся в верности королю и своим вассалам. Затем начался великий пир.

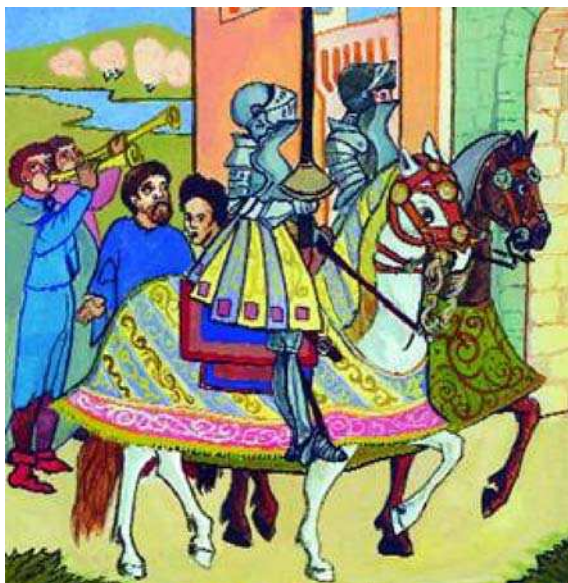
Об этом пире рассказывали потом странную вещь. Князь не ел и не пил за одним столом с придворными. Юноша достал для него и для себя из походной корзины мясо, хлеб и вино. Этим они и насыщались, сидя отдельно от других.

Кем же он мог быть? Кто такой этот князь, не пожелавший разделить трапезу с собственными вассалами? Неужели и вправду Малек аль-Адель, брат султана Саладина? О Малеке говорили, будто он близко подружился с Ричардом, женился на его сестре, овдовевшей королеве Иоанне Сицилийской, и последовал за английским королем в западные земли. Неужели это он? Никто не мог пролить свет на тайну, так что всем пришлось, хоть и против воли, терпеливо ждать, когда она откроется сама собой.

На следующее утро, как известно, было назначено бракосочетание Абнера и Цаиры. И оно наступило, это утро. В доме Хаима уже завершались последние приготовления. Внезапно все главы еврейской общины, а первым среди них считался Хаим, получили приказ срочно явиться в замок. Они, естественно, повиновались.

На голове князя, восседавшего на троне, был шлем. Забрало было опущено, как и накануне, разглядеть его лицо снова было невозможно.

– Подойдите ближе, – сказал князь главам общины. – Я велел позвать вас, чтобы сказать, что буду для вас милостивым господином. Все ограничения, наложенные на вас моими предшественниками, князьями де Куси, отныне упраздняются. Все дополнительные подати, которые до сих пор еврейская община должна была отчислять в княжескую казну, отменены. С сегодняшнего дня все мои подданные уравниваются в правах – неважно, христиане они или иудеи.

– Всемиловитейший повелитель, – изумленно спросил Хаим, – чем мы заслужили столь высокую честь?

– За это вы должны благодарить од

ного из ваших соплеменников, раба сарацинского эмира, который сослужил мне в Святой земле великую службу. Он здешний уроженец, а имя ему – Шимшон.

– Шимшон, светлейший князь, – мой родной брат. Он жив?

– Жив. Вас зовут Хаим?

– Моему всемилостивейшему повелителю известно...

– Ваш брат рассказывал мне о вас; я знаю, он пошел в рабство ради вашего спасения. Вы, если я не ошибаюсь, договорились с ним, что станете до конца дней заботиться о его жене и детях. Исполняете вы свое обещание?

– Конечно, исполняю, мой повелитель.

– Старшая дочь Шимшона, он, я помню, говорил, уже совсем взрослая. Девушка на выданье. Она не вышла замуж?

– Она была бы уже давно замужем, если бы не указ королевы-матери, запретивший торжества и праздники на то время, пока наш король находился в плену. Но именно сегодня, к огромной моей радости, должна наконец состояться ее свадьба.

– А кто тот человек, с которым ей предстоит связать свою судьбу?

– Его имя Абнер, мой повелитель.

– Шимшон не раз говорил мне, что он строго-настрого приказал вам выдать его дочь только за ученого человека, человека, знающего толк в Святом Писании. Этот Абнер именно таков?

Хаим пришел было в крайнее замешательство. Но, будучи по природе отнюдь не труслив и даже дерзок, спустя мгновение, он, к удивлению остальных, смело произнес:

– Конечно, светлейший князь. Я старался в точности исполнить волю моего самоотверженного брата.

– Вот и прекрасно, – кивнул князь. – Пришлите жениха ко мне, я сам хочу испытать его.

С этими словами он отпустил глав еврейской общины. Когда они вышли из замка, кто-то из них сказал Хаиму:

– Что вы натворили! Вы выдали невежду Абнера за талмудиста. В один прекрасный день обман выйдет наружу, и вам не поздоровится.

– Обман не выйдет наружу! Что понимает этот князь в Геморе? Брат, что ли, обучил его премудрости Талмуда?

Раздраженно махнув рукой, Хаим поспешил домой, где жених уже поджидал невесту.

– Абнер, сын мой, – сказал ему Хаим, – тебе нужно пойти к князю. Он хочет испытать тебя, хочет знать, искушен ли ты в премудрости Талмуда, а значит, достоин ли стать мужем дочери рабби Шимшона. Но ты не пугайся! Тебе достаточно будет просто бойко, уверенно отвечать на вопросы, которые он задаст. Что понимает этот князь в Геморе? Ему любой ответ сгодится.

Абнер почувствовал себя весьма неудобно, услышав, что придется сдавать какой-то странный экзамен, тем не менее – хочешь-не хочешь – волю князя надлежало выполнить. Робея, вошел он в парадный зал, где новый обладатель княжества по-прежнему восседал на троне.

– Не бойся, – ободряюще сказал он Абнеру, – и смело отвечай на мои вопросы. Ты Абнер, жених дочери рабби Шимшона из Куси?

– Да, мой князь.

– Рабби Шимшон распорядился, чтобы его зятем непременно стал ученый человек. Тебе это известно?

– Я и есть ученый человек, мой князь.

– Тогда скажи мне, что означает «гзейро шове»?

– Это такое гзейро, что никто не знает, почему оно называется шове.

Князь разразился смехом.

– Ты и вправду – сказал он, качая головой, – великий ученый, ибо умеешь сам себе прийти на выручку. А теперь скажи мне, что такое «биньон ав».

– «Биньон ав»? Это «постройка отца». Честное слово, мой князь, отец построил для меня большой и красивый дом!

Князь снова рассмеялся. Потом вдруг стал очень серьезным и проговорил:

– Глупец, как ты отваживаешься выдавать себя за ученого? Ты и вправду заслуживаешь сурового наказания.

– Господин, – дрожа от страха, отвечал Абнер, – это не моя вина, что я посмел вас дурачить. Хаим, дядя моей невесты, велел мне как можно бойчее отвечать на ваши вопросы, потому что вы, дескать, ничего не смыслите в Талмуде.

– Если дело обстоит так, как ты говоришь, то я освобождаю тебя от наказания. Но на дочери Шимшона ты сможешь жениться только тогда, когда согласишься на пять лет уйти от дел, всецело посвятив себя изучению Талмуда.

– Уйти от дел и ничем другим не заниматься, кроме учебы? Ах, милостивый господин, если бы вы только знали, чего мне стоило научиться просто читать и писать по-еврейски! Нет, ваша светлость, лучше уж я откажусь от невесты, чем соглашусь принять это непосильное условие. В округе хватает девушек, которые сочтут счастьем для себя выйти замуж за богатого Абнера!

– Тогда ступай и пришли ко мне жену рабби Шимшона со старшей дочерью.

То, что Абнер сообщил гостям, собравшимся в доме Хаима, взволновало всех необычайно. Что свадьбы не будет, этому почти никто не удивился. Известие о свадьбе, по существу, ничего не стоило в сравнении с рассказом о том, какой выдающийся знаток Талмуда новый князь и какие трудные вопросы – для Абнера они действительно были сверхтрудными – он задавал. Тем временем Дина с дочкой, сгорая от любопытства и трепеща от страха, отправились в замок. Когда доложили об их появлении, князь велел привести к нему сначала девушку, а уж потом ее мать. Дина осталась у входа.

– Тебе, наверное, горько, дитя мое, – начал князь, обращаясь к стоявшей перед ним Цаире, – что ты не сможешь отпраздновать свадьбу и вообще лишилась богатого жениха?

– Б-г да благословит вас, ваша милость, – сказала в ответ Цаира, и глаза ее наполнились слезами. – Я уже и раньше поняла, что вы намерены делать живущим в Куси евреям только добро. Но за то, что вы спасли меня от этого замужества, да воздаст Всевышний вам особой наградой.

– Но ведь рано или поздно ты все равно должна будешь выйти замуж, не так ли? Вот я сам и подберу тебе жениха.

– Простите, повелитель, свою недостойную служанку, но я дерзну честно признаться вам, что юноша, которого выбрал для меня в мужа отец, и есть избранник моего сердца.

– И как же зовут этого юношу?

– Ицхак по прозвищу Ашкенази. Он ученик моего отца.

– Вот как? Надо хорошенько над всем этим подумать... Ладно, позови пока что свою мать.

Дина робко переступила порог зала.

– Добрая женщина, – обратился к ней князь...

При первых же звуках его голоса Дина всплеснула руками и испустила пронзительный вопль:

– Шимшон! – кричала она. – Это ты, Шимшон, я же знаю! Г-сподь Всемогущий, я слышу голос своего мужа!

Тогда князь наконец снял с головы шлем вместе с забралом. Да, это был он, рабби Шимшон, целый и невредимый. В награду за бесценные услуги, не раз и два ему оказанные, король Ричард сделал Шимшона князем де Кузи.

Где взять слова, дабы описать, все, что началось в эту минуту в парадном зале княжеского замка?! Да и можно ли вообще передать словами великую радость души человеческой? Безмерное счастье человеческого сердца?

Но Цаире в этот день предстояло испытать не одно, а целых два потрясения: из боковой двери в зал вошел и направился к ней спутник князя, высокий, стройный юноша, в котором она тотчас узнала Ицхака Ашкенази, единственного своего избранника.

То, что вскорости, при всеобщем ликовании, в Кузи отпраздновали пышную свадьбу, всем наверняка понятно и так.

Рабби Шимшон прожил еще долго, благоденствуя в кругу семьи. Он был справедливым и добрым правителем – отец своим подданным, помощник бедным, защитник угнетенным.

Хаим чуть не сгорел со стыда, когда брат стал упрекать его в вероломстве. Князь освободил его от заслуженного наказания, однако волнение и страх, пережитые после появления Шимшона, уложили Хаима в постель, с которой он так больше и не встал. Для вдовы и детей своего брата рабби Шимшон сделался щедрым покровителем и не отрекался от них никогда.

Цаира последовала за своим супругом в Вену, его призвали туда, чтобы предоставить молодому ученому место раввина. Рабби Ицхак Ашкенази стал одним из самых уважаемых сынов Израиля. Его великий труд «Ор Заруа» принадлежит к числу известнейших произведений в талмудической литературе.

С благодарностью вспоминал князь де Куси бедных евреев Могадора. Он отправил им корабль с золотом, серебром и другими ценностями.

Правя княжеством, рабби Шимшон не забывал о любимых занятиях. О Торе, о Талмуде. Тосефисты нередко с похвалой отзываются о «а-сар ми-Куси», «князе из Куси».

После смерти рабби Шимшона княжеский титул не перешел по наследству к его сыну. Преемники короля Ричарда не питали к евреям особенно дружеских чувств; во всяком случае, дружескими эти чувства были не настолько, чтобы та милость, которой король по прозвищу Львиное Сердце удостоил одного из сыновей Якова, распространилась на его потомков. Но преданность Б-жественному учению, но вера в него, которые дороже всех корон мира, сохранились в роду князя де Куси.

Ī ādāāā ű ī āī āōēāā

Ī ādēē Āēōēāāēēē

– Скажите, миссис, что вы думаете о перспективах израильско-палестинского мирного сотрудничества?

Вы слышите проклятия, которая обрушивается сионистская оккупантка на представителя нашего телеканала. Это очередное наглядное подтверждение нежелания израильтян вступать в мирный диалог с палестинцами.

А вот группа страдающих под гнетом оккупантов палестинских подростков (оператор, чтобы бороды деток в кадр не попали!).

Задавленные сионистской оккупацией мальчики выкрикивают миролюбивые лозунги: «Итбах эль егуд!»*

– Скажите, уважаемые господа, что вы думаете о произошедшем инциденте?

– Мы будем убивать еврейских собак повсюду, пока они не уйдут с нашей земли. (Режиссер! Это повторить перед началом программы. А также переписать в архив, это нам еще пригодится.)

Перед нами – группа арабских деток. Мальчики с мирной улыбкой, ничего не подозревая, швыряют в агрессоров бутылочки с зажигательной смесью. Вы видите, как искажены злобой лица агрессоров – израильских солдат при виде этой невинной шалости ребят. Вот один из солдат агрессора выглянул из укрытия и нагло, в противоречии со всеми международными нормами, подставил искаженное ненавистью лицо под камень, брошенный неумелой детской ручонкой арабского подростка лет сорока. Лицо сиониста провокационным образом заливается кровью...

Переходим к сообщениям из Ирака.

Американские военнослужащие расстреляли очередную иракскую демонстрацию. Имеется множество убитых и раненых.

– Мы будем и дальше предпринимать акции, необходимые для наведения порядка в стране, – заявил представитель американского командования.

А теперь мы с вами на похоронах несчастных арабских деток, зверски замученных израильскими агрессорами при столкновении на шоссе двух арабских машин. Израильские оккупационные власти клеветнически утверждают, что во время столкновения автомашин на месте происшествия никаких израильтян не было, но какое значение это имеет сейчас, когда палестинский народ требует справедливого возмездия подлым убийцам детей. Знаменитый палестинский певец, лауреат премии Израиля исполняет песню мира и дружбы «Убивайте еврейских собак повсюду!», и многотысячная толпа замученных оккупантами палестинцев запевает припев «Итбах эль ехуд!»: «Да здравствует мир и дружба между народами!» – поют участники мирной демонстрации, сжимая в руках автоматы.

Но что это? Участники мирной процессии подбегают к нашему оператору и миролюбиво разбивают камеру, а заодно и голову нашего оператора...

– Что вы делаете, ребята, мы же свои!

Уважаемые зрители! По техническим причинам мы вынуждены прервать наши передачи. О прошедшей только что акции мира и дружбы мы расскажем в следующих выпусках нашей передачи.

* Ni adou iaduyi ! (adaa)

НАШИ АВГУСТОВСКИЕ ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ

1 АВГУСТА

105 *éàò ìí áíý ðíæááíéý* дирижера, музыкального руководителя Немецкой оперы в Праге, Франкфуртской оперы, Лондонской филармонии, филармонического оркестра в Буффало, симфонических оркестров в Питсбурге и Бостоне **Ханса Вильгельма (Вильяма) Штайнберга** (Steinberg; 1899, Кельн – 1978, Нью-Йорк).

5 АВГУСТА

100 *éàò ìí áíý ìí áððè* патолога, установившего закономерность развития мочеточников, предложившего гистологические красители, а также методы окраски клеточных и тканевых элементов, которые способствовали развитию гистологии, бактериологии, патанатомии, **Карла Вейгерта** (Weigert; 1845, Мюнстерберг – 1904, Франкфурт-на-Майне).

120 *éàò ìí áíý ðíæááíéý* врача, микробиолога, основоположника иммунологии в Польше, автора трудов по иммуногенетике, иммунологической несовместимости при беременности и др., выдвинувшего гипотезу происхождения нормальных антител, **Людвика Хиршфельда** (Hirszfeld; 1884, Варшава – 1954, Вроцлав).

9 АВГУСТА

50 יום לילי הולדתו фехтовальщика, обладателя золотой олимпийской медали 1980 года **Йохана Харменберга** (Harmenberg; р. 1954, Стокгольм).

13 АВГУСТА

25 лет со дня смерти (26 ава) общественного деятеля, руководителя сатмарского направления хасидизма, духовного лидера ортодоксального антисионизма, автора трудов «Ва-Йоэл Мойше», «Диврей Йоэл» и др. **рабби Йоэла (Йойлиша) Тейтельбаума** (Сатмар ров; 1888, Сигет, Венгрия – 1979, Нью-Йорк).

20 АВГУСТА

30 лет со дня рождения скрипача, профессора Высшей музыкальной школы в Саарбрюккене, обладателя премии «Грэмми» 2004 года **Максима Венгерова** (р. 1974, Новосибирск).

22 АВГУСТА

130 יום לילי הולדתו философа, профессора Кельнского университета, одного из основоположников философской антропологии, аксиологии (науки о ценностях), социологии

познания, автора трудов «Формализм в этике и материальная этика ценностей», «Сущность и формы симпатии», «Формы знания и общество», «Место человека в космосе» и др. **Макса Шелера** (Scheler; 1874, Мюнхен – 1928, Франкфурт-на-Майне).

23 АВГУСТА

350 יארן תרביץ תרבות (6 зула) общественного деятеля, одного из ведущих алохических авторитетов своего времени, раввина Праги, Вены, Кракова и др городов Европы, автора комментария к Мишне «Тойсфойс Йом-Тов», кабалистических трудов, покаянных и др. молитв **рабби Йом-Това-Липмана Геллера** (1579, Валлерштейн, Бавария – 1654, Краков).

30 АВГУСТА

105 יארן תרביץ תרבות мастера фотоискусства, одного из основоположников советского фоторепортажа **Аркадия Самойловича Шайхета** (1898, Николаев – 1959, Москва).

ΕΣΤΙ ΑΘΑΕ ΑΑΑΟΝΟΙ ΑΝΕΙΕ Ι Ι Χ ΟΥ

Ι ΔΙ Θ Ε Ι Α Ε Ι Α Ν Ο Ι Β Ο Α Α

В №3 (143) «Лехаима» появилась очередная статья В. Кардина «До и после катастрофы», посвященная Е. Гнедину. Недавно я перебирал «Еврейское слово» за 2002 год, и там тоже почти в каждом номере мемуаристика Кардина с портретом автора в заглавии. Так же, как Б. Сарнов, В. Кардин не страдает отсутствием графомании. Знаю, что ему давно за 80, его недавно где-то даже назвали «старейшиной критического цеха», поэтому буду осторожен в выражениях – уважая его старые ордена.

Я когда-то читал в «Новом мире» воспоминания Е. Гнедина, и у меня не сложилось впечатления, что он был до конца искренен. В. Кардин напомнил, что отцом Е. Гнедина был А. Парвус (Гельфанд) – личность довольно известная и вполне одиозная. Беда в том, что современный читатель, не обремененный в отличие от В. Кардина историко-политическим образованием, считает, что всё, написанное до 1989 года, было неправдой. И поэтому в нынешнее время автору можно и не упоминать неприятные факты.

Но Кардин-то наверняка помнит известное место из очерка М. Горького «В.И. Ленин». А. Парвусу была дана доверенность на сбор гонораров с театрах Германии за пьесу «На дне». Парвус, по словам М. Горького, собрал почти 100 тысяч марок, из которых ему лично принадлежали двадцать процентов. Однако вскоре расстроенный М. Горький узнал, что Парвус прогулял все деньги в путешествии с одной очаровательной особой. Когда Горькому позднее показали эту даму, с которой путешествовал по Европе Парвус, Алексей Максимович, любивший, как известно, свои гонорары, не мог удержаться от восклицания, которое включил в текст очерка: «Дорогая моя, – подумалось ему, – дорогая».

Что касается Е. Гнедина, то, помня, что о мертвых либо хорошо, либо ничего, все же следует сказать, что нынешняя мода, которой неуклонно придерживается и В. Кардин, подавать весь материал о «гостуемом» (тем более еврейского происхождения, да еще в еврейском издании) только в розовых тонах, не может не вызвать чувства глубокого удовлетворения.

Как известно, Е. Гнедин занимал видное место в советской дипломатической иерархии. Он заведовал отделом печати Наркомата иностранных дел, был допущен к важным государственным секретам, поставлял для зарубежных изданий нужную информацию, как тоскливо замечает В. Кардин, «в черные годы, когда по долгу службы требовалось объяснять иностранным корреспондентам правильность процессов над “врагами народа”». Таким образом, Е. Гнедин преданно служил советской власти, как и всякий еврей, достигший высокого положения. Но Сталин играл в свою игру, и в определенный момент Гнедин оказался не нужен. А ненужных при Сталине держали в местах, отдаленных от площади Воровского немалыми расстояниями. И то, что Гнедин выжил, тоже говорит кое о чем. Я нашел воспоминания Гнедина в «Новом мире» и обратил внимание на несколько фактов. Ему удалось (в зале суда!) убедить судью переквалифицировать обвинение в государственной измене, что влекло неминуемый расстрел, на статью 58-б (шпионаж), сохранившую ему жизнь. В ссылке, пишет он, к нему часто приезжала жена, жила подолгу (однажды почти год), и они прожили там счастливые дни. На первой странице его дела стояло: «сын Парвуса» – к чему бы?

Но не в этом суть. В конце концов – «дела давно забытых дней». Отмечу лишь некий шик, с которым подается нынче подброшенная бывшим оперативником ГРУ перебежчиком Резуном (Суворовым) мысль о совместной подготовке Сталиным и Гитлером второй мировой войны, общих планов раздела мира. (Перефразируя Маршака, «с другом своим, Адольфом, он мировую разжег войну»). Не остался без внимания этот факт и в очерке бывшего особиста В. Кардина. Спрашивается, что же ты, господин хороший, раньше об этом не вякал? Ведь служил и знал, и в журналах печатался. Многие нынче подвывают, не испытывая страха и упреков.

Вот еще пример. Гнедин и люди его склада, – пишет В. Кардин, – принимали на веру «научообразные фантазии Маркса». Полвека лицемерил, славя «великое учение Маркса-Ленина», а нынче прозрел: «научообразное», дескать. Да и что отстаивать, когда бывший главный идеолог ЦК КПСС А. Н. Яковлев метко бросает комья говна в Ленина, называя его, как когда-то Керенский, германским шпионом. И удивляются, что «распался» СССР. Раньше много грешившие люди на старости лет удалялись в скиты,

предавались покаянию. «Смолоду бито много, граблено, под старость надо душу спасать», говаривали они. Ныне под старость не только стараются себя оправдать, но и других замарать.

Конечно, можно лишь догадываться о причинах неприязненного отношения В. Кардина к И.Г. Эренбургу. Не знаю, не участвовал. Во всяком случае, Эренбург немало написал не только в защиту дела мира во всем мире, но и в защиту евреев – в то время, когда другие стыдливо сморкались в платочек. Хотя И. Г. Эренбург публично признался, что Сталина он боялся. Это теперь все такие храбрые, попробовали бы тогда.

В отличие от Кардина И.Г. Эренбург за свою жизнь символа веры не менял. Те, кто читал написанный в 1927 году «тягомотный» роман о бурной жизни Лазика Ройтшванца и изданные почти через сорок лет «Люди, годы, жизнь», найдут все того же скептического Илью Эренбурга – умного, порядочного, наблюдательного, осторожного. Кстати, и сатирические образы из немецкой части страданий юного Лазика, того же герра Дреккенкопфа (перевести фамилию?), говорят о том, что своих пристрастий и антипатий И. Эренбург не менял. Так что прозвучавшая из уст Кардина байка, что он не пошел в гости к Эренбургу, якобы обидевшись за его отношение к немецким антифашистам, звучит не вполне серьезно.

Но как актуально слышны в романе о горестных приключениях Лазика Ройтшванца (почему – «ройт» и совсем непере译имое – «шванец»?) подзабытые затем еврейские мелодии! Еврейскую жизнь, нравы и историю Эренбург знал, не заглядывая в «Еврейскую энциклопедию». Немного иронизировал над своими героями-соплеменниками – без этого не бывает литературы, но всегда был искренен.

А то, что многое с нами теперь повторяется, – закон поднебесья. Как кто-то сказал, люди не меняются, меняются лишь обстоятельства.

И последнее. Понятно, что к ветеранам, к которым относится и В. Кардин, теперь у всех отношение особое. Их осталось очень мало. Я приношу ему извинения за возможно допущенные резкости. Но при всем уважении должен сказать, что многие люди распространяют на ветеранов свою любовь и боль за тех, кто не дожил до этих дней и навсегда остался на полях сражений. И ветераны помнят, что они ответственны за всех, кто давно уж не может сказать ни слова.

Ėāīēā Āīōāēī āī, Ī īīēāī

ĪŌĀĀŌ Ā. ĖĀĎĀĖĪĀ

За двенадцать лет службы в армии я ни одного дня не состоял в Особом отделе. У каждого офицера пожизненно хранится «Личное дело», где перечислены его звания, должности, части, в которых он служил. Я свое «Личное дело» видел и не нашел причин чего-либо в нем стыдиться. Так что по поводу «особиста» Л. Аптекмана попросту и заведомо лжет. Обсуждать тут абсолютно нечего. Как нечего обсуждать его выпады против Е. Гнедина – незаурядного человека, многолетнего лагерного «сидельца», о котором он судит поверхностно, развязно, с непозволительным (особенно в данном случае) высокомерием. А фраза – «И то, что Гнедин выжил, тоже говорит кое о чем», – просто бессовестна!

Лишь невежда способен утверждать, что Сталин расправлялся с теми, – в том числе и с «евреями, достигшими высокого положения», – кто «оказался не нужен». Нужные пострадали не меньше. В том трагедия не только их, но и страны. Истина эта, увы, не нова.

Да и знает ли вообще что-либо толком автор письма, если полагает, будто идея совместной подготовки второй мировой войны Сталиным и Гитлером «подброшена» человечеству изменником Резуном-Суворовым, а до того никому не приходила в голову? Что Эренбург никогда «символ веры не менял»? Еще как менял!

Словом, как говорил, – правда, по другому поводу, имея в виду отнюдь не Аптекмана, – Г. Плеханов, «не надо было братья за оружие».